

**МАРИЯ САМТЕНКО**

**ВЕДРО, ТРЯПКА  
И НЕМНОГО КРИМИНАЛА**



Эта история началась с того, что на меня упал труп.

Ну, не совсем на меня. Рядом. Все же, скажу я вам, ощущения просто незабываемые.

Потом, правда, стало еще интересней. Новые трупы, полиция и расследования, увольнения и разборки. И я ведь не виновата, оно само...

---



День начинается средненько. Десять часов утра, я нахожусь на рабочем месте и не особо усердно мою отделанный псевдомраморной плиткой пол (директор школы на холле не экономит). За дверью мерно капает слабенький дождик, разжижая и без того не особо густую грязь. Вчера на улице было сухо, а сегодня мой фронт работ существенно увеличился. К счастью, подавляющее большинство детишек укомплектовано сменной обувью, и основная грязь концентрируется у входа. Правда, бывают и исключения — например, вот эти три восьмиклассника, которые опаздывают на урок и оставляют за собой зловещие грязевые следы. Не порядок!

Останавливаю и начинаю пересказывать сочинение о роли чистоты в нашем мире. Пацаны вяло ругаются в ответ, не переходя, впрочем, на личности (м-да, технички в школе явно не пользуются авторитетом, попробовали бы они препираться с директором или химичкой). Двоих я знаю — это Мишка и Борька из 8 «а», имя третьего не припомню, хотя он точно знает меня. Ну, это не показатель, меня много кто знает — у нас на всю школу всего три уборщицы. Директор не хочет раздувать штат.

— Теть Марин, отпустите, у нас уроки, — ноет пацан. У него круглая, усеянная прыщами физиономия, пухлые губы и маленькие зелено-карие глазки. Так как же его зовут? Не помню, абсолютно не помню. Пора навешивать на детей бейджики.

— Идите.

Восьмиклассники корчат умильные рожицы (которые им так не идут), вытирают ноги о тряпку и с топотом несутся на уроки. Убираю остатки грязи, полощу тряпку и...

— Марина Васильевна! — из-за угла появляется высокая сутулая фигура директора.

Он подлетает ко мне словно коршун (кривой нос усиливает сходство) и злобно клекочет:

— Я запретил вам общаться с учениками! Почему вы...

Опускаю тряпку в ведро и секунду прикидываю, не стоит ли напомнить Борису Семёновичу его предыдущие директивы. Не далее как вчера он велел мне, Гальке и Катьке гонять детишек за опоздания. Но сегодня, конечно, он об этом забыл.

— Простите. Это больше не повторится.

Не буду оправдываться. Терпеть не могу. Я даже на суде не оправдывалась — что мне потом и аукнулось. Возможно, когда-нибудь придется начать... но явно не в этой школе.

К счастью, Борису Семёновичу достаточно грустного взгляда — он не нуждается в моем участии и совершенно самостоятельно начинает вещать о том, что взял меня в школу из жалости и что вообще-то уголовнице в ней не место, даже в роли технички. Меланхолично киваю, меня пронзают взглядом. Спыхватываюсь и спешно благодарю, рассыпаясь в несбыточных обещаниях.

Вообще-то он неплохой: взял меня в школу, платит зарплату (немного, зато стабильно), не обижает и...

— Да вы вообще слушаете?!

Киваю и еле слышно шепчу:

— Борис Семёнович, я пойду? Мне нужно работать.

— Идите!

Подбираю ведро и по стеночке дефилирую в подсобку. С утра работы немного, и мне,

по сути, осталось только вынести мусор и навести порядок в кабинетах физики и химии. У физика «окно», зато у химички что-то практическое — а, значит, придется опять мыть пробирки после девятиклассников. Пробирки ладно, вчера у них натрий по кабинету валялся, и мы с Катькой так и не поняли, рассеянность это или диверсия.

Вообще-то работаю я техничкой, по-простому, уборщицей, и трогать пробирки мне не положено. Вот только профессия лаборантки не пользуется популярностью, и нелегкое бремя обслуживания физического и химического кабинета лежит на наших с Катькой хрупких плечах — за что господин директор уже полгода выписывает нам премию. На этой неделе я занимаюсь лабораториями, а Катька царит в туалетах, поэтому не известно, кому повезло больше.

До звонка минут пять, и я решаю выпить чаю в подсобке. Прохожу по коридору и сворачиваю направо. Во-он там — железная дверь, скрывающая вход в нашу каморку... из которой доносятся чьи-то возмущенные вопли! Ну, и кто там орет? Галина опять поругалась с Катькой? Чую, передохнуть не удастся.

Решаю разведать обстановку и подбираюсь поближе:

— ...нельзя доверять!.. — доносится из-за двери.

— А я виновата, что у нее всего одна пара перчаток?

Интересно, что в нашей каморке забыла учительница по литературе? Такое нежное и возвышенное создание не может соприкоснуться с пошлым бытом! Со мной, например, она не здоровается — видимо, я символизирую быт особенно активно.

А кто ее собеседник?

— Не истери, подберем что-нибудь! — голос явно мужской, и интонации такие... знакомые. Да только и этому типу тут явно не место.

— Давай возьмем идиотский криминальный роман!

— Нет, Люда, здесь нужно...

Чего забыл наш физик в подсобке, и для чего ему сдались мои детективы, я так и не узнаю: над ухом звенит звонок. Увы! Сейчас коридор наполнится учениками, и подслушивать не удастся. Хватаю ведро и тихо, на цыпочках, прохожу метров двадцать, после чего разворачиваюсь и, уже не таясь, шагаю обратно, к каморке.

Тем временем двери ближайшего кабинета распахиваются и в коридор высыпаются гомонящие пятиклашки. В соседней аудитории шумит 8в, а 9б сидит тихо — похоже, ребята пишут контрольную. Четвертая и пятая двери открываются одновременно, в коридоре становится людно, и тут наконец учительница литературы покидает подсобку в сопровождении физика.

Последний чуть старше меня, но выглядит, зараза, гораздо моложе (но это не его заслуга, а моя, кхм, недоработка). Зовут его Валентин Павлович, и я знаю его очень, очень давно.

Когда-то мы начинали в одном заштатном НИИ, но потом на меня повесили кражу, а он... благополучно продолжил карьеру. Но длилась она недолго — Советский Союз развалился, НИИ протянул пару лет и последовал его примеру, и след Валентина Павловича затерялся. Да я и не особо следила, куда он делся — из тюрьмы особо не проследить.

Еще через пару лет я освободилась из мест не столь отдаленных и пошла устраиваться на работу. Наличие судимости ну никак не способствует карьерному росту, так что на жизнь я до сих пор зарабатываю уборкой.

Где-то полгода назад меня позвали работать в школу (была там какая-то сложная схема

с участием Бориса Семёновича и моего предыдущего работодателя). Познакомившись с коллективом, я с удивлением обнаружила, что физиком в ней работает мой давний знакомый.

С годами он не стал приятней, и мы ожидаемо не пришли друг от друга в восторг. И если я от вида его противной физиономии страдала молча, то драгоценный физик распечатал какой-то закон и махал им часа полтора. А уж зубами ка-ак скрежетал... даром что не орал. Впрочем, он никогда не орет, предпочитает шипеть/кряхтеть/пыхтеть, но голос при этом точно не повышает. У меня-то ладно, иммунитет, на зоне и не такие кадры встречались, но дети пугаются.

Вот только что этот тип забыл в нашей каморке? Да еще и с Людмилой «Литературой», с которой, как мне казалось, у него нечто вроде «холодной войны».

Стараюсь не показать своего любопытства. Подхожу к железной двери и кожей ощущаю нервные взгляды парочки, которая как раз от нее отходит.

— Простите, вы что-то искали? — киваю на дверь.

Валентин Павлович расцветает улыбкой. Тоже мне барбарис.

— Искал. Мариночка, милая, мы проводили опыты и немного намусорили. А вы почему-то не торопитесь убираться.

Ну вот, пожалуйста, опять этот тон. Не ясно, где или откуда я должна убираться, и с кем он там проводил опыты, когда всем известно, что предыдущим уроком было «окно». Неужели с «Литературой»?

— В кабинете не вымыто целый урок, — уточняет физик.

Судорожно вспоминаю, что кроме «окна» у него был еще первый урок. И я опять забыла, что этот тип считает ниже своего достоинства убирать приборы после своих практических занятий и вызывает для этого дела уборщиц. Однако минутку... по плану у него не должно быть никаких опытов. И в эти планы точно не входит исследование наших вещей в каморке.

Однако я не лезу в бутылку и, молча пожав плечами, поднимаюсь на четвертый этаж. Приборы в лаборатории, поэтому я собираю разбросанные бумажки в корзину и мою доску. Полы... хорошо бы их протереть, но через час дети снова натопчут. Оставляю как есть.

Хм... а зачем я тащила ведро? Хотя, в принципе, ладно, оно же пустое!

Так... зачем мне пустое ведро? Глубоко вздыхаю и протираю глаза. Все-таки по ночам нужно спать, а не ругаться с соседями и выгонять из дома бывшего мужа. Опять этот физик спутал все планы! Сначала я собиралась оставить ведро в подсобке, но в результате совершенно случайно утащила наверх. Ну, ладно... Мне просто нужно поспать. Или проветриться.

Открываю ближайшее окно и с наслаждением вдыхаю не особо чистый городской воздух.

Ой, а кто это там? Три маленькие фигурки собрались в круг и пускают тонкие струйки дыма. Рассматриваю их повнимательнее. По-моему, это утренние.

Ау, народ, курить вредно! Пойду прогоню. Директор велел бороться с курильщиками. Правда, велел он всем, а заводить с детьми разговоры он запретил лично мне, но... как там у нас? «Из двух противоречивых приказов выполни оба?». Первый по душе больше. Пора позаботиться о здоровье детей, а то вырастут как мой бывший муж. Говорят, что он в детстве курил...

Автоматически хватаю ведро и выскакиваю из кабинета под мерзкий шум звонка. У физика второе «окно», благо в расписании очередная накладка (мерси новой методистке), и

я не опасаясь наткнуться на него на входе. Мой бывший сослуживец, наверно, отдыхает от занятий у себя в лаборантской... ну, или в учительской.

Сбегаю по лестнице с четвертого на первый и вылетаю в холл. На проходной сидит Галя, она контролирует вертящийся турникет. Когда мне влетело от директора, она не присутствовала — наверно, пила чай в столовой.

— Куда ты несешься?

— На выход. Пойду народ погоняю, курят и курят, совсем обнаглели.

— Кто?

— Восьмиклашки. Не видела?

— Да не, видать они прошли через черный ход. Иди, иди, прогони. Вот ведь она, молодежь, ни стыда ни...

Галина — вдохновенный разносчик сплетен, но и побурчать она не откажется. Улыбаюсь, киваю, всплескиваю руками, прохожу через турникет и выскакиваю на улицу.

Дождь, к счастью, закончился, но грязь никуда не делась. Лавирую между луж, обхожу школу и подбираюсь к трем давешним восьмиклашкам. Так вот куда они бегали утром! Нехорошо опаздывать на уроки... а курить вместо литературы (специально притормозила и посмотрела, что у них в расписании) — вдвойне.

Нарушители замечают меня не сразу (ну техничка, ну идет и идет, не директор же, в самом деле!). Я не ору, просто отнимаю у всех троих сигареты, швыряю в лужу и заявляю:

— Пачку давайте.

Оцепеневшие от моей наглости пацаны приходят в себя, Борис прячет пачку в карман, Михаил открывает уж было рот, чтобы сказать что-то — по глазам вижу, не слишком приятное.

— Э... а.... — раздается из-за его спины.

Поворачиваюсь к нему. Мальчик беззвучно открывает рот и тыкает пальцем наверх. Поднимаю глаза.

Хрупкое тело мелькает в окне четвертого этажа....

...легко соскальзывает вниз...

...ударяется о землю... выгибается...

... лужа грязи окрашивается ручейками крови...

Молчание. Ребята переглядываются, после чего их взгляды скрещиваются на мне. Облизываю пересохшие губы и тыкаю пальцем в первого попавшегося ребенка.

— Коля... или кто там из вас... беги в школу, нужно вызвать «Скорую».

Машинально отмечаю, что вспомнила имя третьего. Восьмиклассник хлопает глазами, потом до него доходит, и он мчится в сторону школы.

Тем временем я приближаюсь к телу: может, ребенок все еще жив... хотя вряд ли. Ноги не гнутся, руки дрожат (мои, разумеется). Пострадавший же признаков жизни не подает: лежит неподвижно, конечности безвольно раскинуты, шея странно изогнута. Тело достаточно длинное — класс девятый-десятый-одиннадцатый. Как же он так...

Усаживаюсь на корточки и трогаю тело. К горлу подкатывает комок. Вскрываю и, отвернувшись, борюсь с рвотным рефлексом. Позорно проигрываю: завтрак покидает желудок и устраивается рядом.

Повторно склоняюсь к упавшему, протягиваю руку и щупаю пульс. Отсутствует. Похоже, школьник уже не жилец... Или жилец? Я у себя не всегда могу пульс нащупать. А

вдруг?..

Хватаюсь за тело и пытаюсь перевернуть. Тяжелое. К тому же руки скользят. Но проверить, конечно, надо.

— Ребят, помогите.

Сбившиеся в кучку дрожащие восьмиклассники глядят на меня, после чего один из них начинает визжать. Второй мгновенно подхватывает писк. И тут, в довершение всего, на втором этаже распахивается окно, в проеме появляется кудрявая голова биологички:

— Марин, дети говорят, там кто-то летел... а что вы орете?

Растягиваю губы в улыбке и молча показываю пальчиком вниз. После чего медленно-медленно плетусь к ближайшей стене, чтобы на нее опереться, но ноги подкашиваются, и я сажусь прямо в лужу. Юбка мгновенно намокает.

А пацаны продолжают орать.



Во двор заезжает машина «Скорой помощи». Флегматично провожаю ее взглядом. Оперативно они... я-то думала, прокопаются как минимум час. В школу просто так не попасть, но это не техника безопасности, а техника разгильдяйства. Большие ворота у нас всегда заперты, ключ у дворника, а дворник — в запое. Замкнутый круг.

Вот, например, неделю назад «таинственные спонсоры» из числа родителей подарили нашей школе три новые парты, и детки таскали их через калитку.

А тут как быстро открыли! Определенно, трупы дисциплинируют. Кого-то. Зато меня они расслабляют — я уже полчаса сижу в луже и философски наблюдаю за обстановкой. А может и не полчаса — часами как-то не запаслась.

Тем временем из недр реанимобиля дружно выбираются три фигуры. Из-под коротких курток выглядывают белые халаты. Цепляюсь за эту интересную мысль и начинаю думать, чего бы сказала об этом русичка.

«Выглядывают халаты». Представляю халаты с глазками. Да не с простыми, а с длинными, кожистыми трубочками, как у улиток. Какая интересная мысль!

Обитатели реанимобиля почему-то решили загородить от меня труп. Не хотите — не надо. Отворачиваюсь от них и философски смотрю в пустоту. Мысли текут так медленно, перекатываются в голове, словно волны, и я никак не могу заставить себя сосредоточиться на чем-то конкретном. Наверно, так проявляется шок. Хотя с чего бы ему взяться, я что, ни разу трупы не находила?

Перебираю в памяти последние сорок лет. Действительно ни разу не находила. Упущение!

В поле зрения вдруг появляется круглая физиономия с блеклыми голубыми глазами в обрамлении сетки морщин. Какая-то зараза трясет меня за плечо, а потом отходит, и я вижу светло-синюю форменную рубашку. Милиция. Или как там? Полиция? Кто там нынче ездит на трупы? Вспоминаю свежепрочитанный детективчик. Следственный комитет!

Мужик открывает рот и я, конечно, туда заглядываю. Зубы у него неплохие, довольно ровные, пусть и слегка желтоватые. Ну ладно, хоть кариеса нет. Хотя, может, и есть. Откуда мне знать? Я так-то не стоматолог...

— Свидетели... медики... шок... труп... — бормочет следак.

Ну ладно, вообще-то он говорит достаточно громко. Мне просто с трудом удается вычленивать отдельные слова. Чего от меня хочет следак? Зачем цепляться к уборщице, если есть труп?

Кстати, о трупе. Врачи наконец-то констатировали смерть, но вместо того, чтобы радостно упаковать покойного в черный мешок, почему-то обращают внимание на меня.

Поднимают и тащат в сторонку, бормоча что-то про «ступор», «уколышки» и «пустырник».

У меня? Ступор? Да ну, это бред...

— А ну ВСТАТЬ!!

Машинально подскакиваю и ударяюсь головой обо что-то твердое. Какого?!

Туман в голове постепенно рассеивается. Понимаю, что сижу в машине «Скорой», ласково обдуваемая сквознячком из открытой двери и поливаемая мелким дождиком из нее же, и держу в руке одноразовый стаканчик с какой-то жидкостью. Машинально отхлебываю

и недолго борюсь с желанием выплюнуть противную жижу. Терпеть не могу валериану, да и вообще любую дрянь на спирту. Фу!

В итоге воспитание побеждает, я глотаю успокоительное и осматриваюсь. Так-так-так... а «Скорую» изнутри не мешает покрасить, стоящего передо мной врача — раскормить (какой-то он излишне худой), и еще... у меня почему-то промокла юбка. Вся, целиком. Это еще почему? Ах да, лужа...

Рассеянно киваю врачу (знаю, знаю, надо сказать ему «спасибо», но меня почему-то не тянет) и вылезая из машины. Школьников в обозримом пространстве не наблюдается (наверно, их отвели в тепло и оказывают более квалифицированную помощь, дети же все-таки), но тело на месте. Лежит себе в луже, никого не трогает... Тьфу! Раньше я что-то не замечала за собой подобной циничности, наверно, от медика заразилась.

Вокруг несчастного подростка суетится молодой человек в заляпанных грязью джинсах: рассматривает, фотографирует и записывает в блокнотик. Порой он так низко наклоняется к трупу, что, кажется, даже обнюхивает. Ноздри у него слегка вздрагивают, это факт. Рядом неспешно беседуют двое: невысокий, довольно круглый и совершенно седой, а местами и лысый, следак, и хорошо сложенный темноволосый юноша в кожаной куртке. На мента последний не тянет. Не скажу почему, но не тянет. Наверно, стажер или практикант.

Делаю несколько шагов, параллельно прикидывая, как бы мне обойти эту троицу, не приближаясь к телу и не вляпавшись в густую, маслянистую грязь. Следак тут же поворачивает голову, пеленгуя меня своими светло-голубыми, какими-то выцветшими локаторами, и вновь переводит взгляд на эксперта. Точнее, на стеклянную пробирку в его тонкой, обтянутой резиновой перчаткой руке.

В пробирке плещется подозрительная жидкость, она же содержится в луже.

— Ну и что это?

Эксперт нетерпеливо пожимает плечами.

— Анализ покажет, — бормочет он. Это в кино они страшно непроницаемые, а сейчас на его невыспавшейся физиономии ясно читается что-то вроде: «Отстаньте и дайте мне поработать!».

Я подхожу поближе и мрачно разглядываю искомую лужу:

— «Бомжати́на» с курицей.

Мент удивленно разворачиваются ко мне:

— «Бомжати́на»?

А, черт. Мент, кажется, не разбирает наш любимый школьный жаргон.

— Лапша быстрого приготовления. С курицей. Я ела ее на завтрак.

Эксперта перекашивает. Легонечко так. Похоже, он невысокого мнения о моем рационе. Да знаю я, знаю, что это вредно! Но мой закаленный желудок уже ничего не берет. Да и потом, если язва не пришла в сорок, она заблудилась и уже не дойдет.

— Так это вы обнаружили труп? — уточняет следак. Еще один любитель риторических вопросов на мою голову! Зуб даю, он уже опросил полшколы.

— Вроде того. Труп упал рядом со мной.

— Отлично!

Не представляю, что тут может быть такого отличного. Но следаку, похоже, виднее — он ласково улыбается, предлагает пройти в здание школы и побеседовать. Радостно соглашаюсь (признаться, мне уже надоело стоять под дождем) и веду его в комнату с железной дверью. Стражер/практикант увязывается с нами, чрезвычайно довольный эксперт

остается у трупа, что тут же компенсируется попавшимся по пути директором. Он увязывается с нами и всю дорогу нервно бурчит, что зря приютил уголовницу и что ни грамма не удивится, если окажется, что именно я спихнула ребенка из окна кабинета физики. Я невольно краснею и отвожу взгляд, стажер с трудом сдерживает ухмылку, и даже полицейский изредка поворачивается чтобы пронзить нас с директором ехидными взглядами.

И я конце концов не выдерживаю:

— Борис Семенович, я что-то не поняла, это что, заведомо ложный донос?

Директор резко тормозит и разглядывает меня добрых пятнадцать секунд. Растягиваю губы в улыбке. У него дергается глаз. Что, вообще-то, логично — за те полгода, пока я работаю, в школе не было ни одной смерти. Наверно, директор отвык.

Тем временем полицейский подходит к двери и мягко толкает ее вовнутрь. Заходит. Освоился, зараза такая...

— Ну что ж, проходите, будьте как дома, — директор приветливо скалится и достаивается недоуменного взгляда из-за открытой двери. — Пардон! Уже прошли.

Он втягивается в дверь, я послушно иду за ним.

Наша каморка это крохотное помещение, в которое аккуратно втиснуты маленький столик, три деревянные табуретки, скамейка, два старых шкафа под вещи (мой — левый) и относительно новый (старательно сколоченный из списанных за ветхостью парт) комод, в котором хранится уборочный инвентарь. Тот, который не стоит в углу вертикально.

Потому свободного места в подсобке маловато, и маневрировать там не так-то и просто. Но довольно упитанного полицейского это никак не смущает — он ловко скользит за столик и размещается на самой надежной (с виду) табуретке. Я огибаю комод и усаживаюсь напротив, стажер занимает табуретку с надломанной ножкой (обычно на ней сидит Катька как самая худая из нас), директор же просто прислоняется к стене. На сидение самого молодого из нас — практиканта — он почему-то не покушается. Наверное, потому, что сейчас даже он — представитель властей.

— Дежурный следователь Следственного Управления Следственного Комитета РФ Федор Иванович Федоров, — представляется полицейский. Имя-отчество кажется смутно знакомым. Старательно напрягаю память... и тут меня осеняет! Расплываюсь в довольной улыбке, припоминая, что Федор Иванович это Хучик, совершенно очаровательный персонаж детективов Дарьи Донцовой. И еще это мопс.

— А это Вадим.

Стажер-практикант (хотя, наверно, все же стажер) складывает руки на груди и склоняет голову. Мы с директором переглядываемся и киваем. Имя «Вадим» не вызывает у меня никаких ассоциаций, ну и ладно. Зато теперь, наверно, будет вызывать.

Полицейский извлекает из кейса какой-то бланк, долго шарит в поисках ручки, и, с трудом одержав над коварной победой (ох, как я его понимаю, сама в своей торбе ничего не найду), приступает к беседе. На допрос это не похоже, скорее, что-то полуофициальное, потому что на бланке, я вижу, написано «Объяснение».

Я представляюсь, кратко описываю свою биографию (родилась тогда-то, тогда-то села в тюрьму, тогда-то освободилась, работала там-то и там-то, и вот полгода назад устроилась в эту школу).

— По какой статье судимы? — уточняет следак.

Пожимаю плечами:

— Простите, не помню, какая это статья, но сидела за кражу. И это было очень давно, — помявшись для приличия, называю годы отсидки.

Следак кивает и делает запись в листе.

— А что вы украли? — интересуется стажер, за что получает два возмущенных взгляда от нас с мопсиком и один, заинтересованный, от директора.

Еще бы. Я никогда не посвящала его в такие тонкости. Да и вообще — ни в какие. Не сказать, что я что-то скрываю, просто не очень люблю обсуждать свое криминальное прошлое.

— Не хотите — не говорите, — торопливо добавляет следак.

Задумчиво касаюсь левого уха. Свой срок я уже отсидела, новый мне не добавят, а так менты могут подумать что-то не то. Почему бы и не сказать?

Провожу языком по губам.

— Скелет.

М-да. Подумать только, всего одно слово — скелет — а какой эффект! Доблестные стражи правопорядка, а также примкнувшие к ним личности округлили глаза и удивленно разглядывают меня, и только неожиданно напавший на директора нервный кашель мешает этой сцене превратиться в немую как в «Ревизоре».

Кстати, директор почему-то смотрит не на меня, а куда-то в сторону, и взгляд у него тревожный и подозрительный. Припоминаю, что в той стороне у нас расположен кабинет биологии, где тоже хранится скелет на подставочке. Директор, наверно, боится, что я могу его умыкнуть. Вот ведь зараза!

— Марина Васильевна, — это уже Федор Иванович. — Вы... кхм...

Опять этот кашель! Похоже, в наш город наконец-то пришла осенняя эпидемия. Вернусь домой — наверну чеснока с «бомжатиной» (другой еды в доме нет).

— А можно спросить, — влезает любопытный стажер, — зачем вам понадобился скелет?

Складываю руки на груди. Я не хочу ему отвечать. Менты и так могут запросить мое личное дело, а директор, в свою очередь, в состоянии обойтись без этой ценной информации. Мне в этой школе еще работать, и не хочется прослыть идиоткой — а ведь история и вправду слегка идиотская.

Значит, так. Давным-давно, еще при Союзе, я мирно трудилась в одном НИИ над Очень Секретным Проектом. Одним из обитателей нашей уютной лаборатории был полноразмерный макет скелета, подаренный нам на каком-то протокольном мероприятии. Скелет состоял на балансе НИИ и имел инвентарный номер, а мой тогдашний начальник питал к нему совершенно непостижимую симпатию и ласково называл Гамлетом. И вот однажды скелет потерялся, а череп нашли в моих личных вещах. Потом уже следствие, суд, поганая статья про хищение государственного имущества, вину по которой я не признала, и реальный срок в тюрьме: частично из-за отказа «сотрудничать» (а много я насотрудничаю, если мне ничего не известно), частично из-за закрытого статуса нашего НИИ. Неслабый причем такой срок.

— Ну так зачем?.. — торопит Вадим.

— Да! — вякает наш не менее любопытный директор, и я решаю пойти в отказ.

Но тут на помощь приходит Федор Иванович:

— Вы не обязаны отвечать про скелет, — сухо произносит следак в сторону своего стажера. — У нас объяснение по другим фактам.

— Спасибо, — бормочу я. — Ну что, мы приступим?..

Следак вооружается ручкой; директор нервно теребит свой пиджак и поочередно моргает обоими глазами. Похоже, что он пытается подать мне какой-то сигнал, вот только менты просекают это на раз, а ваша покорная слуга — с некоторым опозданием. В итоге Федор Иванович бормочет что-то про тайны следствия и настоятельно просит директора выйти. Тот ощутимо бледнеет и медленно, по стеночке, выползает в коридор.

В процессе сердобольный стажер Вадим предлагает ему валидольчик, но мой непосредственный начальник благородно отказывается. Что, в принципе, понятно — Донцова пишет, что все эти успокоительные здорово замедляют скорость реакции.

Следак переглядывается со стажером (точнее, сурово сверкает глазами, чтобы тот не

отвлекался), кладет ручку на стол и вновь фокусирует взгляд на мне:

— Для начала, Марина Васильевна, опишите педагогический коллектив.

Ну что ж, по крайней мере, они отошли от темы скелета. И это не может не радовать!

Я начинаю выкладывать сплетни о том, что трудовик мутит с химичкой, физрук ненавидит детей, физик загадочно связан с учительницей литературы, а муж нашей биологички работает в каком-то медицинском ВУЗе, и та то и дело приносит на работу списанные макеты венерических заболеваний со всеми соответствующими частями тела и ужасающими подробностями. И как-то весь этот кошмар разглядели две пятиклассницы... ох, шуму-то было...

Заботливо просвещаю ментов о том, что все парты исписаны сверху и залеплены жвачками снизу; и что учительница русского языка временам читает надписи на столах и иногда даже что-то дописывает (пространно и нецензурно), но детишки об этом пока не догадываются, потому что в тетрадах она пишет правой рукой, а на партах левой.

Рассказываю, что учительница по рисованию в контрах с учительницей по черчению, и если ты вдруг получишь пятерку по одному предмету, вторая училка посмотрит журнал и вклеит двойку из вредности. Поэтому хитрые детки безбожно хватают «лебедей» по ИЗО и тут же получают «заслуженные» оценки по черчению, хотя и то, и другое они знают примерно на одном уровне — нулевом.

Сообщаю о том, что отличникам постоянно завышают оценки, потому что они — надежда и гордость. И если десятый класс еще ничего, но одиннадцатый совсем обнаглел — детишки изволят ходить почти исключительно на предметы с ЕГЭ, а если случайно придут на другие, то все равно ничего не делают...

Следак прерывает мой бурный рассказ (я с возмущением замечаю, что на листе «объяснения» до сих пор пусто) и приступает к конкретным вопросам.

Девятые классы.

Их всего два, «а» и «б», но в каждом человек тридцать. Куратор у них один на двоих — суровая, мрачная «англичанка». Она обожает классическую литературу и гордо носит на обесцвеченной голове жутковатого вида начес; не слишком-то любит нашего физика, но дружит с биологичкой. Детишки ее боятся. Две трети девятиклассников курят, отдельные личности балуются пивом. Примерно с месяц назад один ученик (нет-нет, не убитый) изволил прийти в состоянии алкогольного опьянения. Сначала его стошнило в туалете, потом сия безответственная личность зачем-то решила пойти на урок и ухитрилась столкнуться с директором. Шуму-то было...

Денис Костылев, покойный девятиклассник.

О нем я почти ничего не знаю. Нет, правда. Об отношениях в коллективе меня любезно просвещает скучающая на вахте Галька, но промывать кости ученикам она пока что не начала. Каких-то, конечно, я знаю и так, но этот несчастный к ним не относится. Нет, ну, в лицо я его узнаю, но если передо мной посадить десять человек... точнее, положить десять трупов, едва ли смогу понять, который из них Денис.

Зарплата.

А им-то какая разница? Ладно, ладно... зарплата нормальная. Конечно, могла быть побольше, но, в принципе, я довольна. На детективы хватает. На еду — не всегда, но разве я виновата, что нежно любимая мною Дарья Донцова так быстро пишет. Ну а тех пор, как я выпнула Петьку с его перманентным алкоголизмом, мои финансовые дела пошли в гору и хватать на конфетки. Со следующей зарплатой, может, и куртку куплю...

Директор.

При всех своих недостатках это хороший мужик. Он взял меня на работу, стабильно выплачивает зарплату, почти не пристаёт... Что? Часто ли ко мне пристаёт? Да не, не в том смысле! Хотела сказать, не прессует. А в первом смысле... да он же не извращенец! Наверно... Откуда мне знать?

Хотя в последнее время мне кажется, что директор какой-то подозрительно нервный. Эмоции он, похоже, не скрывает вообще! Захотел — наорал, захотел — побледнел...

Само происшествие.

Ну, вот, началось. Вздыхаю и начинаю рассказывать, что и зачем. Тетка любимого мопсика Даши Васильевой Федор Иванович довольно щурит глаза и торопливо записывает, изредка подкидывая вопросы: как меня занесло в кабинет физики, куда я так торопливо помчалась, зачем захватила с собой ведро, не видела ли Дениса, где в это время был физик.

Отвечаю максимально развернуто и подробно, молчу лишь о странном поведении физика — мне не хотелось бы обсуждать с ментами мои отношения с этим типом.

Потом я просто сижу и жду. Следак торопливо дописывает объяснение и сует мне его на подпись. Ага, щ-щас! Мне его жуткий почерк в жизни не разобрать. Прошу зачитать. Хучик исполняет мою просьбу без особых восторгов. Хватаю предложенную ручку, секунду раздумываю, а не снять ли перчатки, а то подписывать неудобно и...

Шарах!

Менты нервно вздрагивают, их взгляды скрещиваются на двери. Тихонечко хмыкаю и оставляю на бланке свою закорючку. Потом еще и еще — на каждом листе.

Вахтерша Галина рассказывала, что года четыре назад, когда в каморке потребовался ремонт, дражайший директор опять ударился в экономию, и дверь устанавливал трудовик. Мужик он, конечно, хороший, а столяр так вообще выше всяких похвал, но установка дверей, по-видимому, не его — мало того, что она из железа, к косяку прилегает неплотно, да еще фиг пойми, в какую сторону открывать. Я, помнится, путалась где-то месяц, следак ухитрился открыть с первого раза, а кто-то с той стороны... похоже, не угадал.

— Дурацкая дверь, — бормочет, переступая через порожек, эксперт.

Следом за ним просачиваются еще две какие-то личности. Все трое размахивают руками, объясняют, рассказывают и показывают. Я вижу, как темные глаза Вадима становятся все больше, больше... в отличие от стажера, Федор Иванович понимает, о чем идет речь, и мрачнеет буквально на глазах.

Я закрываю глаза, машинально тяну ко рту ручку... а, вот, дурацкий практикум с первого курса. Помнится, я — отличница — сдала его с третьего раза. Баллистика явно не мой конек. Хотя, наверно, это и не баллистика. Знания в голове сохранились, а название предмета почилло в Лете.

Но вывод тут однозначен:

— Вы, что, хотите сказать, он не сам?..

Эксперт раздраженно кивает:

— Скорее всего. Экспертиза покажет.

Следак поворачивается ко мне, черты его лица слегка заостряются. Чуточку, самую малость — но мне вдруг становится жутко. Дешевая синяя ручка предпринимает попытку вырваться из моих пальцев, по спине сползает капля пота.

— Откуда вы знаете? — ласково улыбаясь, интересуется Хучик.

Угу-угу. Знаем мы эти улыбочки... Я опускаю ручку на стол и пожимаю плечами.

Выходит немного нервно.

— Ну, я же все-таки физик...

Мент удивленно расширяет глаза. Интересно, с чего это вдруг? Я же ему... а, нет, не сказала. В моем объяснении есть графа про образование, но там записано просто «высшее». Распространяться в подробностях почему-то не хочется, получится как со скелетом.

— Поня-ятно... — тянет Хучик.

Он забирает у меня «объяснение»... и, кажется, впервые обращает внимание на мои руки.

— Будьте добры, снимите перчатки.

Тусклые голубые глаза неожиданно вспыхивают, и я понимаю — не отвертеться. Снимать перчатки ужасно не хочется. В этом простом как тряпка желании нет ничего криминального, просто меня... ммм... слегка напрягает эта болезненная процедура.

— Ну-ну... — торопит следак. Похоже, ему не терпится покинуть каморку и отловить для допроса кого-то еще.

Послушно киваю, изображаю улыбку и стягиваю перчатку с правой руки. Ну что сказать, рука как рука. Подумаешь, кожа не очень. У нас, уборщиц, это такая профессиональная травма.

— Ну.

Вздыхнув, освобождаю от желтой резины свою несчастную левую кисть и демонстрирую следаку кривовато намотанные бинты. Дожидаюсь властного кивка, разматываю дурно пахнущую марлю (бальзамический ленимент по Вишневскому хорошо заживляет, но пахнет он гадостно) и осторожно складываю ладошки ковшиком.

— Твою ж... — бормочет стажер.

Федор Иванович подходит поближе и сочувственно цокает языком. Слева склоняется любопытный эксперт: берет мою руку в свои и внимательно осматривает четыре уже подживающие ранки.

Потом осторожно касается воспаленной кожи и уточняет:

— Чем это вы?..

Возмущенно фыркая, отнимаю руку и снова наматываю на рану бинты. Чего сразу я? Вообще-то, это все Петька.

— Да как сказать, чем... наверное, бывшим мужем. Он страшно не хотел разводиться и почему-то решил, что если воткнет в меня вилку, то суд нас поженит обратно.

Вадим удивленно округляет глаза, в глазах мента и эксперта — естественный скептицизм. Спешу развеять сомнения:

— Да знаю я, знаю, в руке есть кости и сухожилия, их просто так не проткнешь. Да он, в принципе, не проткнул, дырочки не сквозные...

Вздыхаю и снова натягиваю перчатку. И ладно бы кто-то помог! Но нет, все сама...

Полюбовавшись на открытую рану, менты теряют ко мне интерес. Хучик небрежно сует объяснение в портфель, прощается и направляется к двери, эксперты вновь обсуждают что-то свое, и только стажер, поднимаясь с Катькиной табуретки, с улыбкой интересуется:

— И что там суд, поженил?

Я на секунду перестаю ломать голову над сложной дилеммой (сослаться на шок и отпроситься до завтра или геройски вернуться к мытью полов) и рассеянно отвечаю:

— Угу. Восемь раз.



Из каморки выходим все вместе.

Менты тут же поднимаются вверх в надежде отловить для допроса (тьфу, опроса!) классную руководительницу покойного Дениса. Ну-ну, удачи им. Из наших учителей она самая злобная, даром что школа с английским уклоном (хм, может, это не совпадение?). Какая, казалось бы, разница, вот только ментов англичанка не любит до жути. По словам Гальки, это из-за того, что много лет назад у нее кто-то повесился в выпрезителе. Что за муж, брат или сват это был, Галина не знает, чем создает некий повод для недоверия. С другой стороны, до того, чтобы спросить подробности непосредственно у англичанки, на моей памяти никто еще не додумался.

Но все-таки я надеюсь, что нервы у наших следаков закаленные, и злобное бухтение на языке Чарльза Диккенса не станет причиной глубокой психологической травмы.

С удовольствием понаблюдала бы за этой баталией — но нет, мой путь лежит в старое, еще довоенной постройки крыло. Там занимаются младшие классы и заседает, отделившись от коллектива, директор. И если первое обстоятельство еще можно объяснить логически — детишки, мол, весят мало, и ветхая деревянная лестница (ходить по которой я немного побаиваюсь) не должна под ними обвалиться, то второе — загадка.

Обычно мне нравится кабинет директора — цветы и папки с какими-то документами создают почти женскую атмосферу бюрократического уюта — но сейчас в нем воняет спиртягой, хоть топор вешай.

Здоровуюсь и принимаюсь. От директора разит чем-то медицинским: пустрыником, валерианкой или настойкой пиона. У меня на спирт нюх наметанный, но нюансы не разберу, даром что бывший муж тот еще алканавт.

Хотя от директора пахнет приятней; и вообще, ему можно. Не каждый же день в нашей школе кого-нибудь убивают. А если вспомнить про предстоящую ему увлекательную беседу с ментами, так это кого угодно выведет из себя. Бедолага.

Я тоже была под следствием и представляю, что может думать бедный Борис Семенович. По счастью, меня судили не за убийство! Я настоящих убийц и близко не видела, в нашем блоке их не держали.

Так вот, если судить по прочитанным детективам (а более надежных источником информации у нас пока нет) и газетным статья, загадочные школьные самоубийства принято «вешать» или на директора, или, что более вероятно, на классного руководителя — который «не удержал», «не предупредил» и в целом «не бдил». Но англичанка уж точно не даст себя обиду, поэтому наш директор вполне в состоянии огрести срок по какой-нибудь бестолковой статье вроде халатности.

Хотя о чем это я? У нас на повестке дня криминальный труп, а значит, директор может быть в безопасности. Если, конечно, он не убийца — но в этом случае мне его, конечно, не жалко.

Но я не сразу огорошиваю его этой информацией — сначала отпрашиваюсь до завтра. Мне можно, у меня стресс. К тому же я на этой работе в принципе отпрашиваюсь первый раз — не люблю отрываться от коллектива.

Директор скрипит зубами и отпускает. Прощаюсь, благодарю и рассказываю о том, что, по словам экспертов, Денис Костылев выскочил из окна не сам. Ему помогли! Сначала

директор не понимает — потом до него доходит, но вместо того, чтобы успокоиться, он бледнеет еще больше, злобно шипит на меня и принимается лихорадочно шарить в ящиках стола в поисках новой порции успокоительного.

Смущенно ретируюсь в каморку. Затем собираю вещи, выхожу и... ноги сами собой несут меня на второй этаж, в учительскую — посмотреть на ментов.

В кабинетах идут уроки, в лаборантской катастрофически мало места, так что большая, светлая комната на втором этаже — оптимальный вариант. Сюда же, при желании, можно позвать и остальных учителей. Опрашивай, не хочу. Я, пожалуй, не буду им всем мешать, посмотрю одним глазком и уйду...

Далекий внутренний голос в глубине подсознания бухтит, что подсматривать за ментами — не лучшая мысль в моей жизни. Пожалуй, это тот самый параноидальный внутренний голос, который когда-то отговаривал меня учиться на физика, потом — идти замуж за Петьку, а после махнул на все воображаемой рукой и теперь лишь изредка подкидывает советы. Сейчас, например, он бухтит про тюрьму.

Посылаю его дальним лесом и тихонько подкрадываюсь к учительской. Приникаю ухом к стене (к двери это подозрительно — а вдруг кто-то выйдет?), ощущаю щекой неровности краски и выпускаю разочарованный вздох: в отличие от нашей каморки, в учительской неплохая звукоизоляция. Оно и понятно — между простой деревянной дверью и косяком не наблюдается зловещих щелей. А жаль.

А, может, попробовать открыть дверь?

Я нерешительно трогаю пальцем закрытую дверь и — о чудо! — улавливаю чей-то пронзительный голос:

—..это меня не колышет!

Похоже, что дело не в чуде и не в прорезавшихся у меня мистических способностях (ода: Марина-подслушивающая-пальцем), просто какая-то нервная дама с той стороны двери перешла на повышенный тон. Интересно, кто у нас такой храбрый? Орать на ментов...

И ведь это явно не англичанка — она, когда злится, срывается не на ультразвук, а на бас (наверно, специально тренировалась). Такое не повторить даже нашему физику, его потолок это злобное шипение.

— ...не хотите... — дальше следует какое-то неразборчивое бормотание (женщина, видно, слегка успокоилась — ну, это точно не англичанка, ее так просто не остановишь), — тогда платите!

О-о, тут становится интересно! Нет, мне и раньше было нескучно (убийство все-таки), но тут, похоже, еще и шантаж! А голос-то женский, знакомый! Довольно высокий, противный такой, если не сказать, истеричный. Похоже одновременно и на Галину, и на нашу химичку. Но Гальке здесь делать нечего, она должна быть на посту, значит — химичка. Но точной уверенности у меня нет — я редко вижу обеих дам в бешенстве.

Плюю на и без того не слишком-то соблюдаемую мной конспирацию и приникаю глазом к замочной скважине. Тьфу, гадство, да кто их так делает! Ничего же не видно...

Так, а если попробовать осторожно приоткрыть дверь? Аккуратненько, чтобы тетка внутри не заметила? Уверена, что она там одна, препирается с кем-то по телефону (и эта единственная причина, по которой разговор еще не перешел в мордобой — с таким-то накалом страстей).

Осторожно касаюсь дверной ручки, начинаю проворачивать и....

Щелчок!

Такой звонкий и резкий, что, кажется, даже директор в своем кабинете удивленно подскакивает. А уж тот, кто сидит в учительской, уж тем более. Вот как оно...нехорошо получилось.

Торопливо оглядываюсь. Блин, тут даже и спрятаться негде. Сейчас эта, несомненно, причастная к убийству Дениса дамочка свернет разговор, положит трубку и выйдет. Назад пути нет, и, похоже, придется перейти в наступление...

Я выпрямляюсь, одергиваю свою старую курточку в тщетных попытках придать ей приличный вид, поудобнее перехватываю синюю сетчатую торбу, заменяющую мне сумку (а ну как неизвестная шантажистка кинется в бой?), распахиваю дверь и вхожу.

А там, в принципе, все как обычно. Все тот же огромный книжный шкаф, все те же четыре новенькие, светло-коричневые парты, заменяющие педагогам столы, все те же цветы на окнах... и удобно устроившаяся сразу на двух стульях Галька, опускающая на рычаг телефонную трубку.

— Ты что, домой? — совершенно спокойно, пусть и несколько удивленно произносит она. Будто и не орала на кого-то по телефону. Вот только я вижу, что ее небольшие зелено-карие глазки поблескивают, пожалуй, хитрецей. Вижу — и мгновенно подхватываю ее тон.

— Борис Семенович разрешил мне уйти.

М-да, не быть мне шпионом. Не сказать, что голос предательски дрожит или срывается, но все же... звучит не очень естественно. Будь я на месте Гальки, давно бы себя рассекретила. Впрочем, она и сама прекрасно с этим справляется: подозрительно щурит глаза, упирает руки в бока, отчего становится еще больше (объемов Галька немереных, килограммов не взвешенных — сказывается почти круглосуточное бдение на посту, помноженное на нежную любовь к сладкому) и на удивление мирно уточняет:

— Чего притащилась?

Вздыхаю и опускаю руку на сумку, нащупывая сквозь ткань мягкую обложку недочитанного детективчика. Это почему-то придает мне уверенности (знаю, знаю, подслушивать все хороши, а встретиться с жертвой твоего любопытства лицом к лицу — так сразу коленки дрожат).

— Ищу следаков.

— Кого?

— Ну, ментов. Один из них, ну, такой весь, — показываю руками, очерчивая габариты мента. Худым он не выглядит, хотя и до Гальки, естественно, не дотягивает. Так, маленький, немного побегавший по лесу и сбросивший с десятков кгэа колобок. — Ну, в общем, на мопса похож.

Галька удивленно приоткрывает намазанные лиловым губы (никак не пойму, для чего она красится — привлекательности при этом не прибавляется) — закрывает обратно. Не думаю, чтобы ей доводилось видеть живых мопсов, да и дело тут не во внешности.

Разворачиваюсь к двери и поясняю:

— У него просто имя такое же.

Покидаю негостеприимную учительскую и направляюсь к лестнице. Галька следует за мной. Я не смотрю по сторонам, но хорошо слышу звук ее шагов и чую запах дешевых духов (дешевых — не дешевых, я плохо в них разбираюсь, но исхожу из принципа, что других у Гальки и быть не может). Внезапно на плечо ложится тяжелая, мягкая рука.

— Чего тебе, Галь?

Не люблю я вот это дело. Все обнимашки, целовашки и прочий арсенал телесных

контактов прошу оставить кому-то другому. Тем более Галька только что кого-то там шантажировала.

— Твои менты, уж наверное, заняты, — бормочет Галина. — Иди-ка домой, отдохни.

Нет, ничего себе, да? Менты уже, значит, мои... беспредел. Не сомневаюсь, что завтра она не удержится и придумает парочку грязных слухов про нас с Хучиком. Ну, с тем, который Федор Иванович.

Спасибо хоть руку с плеча убрала.

Вздыхаю и заверяю сию пристающую личность в том, что как раз собиралась идти. Галька не верит, искоса сверлит меня подозрительным взглядом — мгновенно растягивая лиловые губы в псевдодружелюбной улыбке, стоит мне повернуться в ее сторону. М-да.

Боюсь, я выгляжу не лучше, даром что даже не пытаюсь натянуть на лицо несуществующую улыбку. Надеюсь, что по дороге мы не наткнемся на следаков — а то наш Федор Иванович точно что-нибудь заподозрит. Кстати, еще я боюсь, что больше мы с Галькой не будем подругами. Хотя... нет, не боюсь. Я это подозреваю!

На первый этаж мы спускаемся в гробовом молчании. А дальше я направляюсь к двери, а Галька с мрачным видом усаживается за пост. Он, кстати, сделан с размахом — за деревянным столом, оборудованным кнопками управления турникетом, с легкостью поместится еще треть Гальки, 75 % меня или, если угодно, одна целая Катька.

— Пока-пока, — в последний раз улыбается Галька, заметив, что я подхожу к турникету. Зуб даю, она уже тянет руку к припрятанному в ящике стола любовному роману (и как они с Катькой могут читать эту гадость?).

Я прохожу через турникет, и, набравшись храбрости, кричу ей из-за двери:

— Галь, ты ничего не хочешь мне рассказать?!

Она слегка вздрагивает (еще бы не вздрогнешь, когда так орут) и повышает голос:

— Иди уже! Не хочу!!

Пожимаю плечам:

— Как знаешь.

Галька кивает, отчего два ее подбородка на миг образуют третий, нашаривает злополучный любовный роман и погружается в мир розовых соплей.

Мне остается только выйти на улицу, и, лавируя между луж, поплестись домой.

И как вот прикажите выбрать у нее сведения? Заподозрив меня в подслушивании, постоянно тарахтящая Галька замкнулась как банковский сейф. Сейф можно взломать, сейф можно открыть... но, во-первых, я плохо представляю себя с утюгом и бейсбольной битой наперевес (тем более, что ни того, ни другого у меня пока нет), а, во-вторых, не смогу выделить из бюджета достаточную для подкупа болтливой подружки сумму. Величина, эквивалентная моей зарплате, едва ли ее устроит. Да что говорить, она и меня не устраивает.

А может, попросить Петьку ее обаять? Да нет, не вариант, он до сих пор не простил мне удар сковородкой (ха, сам виноват, нечего тыкать вилки куда попало, моя рука ему не бифштекс!). Да и потом, у него едва ли получится изобразить кокетливые ухаживания. Скорее, грязное домогательство. Эх, жизнь моя — жестянка, да ну ее в боло...

Тьфу! Накаркала... Торможу и скептически оглядываю раскинувшуюся аки озеро Байкал грязную лужу. Не хочу я что-то проверять ее глубину... придется обходить. Возвращаюсь назад и меняю маршрут: по тротуару и вплотную к какому-то административному зданию. Помнится, раньше здесь было отделение УФМС, и по окрестным дворам постоянно мотались толпы людей с одним и тем же вопросом: «а где

здесь паспортный стол?»).

Сейчас таблички, кажется, поменялись — по крайней мере, поток жаждущих регистрации граждан куда-то исчез (надеюсь, злосчастный УФМС перенесли в нормальное место, а не, как обычно, на задворки цивилизации). А тут, наверно, какой-нибудь КУМС (не помню, что это — кажется, что-то насчет земли).

Присматриваюсь к табличке, читаю: «Следственное отделение Следственного Комитета Российской Федерации по...». По родине Хучика, ясно. Теперь понятно, почему он примчался едва не быстрее «Скорой». Вот гадство! Нужно идти быстрее, пока оттуда не вылезло новых ментов. И постучать по дереву, чтобы не сглазить.

От отгоняющих нечисть плевком через плечо я отказываюсь, но тихонько хлопаю по торбе — где-то там, внутри, должен быть карандаш (это я вроде как постучала по дереву) и ускоряю шаг. Вперед, вперед, к дому, там меня ждет любимая кошка, сухая одежда, теплая ванна и недочитанный детектив.

О трупах, Гальке и шантаже можно подумать потом.

Увы, но вчерашним надеждам на отдых и сладкий сон не суждено было сбыться. И дело не в покойном Денисе Костыеве, увы — кому-то после трупов кошмары снятся, но я, напротив, спала как убитая (наверно, из солидарности). Часа этак три.

Потом под окна нашего дома принесло пьяного Петьку, который теперь, после развода, живет в коммуналке в соседнем районе. К сведению, раньше мы вместе обитали в бабушкиной квартире, а комнату он все порывался продать и непременно продал бы каким-нибудь черным риелторам, если б не ухитрился потерять паспорт.

Первоначально бывшего мужа принесло не под окно, а в подъезд — но тут его ждал сюрприз: после случая с вилкой я таки поскребла по сусекам, заняла у соседей и поменяла замок. Так что, поныв у двери минут двадцать и спровоцировав соседа сбоку на активные действия в виде спуска нежелательного элемента с лестницы, искомый нежелательный элемент поплелся под окна, где долго изливал на весь двор свой не шибко богатый словарный запас. В какой-то момент у меня, признаться, мелькнула мысль попросить соседского сына вновь включить ту ревущую музыку на немецком, которую мне так прекрасно слышно из спальни. Потом захотелось набрать кастрюлю воды и плеснуть ее в Петьку через окно, благо я живу на втором этаже и точно не промахнусь.

Но не успела я определиться с кровавой мстью, как оказалось, что соседи снизу не выдержали первыми. Еще бы, им-то его слышно лучше. Не размениваясь на попытки заткнуть алкоголика своими силами, они позвонили в полицию и вызвали участкового, который сначала поговорил с Петькой, а потом поднялся наверх. Я приоткрыла дверь, показала свой паспорт со штампом о разводе, бумаги на бабушкину квартиру, но от бывшего мужа, к сожалению, не избавилась. Вместо того, чтобы прогнать алкоголика нафиг, служитель порядка принялся уговаривать меня пустить пьянь к себе и прекратить тем самым конфликт.

Ага, щас! Подобные идеи уже посещали меня на прошлой неделе, и дело кончилось вульгарным скандалищем с втыканием в меня вилок — о чем я и доложила участковому с предъявлением вещественных доказательств. Увидев «боевое ранение», тот сдержанно посочувствовал и ушел. А Петька, зараза, остался и улаживал слух соседей своими алкогольными воплями еще как минимум два часа. Когда он убрался, я выждала пол часа и злобно пошла убирать подъезд от следов его жизнедеятельности.

В итоге я ужасно не выспалась, и теперь, дрожа от холода, бреду в свою школу по покрытым тоненькой корочкой льда осенним лужам. Ледяная корка ломается, ботинки скользят, а я тихонько ругаюсь и вспоминаю, куда убрала перчатки.

В школу захожу со двора. На проходной у нас Галька, а я не знаю, как с ней общаться. Делать это все равно придется, но хотелось бы как-нибудь не с утра — дайте уж я хоть кофе перед этим попью. Благо время позволяет — до первого урока еще полчаса.

Увы, но надежда выпить горячего (сладкого, вкусного!) кофе обламывается — железная дверь таинственным образом оказывается закрыта.

— Не поняла.

Недовольно дергаю ручку. Пинаю створку ногой. Что там, что там эффект нулевой. Ну что ж, придется сходить на вахту за ключами.

Благодаря директору и его жабе у нас нет личных ключей от каморки. Один-

единственный ключ висит на вахте, его официальный дубликат у дворника (который перманентно в запое), а сделать себе копии у нас с девчонками за пол года с момента установки нового замка так руки и не дошли.

И, похоже, так и не дойдут, потому, что сейчас на вахте ключа не имеется, зато почему-то присутствует злая до чертиков Катька.

Подхожу к ней:

— Привет! А где ключ?

Катька пожимает худыми плечами, поправляет теплую шаль и неопределенно поводит рукой:

— А кто его знает? Исчез вместе с Галей, — в ее голосе проскальзывает раздражение — не нравится, видно, на вахте сидеть. — Борис Семенович бегаёт, ищет, думаю, скоро найдет.

Киваю. Это он может. Носиться по школе и что-то искать — как раз в духе директора, он обожает быть в гуще событий. Прирожденный руководитель. Еще он очень не любит, когда кто-то из нас не появляется на работе, и постоянно приговаривает: «Проспал — позвони, заболел — позвони, попал под машину — так пусть хоть из морга звонят». Ох, чувствую, Гальке достанется.

— Давай, раздевайся, повесь куртку в гардероб, — предлагает Катя.

— Да нет, спасибо, я лучше так похожу.

Угу-угу. Знаем мы их гардероб. Вроде и дети-то все приличные, но из карманов детей все равно пропадает мелочь (хотя мне это не грозит, я все храню в кошельке), пару раз потерялись перчатки (в общей сложности восемь пар, у какого, наверно, коллекция) а однажды пропала шапка (правда, потом она обнаружилась в туалете). Не сказать что я сильно боюсь за хранящееся в куртке имущество (два носовых платка и стандартный набор карманного мусора), только... да что уж врать, мне просто-напросто лень.

Открываю рот, чтобы сказать что-нибудь из области вселенской мудрости... и тут к нашей вахте подлетает директор. Ну что сказать, валерьянкой от него не несет. Уже хорошо. Неизменный деловой костюм идеально отглажен, ботинки — начищены, на лице ясно читается легкое раздражение. В общем, все в норме.

— Марина! — зовет непосредственное начальство, не снижая крейсерской скорости. Повелительно машет рукой, я торопливо бросаюсь за ним, благо ждать он не собирается. — Галину не видели?

— В прошлый раз — вчера днем, — честно признаюсь я. — Могу дать ее телефон...

— Который она не берет! Нет уж, идите за мной...

Директор заворачивает в коридор и подлетает к нашей каморке, негромко бурча о тех страшных карах, которые непременно постигнут того, кто забрал ключ. Я незаметно вздыхаю. Да-да, виновата, конечно же, Галька, а не та интересная личность, которая экономит на всем подряд. Я это к тому, что к тем замкам, которые продаются в хозяйственных магазинах, в комплекте идет три-четыре ключа, но новые замки у нас никто не покупает — используют хранящееся в запасах старье.

Хотя, может, это не экономия — возможно, что он нам просто не доверяет.

Директор подлетает к каморке и энергично толкает железную дверь. Эффект нулевой. Я подхожу следом, хватаюсь за ручку — все еще заперто. Сзади насмешливо фыркает как-то неожиданно собравшийся консилиум в лице двоих физруков (и где они прятались, что я их не видела?). У одного, как мне помнится, сейчас должны быть занятия — видно, директор решил, что дело серьезно. Впрочем, детишки, наверное, только рады.

— Борис Семенович, вы посмотрели? — интересуется один из физруков, Валерий Непомню-чеевич Колобков. Он у нас, кстати, мелкий и лысый, правда, в объемах слегка подкачал — до настоящего колобка ему толстеть и толстеть.

— Я отправил трудовика, — опускает глаза директор (не от смущения, просто он выше). — Скоро придет.

Трудовик появляется минут через пять: высокий, сутулый, взъерошенный и без шапки. На вид ему лет двадцать пять, и для него наша школа это первое место работы.

Мне сложно представить, кто в двадцать первом веке пойдет учиться на трудовика. Народ идет в педагогические вузы или по принципу «куда взяли», или как продолжатель учительских династий. Но трудовик не очень похож на представителя династии, да и особых способностей к этому делу у него явно не наблюдается. Зато он хотя бы не жалуется (поневоле вспомнишь нашего физика, тот вечно ходит с кислым лицом).

Впрочем, сейчас и трудовик не выглядит особо довольным.

— Г-галина там, — запинается он, — сидит. Голова на столе, лицо набок, вся... синяя. Рядом лужа...

— Крови? — уточняю я. На меня тут же шикают. А что тут такого? Вопрос, как по мне, резонный.

Трудовик запускает в волосы пятерню. Директор убирает телефон в карман, физруки отлипают от стеночки, я наостряю уши и подозрительно щурю глаза.

— Н-нет. Какая-то засохшая хрень вроде пены. Вот здесь, — он машинально подносит конечность к своей небритой физиономии, но тут, спохватившись, вертит ладонью в воздухе, — у лица.

— Ключи? — хищно осведомляется директор. И ведь никто, заметьте, его не затыкает!

— Рядом, на столике.

— Так-так, — директор ощутимо мрачнеет.

Я уже говорила, что он плохо скрывает эмоции? Так вот, по сравнению с обоими физруками Борис Семенович просто Джеймс Бонд. За покерный стол им лучше вообще не садиться; впрочем, за «мафию» тоже. Хотя... да кто бы говорил! Я, кстати, тоже далеко не секретный агент — саму себя, мне, конечно, не видно, но окружающие наверняка отмечают что-то вроде неестественно бледности. А еще у меня пальцы дрожат.

— Ломаем дверь? — предлагает Колобков. Директор хмурится, сводит брови на переносице, окидывает железную створку подозрительным взглядом и неуверенно заявляет:

— Сможете снять с петель?

Теперь уже дверь в каморку изучают специалисты (т. е. физруки), и что-то особого воодушевления на их лицах не наблюдается. У каждого свой букет эмоций, трудовика до сих пор пробивает мелкая дрожь, но мужики единодушны в одном — в здоровом профессиональном скептицизме.

— Тут, это... — выдает наконец трудовик, заметив, что старшее поколение предпочитает отмалчиваться, — лучше, того... с другой стороны.

То есть со стороны комнаты. В которую нам как раз не попасть, потому что окна мы закрываем на шпингалеты (собственноручно этим занималась — теперь вот жалею, почему же не поленилась!). Все равно, значит, чем-то придется пожертвовать — дверью, стеклом или... Галькой.

Тут меня словно дергают за язык. Подскакиваю, как воробей, и бойко (словно за стенкой не лежит труп бывшей подруги) выкладываю то, что безуспешно пыталась



сформулировать раньше:

— Нам нужно вызвать полицию!

Ну вот, пожалуйста, вякнула. Все мы задним умом крепки. Вроде бы и сказала все правильно, но директор щурит глаза уже на меня (сначала он пепелил злобным взглядом трудовика). Поправляю куртку, рассеянно улыбаюсь. И эта улыбка почему-то выводит его из себя.

— Оставим полицию, — бухтит он, стремительно багровея. Как странно... раньше бледнел, а сейчас покраснел. — Вы двое, идите на уроки, дайте детям задание, пусть не сидят без дела. Мы с Колобковым остаемся здесь, а вы, Марина, — он наклоняет голову набок, и я получаю возможность разглядеть его крючковатый нос с нового ракурса, — сходите-ка к Павлычу за ключами.

Павлыч — это наш дворник, достаточно бодрый, но постоянно злоупотребляющий алкоголем дедок. Зовут его вроде Семен (а, может, Иван). По непонятной традиции, корни которой восходят к тем темным, почти доисторическим временам, когда я и знать не знала об этой школе, у него хранятся дубликаты ключей от всех технических и подсобных помещений, включая кабинет трудовика. От главных ворот у него, как ни странно, оригинал, что создает нам дополнительные трудности. Почему получилось так, что директор (который, кстати, не слишком-то любит пьянь) до сих пор его не уволил, есть тайна за семью печатями. Кажется, Галька пыталась тут что-то разнюхать, но нарыла лишь то, что вакансия «дворник» у населения не в чести, и начальству нет смысла менять одного престарелого алкоголика на другого.

Кстати, о Гальке. Похоже, что ей уже не помочь. Пена из горла по пустякам не идет. Но все же... не могу я думать о ее смерти. Просто в голове не укладывается. Кажется, что сейчас дверь откроется и...

— Что встали? Дверь сама не откроется!

Поток моих мыслей прерывает недовольный директор. Заметила я в последнее время, что в стрессовой ситуации он мгновенно теряет остатки своей обходительности. Что вчерашний эпизод с трупом, что сейчас.

Торопливо застегиваю куртку и на всякий случай уточняю:

— А почему я?

Да-да, такой идиотский вопрос мог задать исключительно мазохист, а я к ним вроде не отношусь. Но все-таки интересно, какими соображениями он руководствовался.

— От вас все равно толку нет, — любезно просвещает начальство (угу, я, в принципе, и предполагала что-то подобное) и, подумав, добавляет, — к тому же вы знаете, где он живет.

Ну, это бабка надвое сказала (директор, конечно, не бабка, но все же какое-то сходство имеется). Я знаю дом. В конце сентября директор послал нас с Галиной с каким-то там поручением. Работу, естественно, сделала Галька, меня она, похоже, взяла с собой для моральной поддержки (чтобы было с кем поболтать по пути), потому, что велела остаться во дворе. Я существо не такое уж любопытное, так что не стала ругаться, достала из торбочки детективчик и примостилась с ним на скамейке.

А теперь вот жалею, потому, что с дворником надо что-то делать. Не могу же я мотаться по всему дому, выпрашивая у каждого встречного-поперечного, где можно найти конкретного индивидуума. Нет, ну, конечно, могу... но не тогда, когда в школе, возможно, уже лежит труп!

Так что, собрав свою волю в кулак, я, уже развернувшись к выходу, поворачиваюсь

обратно и тихонечко говорю:

— Борис Семенович, я не знаю номер квартиры...

— Двенадцать, — без запинки отвечает тот. — Комната номер два.

— Спа... спасибо.

Вот это да! Какой же он у нас информированный. Настоящий шпион. Мой дом он, случайно не знает? А Катькин? А физика? Странные дела творятся.... Да ничего, разберемся. Даша Васильева как-нибудь разбирается!

Стоит мне вспомнить героиню обожаемых детективов, как настроение неуловимо ползет вверх. Я перехватываю торбочку поудобнее, бодро припускаю по коридору, обгоняя дефилирующих в том же направлении физруков... и тут нашему директору почему-то приспичивает меня задержать.

— Марина Васильевна!

— Да? — откликаюсь я и тут же ловлю подозрительный взгляд директора. Тот, видно, не понимает причины охватившего меня воодушевления (ну ладно, ладно, какое воодушевление в такой ситуации, это просто выброс адреналина).

— У вас есть с собой телефон?

— Нету.

Стыдно признаться, но телефона у меня нет ни с собой, ни вообще. Последний мой аппарат (самый простенький и, к тому же, б/ушный), нагло пропил бывший муж аккурат перед эпизодом с вилкой. Я тогда не особо расстроилась, благо звонить было некому (впрочем, хотелось бы посмотреть на того, кто купил эту рухлядь).

Впрочем, пропажа магнитофона и телевизора еще в «доразводные» времена тоже не сильно меня возмутила, но вот когда он повадился таскать мои детективы и продавать их букинисту, мне пришлось изменить своим правилам и устроить грандиозный скандал. Вообще-то я очень тихая, безобидная и спокойная, но это если не доводить (а доводить нужно долго, потому, что с первого раза до меня не дойдет). Петька, кстати, вполне впечатлился — во всяком случае, книги он больше не воровал.

Новый телефон планирую взять с зарплаты, осталось перекантоваться три дня.

— Хорошо, пойдемте со мной.

Мы добираемся до кабинета директора, после чего Борис Семенович находит в столе старенький полуразряженный аппарат.

— Возьмите вот этот. Вот здесь, — он тычет в кнопки, на экране высвечиваются цифры. — Мой второй номер. Будут проблемы — позвоните.

Хватаю телефон и бросаю его в торбу, символизирующий сумочку. У директора дергается мускул под глазом. Ладно, ладно, впредь буду поаккуратней. Подумать только! «Будут проблемы — позвоните». Он сказал это так, как будто уверен — будут, и непременно. Нет, я, конечно, тоже подозреваю нечто подобно — только директор, похоже, знает это наверняка.

Закидываю торбу на плечо и вылетаю из школы. Катька, которая до сих пор сидит на вахте, не обращает на меня внимания. Впрочем, это и хорошо — вот Галька бы непременно устроила мне допрос. Кто, куда, что случилось, зачем же так быстро? Ну, мы, конечно, подруги, но любопытство — это святое. А Галька...

Никак не могу поверить, что Галька умерла. Нет! Она жива, конечно, жива. Подумаешь, пена. С чего бы ей умирать? Наверно, у подруги случился сердечный приступ, она же полная, с ними такое бывает. Или... инсульт! Конечно! При инсульте лицо должно посинеть.

Ну, ничего, сейчас я раздобуду ключи, вызовем «Скорую»... можно, конечно, вызвать ее немедленно, но железная дверь-то закрыта, а директор, наверно, не позволит ее ломать. Потом ведь придется ее ремонтировать, а на это нужны деньги. Которых у школы, естественно, кот наплакал. Так что он, наверно, и пытается всеми силами предотвратить расход средств. Но... там ведь Галья! Ей плохо. Ей надо помочь!

Я машинально ускоряю шаг, и, задумавшись, поскользнулся на еще не растаявшем утреннем льду. Ноги уезжают вперед, я опрокидываюсь на спину. Торопливо встаю, сворачиваю в подворотню, еще какая-то сотня метров — и вот он, долгожданный подъезд! Благо наш дворник живет неподалеку от школы. Да все мы, в сущности, обитаем поблизости — вот еще, при такой-то зарплате тратить денежку на проезд! Лучше поискать что поближе, благо уборщицы всем нужны.

Значит, так: забегаю в подъезд, стучусь в первую попавшуюся квартиру, вызываю в школу «Скорую» и «МЧС» (надеюсь, они-то откроют железную дверь), и уже потом, не торопясь, выполняю просьбу директора. Можно, конечно, сразу побежать к школе, но я не хочу, чтобы он что-нибудь заподозрил. Мне же потом это все и аукнется. А так наш директор, надеюсь, подумает на кого-то из физруков, а я останусь не при делах. Нет, я, конечно, могу не париться, принести ключи и прикинуть, чем он займется потом, но ведь там Галья... А вдруг она все же умрет?

Как ни странно, проблем с осуществлением плана не возникает. Я спокойно проникаю в подъезд, благо о такой нужной вещи, как домофон, жильцы, видно, и слыхом не слыхивали (хотя кто бы говорил, у нас его тоже нет). О лифте, видимо, тоже... Впрочем, зачем он в советской пятиэтажке? Поднимаюсь на второй этаж и нахожу нужную дверь. Она обита кирпичным дерматином (ей-богу, наш, вишневым, выглядит куда лучше) и украшена тремя звонками. Вот уж дурацкая причуда, даже если это коммуналка (а, наверно, так и есть, потому, что обычном жилье комнаты не нумеруют).

Звоню в ближайший звонок. Эффект нулевой. Поочередно тыкаю пальцами в остальные кнопки и, наконец, добиваюсь того, что в глазке (он, кстати, всего один) мелькает какая-то тень.

— Добрый день! — безуспешно пытаюсь придать голосу несвойственную ему официальность. — Мне требуется алкого... э-э-э, дворник Павлыч. Не помню, Иван он или Семен. А еще — телефон. Нужно вызвать «Скорую» и полицию.

Ура! Дверь распахивается, в проеме появляется мрачная тетка моложе меня лет на десять. Она скептически оглядывает мою скромную персону, хмыкает и ловко перегораживает своим телом вход.

— Чего надо?

Похоже, с первого раза она не расслышала. Повторяю свою патетичную речь, на меня гневно сопят, заставляют снять обувь, после чего все-таки пропускают к телефону. Осторожно шагаю по длинному, грязному коридору, борясь с желанием зажать нос. Воняет в квартире ужасно. Хозяева, наверно, уже принялись и почти не чувствуют, но я ловлю себя на мысли, что то и дело поглядываю на стены в надежде обнаружить противогаз.

По пути нагибаюсь, чтобы погладить по спинке метнувшуюся под ноги кошку (о, генератор запаха обнаружен!) и отчетливо отмечаю, что в не особо приятное амбре кошачьего туалета каким-то неведомым образом вплетаются куда более омерзительные нотки. Выпрямляюсь и следую за хозяйкой, смерив подозрительным взглядом неплотно прикрытую межкомнатную дверь. Между прочим, вторую справа.

Ускоряю шаг, добираюсь до большой комнаты и, машинально пересчитывая выцветшие цветочки на грязном халате не рискнувшей оставить меня одну женщины, последовательно вызываю «МЧС» и «Скорую» (пожалуй, опустим подробности того, как я втолковывала первым, что железная дверь закрыта, а за ней человек без сознания, а вторым — приметы, по которым я вычислила, что у Гальки случился инсульт). Хозяйка ведет меня обратно, бурча под нос, что зря я пришла, потому, что «дружок-алкоголик в запое». Кивает на ту самую, источающую подозрительные миазмы дверь, и отступает в сторону. Заходить туда она явно не собирается.

Переступаю через порожек и попадаю в небольшую, темную комнату. Хм, хм... признаться, жилище дворника выглядит довольно уютно (запах, правда, с уютом не сочетается, ну да ладно). Ни книг, ни телевизора в комнате не имеется, но стены покрыты относительно новыми бежевыми обоями, на окнах — симпатичные шторы в цветочек, а мягкую, удобную кровать, на которой и возлежит господин алкоголик, я с удовольствием забрала бы себе. На полу, правда, не ковер, а линолеум... тоже мне новшество! Как говорится, хозяин — барин, но стелить линолеум в спальню....

Качаю головой, раздвигаю занавески, подхожу к растянувшемуся на кровати дворнику... и принимаюсь лихорадочно шарить в торбе. Достаю телефон и набираю номер директора.

На «Скорую» я уже не размениваюсь. Если у мужика в груди торчит нож, она едва ли ему понадобится.

Особенно, если он уже начал пахнуть...

Услышав о том, что я опять — второй день подряд! — нахожу труп, дражайший директор, конечно, в восторг не приходит. Правда, относится с пониманием — сначала, судя по звуку, роняет телефон, потом долго кашляет в трубку, после чего, заикаясь, умоляет меня успокоиться.

— Борис Семенович, что мне делать? — бормочу я, отодвигаясь от трупа на максимальное расстояние. Оказываюсь у двери, лицедрею в щелку круглую щеку подслушивающей хозяйки и, поборов неприличное желание резко пнуть дверь, дабы та отпечаталась у нее на носу, возвращаюсь к окну.

— Вызывайте полицию, — поколебавшись, произносит директор. — О подобных вещах нужно докладывать сразу же. Иначе проблем не оберешься.

Вот ведь заявочки, а? Да кто бы говорил! Хотя... может, это он на основе собственного опыта?

— Марина, вы слушаете?

Хм... хороший вопрос. Я стою в чужой квартире, рядом с не особо свежим криминальным трупом (о да, нож в груди — основной признак насильственной смерти) и... да, естественно слушаю.

— Ага.

— А вы так, случайно, не знаете, кто вызвал в школу «МЧС»?

Подскакиваю на месте и крепко сжимаю директорский телефон, чтобы случайно не уронить. Вот это, называется, я попала! Директор, наверно уж, обо всем догадался... но признаваться мне все же не хочется. А вдруг он еще не уверен? Впрочем, открыто лгать своему непосредственному начальнику у меня тоже желания нет — придется импровизировать.

— Лежит, — понижаю голос до шепота, — лежит на кровати и не шевелится. Не шевелится. Вообще! А в груди — нож.

Вот она, вот она, сила искусства! Директор мгновенно меняет тон и начинает меня успокаивать. Просит взять себя в руки, не терять сознание и спокойно, максимально хладнокровно хлебнуть валерьянки. А уж потом добратся до городского телефона, вызвать полицию и т. д. и т. п.

Киваю и, вспомнив про телефон, тихо шмыгаю носом.

— Д-до свиданья.

Нажимаю на кнопку и еще успеваю услышать, как наш дражайший директор издает длинный, нервный, не особо членораздельный вопль. Хм. Надеюсь, он это не мне.

В принципе, в школе и так-то хватает объектов для воплей, а тут и МЧС, и менты...

О, кстати! Бросаю на труп последний, прощальный взгляд, и, немного подбуксовывая на линолеуме, решительно направляюсь к двери. Тетка в халате за какую-то долю секунды до, казалось бы, неотвратимого столкновения успевает возмущенно отшатнуться от косяка (а я, признаться, забыла о ее присутствии), после чего упирает руки в бока и щурит глаза. Маленькие такие, блестящие... не сказать, чтобы поросычие, но очень недобрые.

— Простите, мне снова нужен телефон, — торопливо бормочу я.

— Че, сразу было никак?

Виновато пожимаю плечами:

— Простите, так получилось. Я нашла этот труп две минуты назад.

Черт! Черт!! Вот кто меня за язык-то тянул?! Хозяйка, уже повернувшаяся в сторону кухни, мгновенно разворачивается обратно. Полы не слишком чистого халата облепляют пухлые ноги, нижняя челюсть медленно отвисает:

— К... к...

А что это значит? «К. к...». Наверно, «какой». Поколебавшись, я открываю дверь и заботливо просвещаю:

— Вот этот!

Тетка, естественно, в шоке. Недоверчиво шурясь — видимо, первый испуг прошел — заходит в комнату, издает нервный звук и тут же вылетает обратно. В ее хриплом сипе слышится возмущение — и я, кажется, знаю, почему.

Немного приоткрываю дверь, нагибаюсь — пожалуйста, в щелочку труп не видно, а дальше хозяйка, наверно, и не заглядывала. Тогда как мертвый мужик может лежать здесь и день, и два...

— Т-ты... — бормочет тетка.

Похоже, в ее неплохо обработанном мыльными сериалами мозгу зарождаются какие-то подозрения. Спешу их развеять.

— А я тут причем? Похоже, что Павлыч лежит тут с неделю.

Ну, это я, конечно, прибавила. Не больше двух дней. Хотя... да откуда мне знать? Эксперт разберется.

Тетка в халате заметно спадает с лица и на подгибающихся ногах ведет к телефону, после чего оставляет наедине с аппаратом и молча уползает пить валерьянку.

Вскоре приезжают менты — и, как на грех, ни одного знакомого лица! Пересказывать допрос я не буду — там все равно нет ничего интересного. Все нудно, до ужаса скучно... и долго. Вырваться на свободу мне удастся где-то за два часа до конца рабочего дня. И нет бы пойти домой, отдохнуть — вместо этого я проклиная свою исполнительность и грустно ползу в надоевшее до чертиков учебное заведение. Туда, где я провожу свои серые будни, туда, где знаю каждую жвачку под партой и каждую надпись сверху... В общем, туда!

Поднимаюсь по обледеневшему крыльцу, долго стою у двери, пропуская многочисленных гомонящих школьников, после чего наконец попадаю к Катьке.

— Привет!

— Привет, привет, — бухтит та, сбрасывая с плеч теплую шаль и поправляя воротник униформы. — Пока ты шаталась черт знает где, у нас тут тако-ое было...

Катька вновь укутывается в шаль и демонически шмыгает носом. Похоже, у нее насморк — а, может, очередное обострение аллергии на пыль. Во всяком случае, надо держаться подальше.

— Ммм?

— Значит, так, — деловито начинает подруга, — сижу я на вахте, никого не трогаю, и тут припирается МЧС. Стоят, гудят, потом вылезли из машины и сразу сюда. Ломать дверь, говорят. Кому, мол, там плохо? А я-то откуда знаю? — бросает на меня возмущенный взгляд, я виновато пожимаю плечами. — Пошла разбираться. Эти торопят, директор бухтит, а я ношусь, как Савразка.

Понятия не имею, что за тварь эта Савразка, но Катька частенько ее поминает.

— Нашли нашу дверь и сломали ее к чертям. А там... — рассказчица демонстративно

ежится и старательно выдерживает паузу, — Мертвая Галя.

— Как?.. — я с ужасом вспоминаю, что, кажется, забыла про Гальку на фоне убитого дворника. Определенно, в моей жизни слишком уж много трупов.

— Так, — на удивление равнодушно произносит подруга.

Впрочем, в следующей фразе в ее хриплом, простуженном голосе вновь прорезаются зловещие нотки:

— Лежит на столе совсем мертвая, жуть! Ну, МЧС тут же позвонили ментам. А говорят — не понятно. Не то какой-то там приступ, не то вообще отравление. Экспертиза, мол, разберется. И уехали. И только потом, минут через сорок, приехала «Скорая». Вот кто ее вызвал, не знаю. Постояли, поругались, кольнули директору успокоительное и уехали.

— Ого, ничего себе тут у вас, — бормочу я.

— А то! А правда, что Павлыча убили?

Торопливо оглядываюсь, на всякий случай плюю через плечо (по Катькиным сухим, потрескавшимся губам расплзается улыбка) и киваю. Катерина расширяет глаза. М-да, похоже, любовь к сплетням это заразно, и путь передачи — злосчастная вахта. Вот раньше Катьке было чихать и на дворника, и на «Скорую» с МЧС, а тут посидела на Галькином месте — и сразу такой интерес!

— Правда-правда! Я нашла его труп. А откуда ты знаешь?

— Я слышала, как директор обсуждал с кем-то, как тебе везет на трупы, — морщится Катька. Кожа на ее худеньком, узком лице постоянно сохнет и шелушится, так что гримасы получаются особенно убедительно. — Кстати, он велел, чтобы ты после ментов.

— А-а. А зачем?

— Откуда мне знать? Не сказал.

— Угу. Ну, я побежала.

И я действительно побежала. В прискок, благо директор ужасно не любит ждать. Взлетаю по хрупкой деревянной лестнице, ведущей в старое крыло, добегаю до нужного кабинета, рывком открываю дверь...

— ...что это, как минимум, странно... — сидящий в пол-оборота к двери мерзкий физик резко обрывает фразу и выпрямляется на обитом зеленой тканью допотопном стуле. При этом вся его спортивная тушка как-то подбирается, спинные мышцы под слишком тесной рубашкой (похоже, кому-то нужно сесть на диету) напрягаются, глаза недовольно щурятся и находят мое лицо.

Директор реагирует менее нервно (еще бы, после дозы успокоительного) — слабо шевелится в кресле, на котором возлежит (ума не приложу, как на такой конструкции можно раскинуться, но ему это удастся), вздергивает свой крючковатый нос и поднимает на меня острый подбородок.

— А, Марина...

— Добрый вечер, — чирикаю я.

— Знаете, я бы так не сказал... — он говорит очень медленно, растягивает слова, и, зная нашего неугомонного директора, выглядит это странно. — Я понимаю, у вас, естественно, стресс.

— Стресс, как же, — бормочет физик, — нашла второй труп и довольна без памяти...

Борис Семенович пропускает его слова мимо ушей. Я — нет. «Нашла труп и довольна». Ну, разве не чушь?!

— Я был бы рад отпустить вас домой, — устало произносит директор, — но не сейчас.

Помойте, хотя бы, коридор и каморку...

Кажется, я бледнею. Директор поворачивает голову набок и принимается внимательно разглядывать нечеткую тень своего крючковатого длинного носа.

— Ваш стол нужно протереть. Там лежала ваша коллега. Когда ее нашли, — звучит жутковато, но директор настаивает.

Я кротко вздыхаю и выхожу, спиной ощущая недовольный взгляд чьи-то глаз. Хотя почему «чьих-то»? Физиковых, естественно. Директор не станет буравить несчастную уборщицу взглядом, а с этого типа и не такое станется. Вот интересно, что он такое втирал директору? Наверно уж, что-то насчет убийства.

Какое-то время раздумываю о том, не стоит ли мне задержаться у кабинета и попытаться подслушать хоть что-нибудь, но тут же отметаю этот вариант. Уверена, мерзкий физик легко просчитает эту возможность, так что по делу и рот не откроет. А если меня поймают, то будет... не слишком приятно.

Так что, вздохнув, я возвращаюсь в «старшую школу» и приступаю к уборке.

Старательно — даже слишком! — оттягивая неизбежное, мою коридоры, в результате чего к тому времени, когда я добираюсь до каморки, на улице успевает стемнеть. В незашторенное окно коварно заглядывает луна, на прислоненной к стене двери играют серебристые отблески, в дверной проем почему-то дует, в самой коморке темно, и выглядит все это довольно зловеще. Неспешно обдумывая череду странных убийств (несчастный мальчишка и дворник — чем не череда, да и смерть Гальки еще под вопросом), рассеянно щелкаю выключателем. Эффект нулевой.

Так, а это уже наглость! Мы меняли эту несчастную лампочку неделю назад, она не должна была так быстро перегореть. Может, все дело в криворуком трудовике? Эх, чуяла я, он не дружит с электроприборами!

Пылая праведным негодованием, щелкаю электрический чайник (запью чаем стресс). Коварный прибор берет пример с лампочки, то есть гордо меня игнорирует. Так-так, это точно не трудовик, потому, что в коридоре свет есть.

Заподозрив неладное, направляюсь на угол, к щитку, и точно — крохотный рычажок, отвечающий за подачу электроэнергии в наш кабинет, оказывается повернут в нерабочее положение. Хм... интересно, и давно он в таком состоянии? Не думаю, что копошившиеся в коморке менты и ломающие дверь МСЧ-ники бегали до щитка. Да и не сказать, чтобы они особо нуждались в освещении, потому, что были здесь днем. Значит, электричество выключили позже... или раньше! Зачем? Может, это сделала Галька?

Вздыхаю и недолго массирую виски. Гальке это тем более незначит.

Ну, ладно, вся эта детективная чушь — не мои заботы. Мое дело скромное — вымыть пол, вымыть стол и пойти домой...

Продолжая убеждать себя в том, что меня нисколько не интересует причина Галькиной смерти, я быстренько протираю стол (большую часть отвратительной засохшей лужицы уже соскребли менты, но мне все же противно). И жутко...

Закончив со столом, принимаюсь за грязные, затоптанные множеством ног полы. Воду меняют три раза, жалея, что под рукой нет хлорки (забыла ее в туалете, а идти туда лень). М-да... судя по степени загрязненности, здесь потопталась рота солдат, и каждый из них предварительно чем-то вымазывался.

В завершение уборки тыкаю шваброй под батарею... и вытаскиваю оттуда смятый обрывок тетрадного листа. Интересно, откуда он тут взялся? В каморке вообще-то



школьники табунами не ходят.

Задумчиво разворачиваю и читаю: «в подсобке, 18–00».

Опираюсь на швабру и окидываю каморку орлиным взором (кое-кто, кстати, действительно называет ее подсобкой, но мне так не нравится). Так-так... вот здесь лежала мертвая Галька, а злополучная батарея пониже и немного правее. Подруга вполне могла держать в руке эту записку, а потом ее уронить.

Поколебавшись, подношу бумажку к лицу.

Мне кажется, или она действительно пахнет дешевыми Галькиными духами?

Нет, однозначно, у меня паранойя. Записка, много часов провалявшаяся под батареей и извлеченная из-под одной мокрой и грязной шваброй, не может пахнуть духами. Правда, это вовсе не означает, что ее писала не Галька... или не Гальке. Уверена, что тетрадь потрошил тот самый загадочный убийца, из непонятных соображений вознамерившийся перебить весь наш коллектив. И отпечатков пальцев он, думаю, не оставил. Во всяком случае, будь я убийцей, то точно бы не оставила.

Хотя кто его знает? Может, мне стоит отдать записку ментам? Проверят, посмотрят, проведут экспертизу.

А что, хорошая мысль. Но как я им докажу, что записку оставил убийца, а не какой-то случайный прохожий? Ой, тьфу, какие прохожие в нашей коморке... Допустим, что я не сама ее написала. Вот если б менты ее сами нашли... но нет. Наши доблестные полицейские почему-то не озаботились обследованием батарей, и бумажка попала в мои загребушие руки.

Так-так, осмотрим ее повнимательнее.

Подношу записку к глазам и снова читаю короткое сообщение. Почерк вроде как ровный и достаточно круглый, хотя в некоторых местах и имеются предательские угловатости. Наклон — вправо (ох, лучше бы влево, тогда я была бы уверена, что таинственный автор записки левша). Большие буквы большие, мелкие буквы, соответственно, мелкие. О чем это говорит? Закрываю глаза и пытаюсь извлечь из памяти остатки полезной информации. Увы, увы... графолог из меня нулевой. Все, что я помню — если строчка «ныряет» вниз — у человека комплекс неполноценности, «уходит» вверх — мания величия.

Два слова на этой записке находятся относительно ровно, что говорит об отсутствии ярко выраженных комплексов. Похоже, что физик таки отмечается — у этого кадра, настолько я знаю, настолько завышенная самооценка, что дальше уже никак. А жаль. Ей-богу, было бы здорово, если бы он оказался преступником. Да и Людмила его, сиречь литературка... не нравится мне она, хоть убей. Ну вот зачем, скажите на милость, они заходили в коморку? А выносили мозги директору? Не понятно. Но ничего, ничего, я все это выясню...

Не особо старательно домываю полы, одеваюсь и выскальзываю из школы. Прибегаю домой и долго, тщательно изучаю всю имеющуюся литературу. Особой пользы это, конечно, не приносит, зато в голове медленно, но верно формируется коварный план.

Следующие несколько дней я с упорством перечитавшего детективы маньяка добываю образцы подписей: старательно караю у кабинетов, и, дождавшись конца урока, гоняю дежурных под предлогом срочной уборки, после чего, оставшись одна, торопливо — пока в класс не вбежала новая партия детишек — сличаю два слова в записке с написанным на доске. Увы, но особой пользы методика не приносит — на доске в основном пишут детишки (едва ли учителя рискнут написать слово «классная» с одной «С»). Впрочем, таким нехитрым способом мне таки удастся исключить из списка подозреваемых русичку, биологичку и, к огромному сожалению, «литературу».

С остальными учителями выходит облом, но старания вашей покорной слуги замечает директор (и, боюсь, не он один) — вызывает к себе и пространно так заверяет, что, несмотря на странную череду смертей (прикусываю язык, чтобы случайно не ляпнуть «убийств»), он

не собирается выгонять меня из школы, так что мне нет необходимости мыть полы после каждого урока. С трудом сдержав нервный смех, рассыпаюсь в благодарностях и торопливо выскакиваю из кабинета. Директора тоже приходится исключить — во время его длинной речи я не внимаю и трепещу, а просто сижу на стуле, потупив взор прямо в его документы, и по памяти сличаю почерк с запиской. Между ними не обнаруживается ничего общего, и я ухожу со спокойной душой, провожаемая недовольным взглядом директора, удивленного моей рассеянностью (еще бы, обычно во время таких «душевных разговоров» я поддакиваю и киваю, а не молчу, уставившись в стол).

На какие-то сутки в поисках устанавливается временный перерыв, но потом в мои руки попадает классный журнал 5 «а» (ничего криминального... ну, почти), и я последовательно вычеркиваю из списка подозреваемых одного физрука, одного трудовика и, вообще, всех школьных учителей кроме физика и химички (и то потому, что у пятых классов они не ведут).

С последним — как и следовало ожидать — возникают некоторые проблемы. Начнем с того, что эта зараза ленится заполнять журналы! То есть не пишет в них темы. Оценки он ставит, и еще как, но толку мне от них ноль — в основном это тройки с четверками, а мне нужны восьмерки и единички. Еще дорогой Валентин Павлович никогда не берет в руки мел, а только диктует, что кажется очень и очень подозрительным. По крайней мере, мне. Детишки, напротив, не видят в этом ничего странного; и даже тот факт, что формулы они дружно переписывают из учебника, не больно их настораживает. Хотя тут и вправду нет ничего подозрительного, мало ли у кого какие причуды... просто обидно. Какое-то время у меня хранились его письма ко мне в тюрьму, не так уж и мало — штук семь или восемь — но после одного неприятного случая я все повыкидывала.

В общем, три дня я пасусь на четвертом этаже в надежде раздобыть вожаделенный образец почерка и постоянно нервирую физика своим видом. Нет, ну, конечно, не постоянно, про работу я тоже не забываю, так что вижусь с ним только на перемене... которых у нас одиннадцать штук. Работать в две смены не слишком удобно, но детей у нас много, а школа не так велика, чтобы пустить всех в одну — и физика, чувствую, это злит. Не нравится, видимо, наблюдать мою любопытную физиономию после каждого урока (мне тоже не слишком приятно на него пялиться, но я же терплю!).

Правда, вскоре он привыкает — увидев меня с Донцовой на подоконнике, уже не бухтит про неполный рабочий день, а просто сверкает глазами и, решительно развернувшись, красноречиво хлопает дверью. Угу, ну, по принципу «вам там не место». Примерно в двух-трех из десяти случаев за ним следует учительница по литературе, которая при виде меня неизменно поджимает губы и ускоряет шаг, дабы без особых проблем проскользнуть в эту самую дверь. Хотелось бы знать, зачем... нет, в принципе, догадаться нетрудно, но я не могу представить, как можно делать вот это... вот с этим.

Раздосадованная неудачей с этим противным субъектом (чьи действия, кстати, начинают казаться все более подозрительными), я забиваю на конспирацию и, не измыслив каких-нибудь детективных излишеств, последовательно прошу образец почерка у последнего физрука (кто не помнит, у нас их два), трудовика, методистки и двух завучих. Вот так вот, элементарно, сую под руку бумажку и просто прошу написать пару строк про Галину. И ведь, что интересно, никто не рискует не уважить память покойной, послушно хватая ручку и царапает по бумаге; и ни один почерк даже отдаленно не напоминает каракули в записке. Что заставляет меня не то что расстраиваться... но возлагать на персону дорогого нашего

Валентина Павловича большие надежды.

И вот, наконец, выжидательная тактика приносит свои плоды. Сие эпохальное событие происходит через три дня после начала «охоты» — я дожидаюсь, когда из кабинета радостно повывскакивают измученные физикой детишки и изволит выползти сам господин тиран и садист (на меня он привычно не обращает внимание) и, опасливо осмотревшись по сторонам, проникаю в пустой кабинет.

Ах, какой же он неуютный! Стены выкрашены противной бледно-зеленой краской, огромные окна, как всегда, занавешены длинными темно-синими шторами, на противоположной стене зловеще ухмыляются портреты великих физиков. Один Перельман выглядит слегка недовольным — наверное, потому, что он математик. Похоже, что физик собрался принимать с Перельманом экзамен. «Ответишь, что сделал вот этот мужик с нестриженными ногтями — пятерка. Не ответишь — садись, а-ха-ха, ДВА!»

Хотя я в это не верю. Ей-богу, для подобных коварных целей можно было подобрать портрет и получше. А это обычная газетная распечатка, двумя-тремя кнопками прицепленная к какой-то корявой фанерке в дальнем углу. В том самом, в котором стоит бедный, чахлый, облезший искусственный цветок и торчит перекочевавшая из кабинета биологии коряга. Вот уж не знаю, зачем мерзкий физик ее притащил. Не то для того, чтобы Перельман не скучал (тоже мне, знаток мужской психики, лучше бы формул повесил), не то потому, что считает, что с такой композицией кошмарные фотообои на соседней стене будут выглядеть хоть немного правдоподобней. Ерунда это все. Вот уж не знаю, где он добыл этот ужас, но уверена — лучше всего эта деталь интерьера будет смотреться на помойке!

Обнаружив в себе нехилые дизайнерские способности, орлиным взором оглядываю кабинет, прикидывая, что еще можно выкинуть (похоже, что все, включая владельца), в задумчивости осматриваю его нечеловечески длинный стол (в пол-класса) и замечаю толстую тетрадь — личный журнал нашего Валентина. Торопливо подсакиваю к столу и, издав грозный вопль индейцев майя, хватаю журнал. После чего, немного полюбовавшись на потертого и замызганного полярного медведя, пролистываю несколько страниц. Так, так, вот моя бумажка, вот его кривые каракули...

— Чем это вы занимаетесь?!

Ну вот, получи закон подлости в действии. На горизонте мгновенно нарисовывается физик.

И ладно бы просто нарисовался! Он ловко подсакивает ко мне и, вцепившись рукой в мое ухо, (ох, слава Богу, что я не ношу сережек, вырвал бы с мясом!), второй своей мясистой клешней вырывает мою бумажку! В первый миг я теряюсь и выпускаю из пальцев журнал, который тут же планирует на пол, по потом беру себя в руки и грозно пишу:

— Что вы себе позволяете!

После чего вцепляюсь в его лапу ногтями. Ухо обретает свободу, разъяренный физик поворачивается ко мне и некоторое время сосредоточенно сопит.

— Какого?! — вновь гневно начинает он. Парадоксально, но даже сейчас этот тип не повышает на меня голос, просто злобно шипит. — Сначала выслеживаете меня по всей школе, потом роетесь в моих документах, — он нагибается, поднимает с пола журнал и расправляет смятые страницы. — Что все это значит?!

Его руки стискиваются в кулаки (ага, хваленое самообладание все же дает сбой!), на щеках играют скулы, а сощуренные зелено-коричневые глаза, похоже, пытаются просверлить во мне дырку. Или нет, целых две.

— Н-не ваше дело, — мой голос мгновенно сползает до сбивчивого шепота, щеки начинают предательски гореть, но, в конце концов я собираю в кулак всю свою решимость, поднимаю глаза и заявляю, — отдайте за-записку!

Физик, конечно, не впечатляется — наверно, из-за того, что вместо грозного голоса у меня получается какое-то невнятное заикание. Он упирает руки в бока, отчего серый костюм натягивается, прорисовывая его довольно спортивную фигуру с предательски завязывающимся животиком, и угрожающе делает шаг в мою сторону. Издаю тихий визг, и, схватив ведро, которое я в целях конспирации таскала с собой, бросаю его на пол.

— Вы ничего мне н-не... — гордая и пафосная фраза опять съезжает до какого-то невнятного бормотания, но физик, похоже, понимает, что я хочу сказать. Наверно, мужик читает мои мысли (да ну, это бред, если б читал, давно бы меня прибил). Во всяком случае, уголок его рта нервно дергается, и какой-то момент мне кажется, что мерзкий тип вот-вот разразится серией воплей. Но нет, даже на этот раз бывший сослуживец не изменяет своим принципам:

— Как только директор об этом узнает...

Я мгновенно подхватываю ведро со шваброй и, обходя этого типа по широкой дуге, бормочу:

— Ничего он не узнает. У вас нет доказательств, — и, громче, — отдайте записку!

— Вот эту? — его губы раздвигаются в циничной усмешке (первую половину фразы он, кажется, пропускает мимо ушей), физик разворачивает записку и опускает глаза.

Я тихо кашляю в кулак и бочком-бочком направляюсь к двери. Направляюсь и направляюсь, пока мерзкий мужик не очухался.

Хм. Не думала, что он так медленно читает. Да там же всего три слова!

...два из которых — предлоги! Похоже, длительное общение с учительницей по литературе конкретно вредит мозгам. Хотя, по логике, должно быть наоборот

— Что это значит? — физик наконец-то расправляется с бумажкой и поднимает глаза на меня, он выглядит растерянным. — Где вы это взяли?

Я делаю еще один шаг назад и — ура! — нащупываю копчиком дверь. Еще бы вспомнить, в какую сторону она открывается.

— Не ваше дело! Ничего не скажу! — нетрудно догадаться, что звучит эта фраза вовсе не так героично, как выглядит на бумаге. Да мне, в принципе, все равно. Я могу плакать, кричать и впадать в истерику, но мерзкий физик все равно ничего не узнает.

Кстати об истериках. Замечаю, что в уголках глаз начинает предательски пощипывать, и, в последний (он же, кстати, и первый) раз пискнув «свинья!», открываю дверь и выскакиваю в коридор. Вот физик! Вот сволочь! Не зря, не зря этот гад мне не нравился! Конечно, пропажа записки не так страшна, у меня есть несколько (а, точнее, шесть) спрятанных в разных местах копий, но ведь сам факт!

В уголках глаз продолжает пощипывать, а вскоре я и вовсе замечаю, что по щекам текут слезы. Бросаю ведро со шваброй на пол, залезаю на подоконник и, всхлипывая, вытираю глаза. Интересно, что это со мной? Перед глазами стоит (точнее, лежит) мертвый пацан и живая, пока что здоровая Галька. И нож в груди сторожа. Не слева, а точно по центру. А слезы текут и текут. Соленые и противные, как остывшая лапша быстрого приготовления.

Спокойно! Перестань рыдать, чертова истеричка! Все будет хорошо, ты найдешь всех преступников, ты...

Чувствую, что аутотренинг не помогает, вытираю глаза рукавом и... и неожиданно

улавливаю посторонний звук. Это скрип, скрип открывающейся двери — физик выходит в коридор. Замирает. Сквозь пелену слез я вижу, как он уставился на меня. Всхлипываю и абсолютно неэстетично вытираю нос рукавом. Некультурно, а мне плевать! Общество мерзкого Валентина Павловича я при всем желании не могу назвать приличным. Вновь утыкаюсь лицом в ладони, но успеваю заметить, как он, немного потоптавшись на месте, неуверенно шагает ко мне.

Еще чего не хватало!

Соскальзываю с подоконника и, подхватив ведро со шваброй, сбегая вниз по лестнице. Зуб даю, этот тип очумело пялится мне вслед!

Захожу в туалет, умываюсь и пытаюсь привести мысли в порядок. Холодная вода помогает мне если не начать мыслить здраво, то хотя бы перестать шмыгать носом. Нет, ну вообще, что это была за истерика! Неужели стресс так аукнулся?! Ревела на весь коридор, да еще и на глазах у физика! Впервые жалею, что я не психолог. Впрочем, нечему тут жалеть. Как говорится, сапожник без сапог ходит, так что не думаю, что психологическое образование сильно бы мне помогло.

Ну, ладно, ладно, Марина, а теперь возьми себя в руки... вздохнув и улыбнувшись физиономии в зеркале (физиономия грустная и измученная, ничего, кроме жалости не вызывает), я выхожу из туалета, пропустив туда почему-то задержавшуюся после уроков химичку и направляюсь в каморку — переждать до конца рабочего дня.

С последним звонком я торопливо одеваюсь, машу рукой мрачно восседающей на вахте Катьке и выбегаю на холодную, мрачную улицу.

Надо же, прелесть: все мрачные. И ладно бы улица, ей по сезону такое положено. А подруге вот нет. Похоже, что ей конкретно не нравится ее новоиспеченная должность, иначе с чего бы ей провожать меня — уборщицу — ЗАВИСТЛИВЫМ взглядом? Ума не приложу чему она может завидовать. Может, тому, что я недавно развелась с мужем? Так у нее его и не было никогда. Зато вот имеется сын — веселый десятилетний балбес Митька, которого женщина периодически пилит. Может, все дело в том, что у Катьки нет кошки? Так в чем проблема, пусть заведет.

Зябко кутаясь в куртку, я вспоминаю, что забыла в коморке кошелек, но, ощутив заменяющий сумку мешок, успокаиваюсь — вот он, родимый. Денежек, правда, практически нет (20 рублей на овсянку не в счет), но само наличие радует — не придется возвращаться в изрядно надоевшую обитель знаний, подозрительных личностей и (периодически) трупов.

Кстати, о них. Итак, подведем итоги: никто из учителей и школьного персонала, включая физика, записку не писал. Последнее несколько огорчает, потому, что:

А) он мне не нравится

Б) в последнее время этот тип действительно ведет себя странно.

А именно, шастает не пойми где, чего-то там обсуждает с директором и строит козни с Людмилой-Литературой. Было бы здорово, если бы именно он оказался маньяком — но нет, его почерк ни грамма не напоминает тот, что представлен в записке (уж это я подсмотрела!). В записке буквы округлые, а у него — угловатые, хотя и нацарапаны довольно разборчиво (при всем желании не могу назвать это «написано»). Похоже, придется проверить учеников старших классов, а с этим могут возникнуть затруднения. Во-первых, их много, а, во-вто...

— Есть закурить? — в мои мысли (признаться, довольно приятные) грубо врывается мужской голос. Низкий такой, прокуренный. Куда ему еще сигарет?! Теплое масло и гоголь-моголь, а еще шарф! Даже два!

— Простите, нету.

Обладатель прокуренного голоса ответом не удовлетворяется — видимо, сильно ему, болезному, хочется испортить свое здоровье! — и перегораживает мне узенькую тропинку между двумя. И чего-то ведь кажется мне знакомым. Рост? Грязная темная куртка? Поблескивающие под темным капюшоном глаза или шарф, закрывающий лицо до самой переносицы? Да нет, похоже, раздражающий запах дешевого, частично отфильтрованного организмом колдыря алкоголя. Мерзкая вонь мгновенно напоминает о бывшем муже, я машинально делаю шаг назад и краем глаза замечаю еще одну темную фигуру.

— Как пройти в библиотеку? — осведомляется та.

Я удивленно оборачиваюсь, а первый колдырь шагает ко мне, вырывает из рук торбу — успеваю лишь крикнуть что-то вроде «ах, ты!» — и... бок пронзает резкая боль. Охнув, складываюсь пополам и, неловко упав на колени, боком падаю в лужу. С головы слетает шапка, волосы намокают, но мне все равно — дрожащими руками ощупываю кожу там, где печет словно огнем... и обнаруживаю посторонний предмет. Нож!

В глазах темнеет, голова как-то сама собой опрокидывается на бок, я успеваю заметить спины двух убегающих мужиков и... и в нос затекает грязная, холодная вода! Я фыркаю, точнее, пытаюсь фыркнуть, и осторожно, одной рукой придерживая стилет (читала, инородные предметы нельзя вытаскивать, а то можно и кровью истечь), поднимаюсь на корточки. Ой... больно-то как... чтоб этим мужикам бежать так до первого мента!

Так... поднимаю голову и пытаюсь сориентироваться на местности. Пока суд да дело, успело стемнеть, и народу на улице не наблюдается. Позвать на помощь некого, до дома же, чую, я так и не доползу. Что делать? Что делать?

Ползти в школу.

Да там же ступеньки... и... никого нет...

В глазах вновь темнеет, и только тот факт, что ваша покорная слуга тыкается носом в холодную, мокрую лужу, не дает ей (т. е. мне) потерять сознание. Что было бы крайне нежелательно. Опять утвердившись на корточках и разогнав туман в сознании, пытаюсь сообразить, куда мне ползти. Может, туда, куда глаза глядят? А глядят они в лужу. Нет, там нам не место.

Вдалеке вижу мрачное здание, в окнах до сих пор горит свет. Да это же Следственный комитет! Жизнь мгновенно обретает смысл, я более-менее утверждаюсь на ногах и, руководствуясь принципом «три точки в опоре, одна держит нож», ползу по направлению «зюйд-зюйд-вест». По пути меня едва не сбивает машина и, возмущенно загудев, вновь уносится в темноту. Какая скотина! Нет, ну водителя тоже можно понять — ползет по лужам бомжиха, и пусть ползет. А то, что это бедная, несчастная, пырнутая (да как же это дурацкое слово склоняется?!), ножом уборщица, ему и в голову не придет...

Вот так, погруженная в идиотские, абсолютно не подходящие к ситуации размышления, периодически чуть ли не подхихкивая от самой ее, ситуации, абсурдности (что тут же отзывается колюще-режущей болью в боку), я доползаю до Следственного комитета. Вот, теперь можно с чистой совестью потерять соз... тьфу, да что же такое! И здесь ступеньки!

Пока я собираюсь с силами и составляю план штурма, вверху хлопает дверь, раздаются шаги... но они неожиданно стихают, а до моего чуткого, тренированного носа доносится запах курева. Тихо хриплю:

— Помо... помогите... — и, собрав все силы, в грандиозном рывке встаю на ноги и зацепляюсь за перила. Теперь главное не поднимать головы, а то ступеньки перед глазами

начинают кружиться.

Стою, шатаюсь, ноги ватные, бок разрывается от боли, но и это уже несомненный прогресс. Вот как бы теперь не упасть?

— Денег нет, сигареты не дам, — доносится откуда-то сверху.

А голос-то знакомый! С трудом извлекаю из памяти имя:

— Вадим... Вадим!

Шаги. Не то стажер, не то практикант спускается на пару ступенек.

— Позови Хучика... — так, а знает ли он, кто такой «Хучик»?

С трудом вспоминаю гражданское имя мента.

— Федора Ивановича зови... у нас тут... еще один труп...

Кажется, я нечу чушь, но, главное, это приносит свой результат. Вадим стремительно удаляется по лестнице, и через пару минут (в этом месте должна быть пафосная фраза про то, как минуты превращаются в вечность, но, честно, мне лень) перила, за которые я все так же отчаянно держусь одной рукой, начинают противно вибрировать. Потом в поле моего зрения появляется суровое и сосредоточенное лицо Федора Ивановича. Прямо скажем, ни суровость, ни сосредоточенность ни грамма ему не идет, а глазки вообще на ледышки похожи.

— Марина? — неуверенно произносит он. Отчество, он, похоже, забыл. — Новый труп. Где?

Я улыбаюсь уголком рта, поднимаю ту руку, которой до сих пор придерживала нож (вторую отрывать не хочу, боюсь, упаду) и протягиваю ему. С конечности капает кровь, в тусклом свете фонаря она кажется черной — отличный кадр для ужастика! Бледно-голубые глаза мента расширяются, он шагает вперед и подхватывает меня. Тоже отличный кадр, но уже в детектив (ну, или в мыльную оперу). Лично мне больше нравятся детективы, да и потом, на героя-любовника Федор Иванович не похож. Судя по рассказам Катьки и Гальки, все они — писанные красавцы, а у этого даже рельефов никаких нет, только лысина. Я, впрочем, тоже не прекрасная дама... и, кстати, для пущей красоты жанра мне нужно свалиться в обморок.

Но нет, я не падаю. Из непонятных соображений продолжаю хвататься за поручень, пока встревоженный полицейский торопливо осматривает мою рану.

Окружающий меня пейзаж (а также мент на его фоне) кажутся все темнее и темнее. Еще бы — у меня же потеря крови. Упрямо трясую головой, вспоминаю, что должна была что-то сказать.

Ах да.

— Новый труп... кажется, это я...



Вот даже не знаю, чем это объяснить (наверно, законом подлости), но сознание я не теряю ни тогда — цепляясь попеременно то за перила, то за мента — ни потом, когда Хучик таки вызывает «Скорую» и все полчаса ожидания заочно грозит им страшными карами. Негромко, себе под нос, но очень зловеще и убедительно.

Мне удастся однозначно расслышать лишь мат (достаточно много и очень разнообразно, куда там бывшему мужу с его комбинацией из трех слов) и, один раз, зловещее «Я им устрою выездную проверку!».

Какое-то время всерьез обдумываю мысль попросить его ругаться погромче, дабы набраться опыта, но потом решаю не тратить силы. Подумайте сами: на дворе поздний вечер, темно, уже практически ночь. Тускло светит фонарь у входа в Следственный комитет, вокруг загадочно мерцают наполовину подсохшие осенние лужи, мерно капает слабенький дождик. На светлых, из непонятных соображений отделанных кафельной плиткой ступеньках (боюсь представить, как они страшно скользят зимой) распростерлось не слишком длинное (полтора метра с чем-то) худощавое, окровавленное тело. Рядом расположился упитанный, злой до чертиков (но от этого не менее безутешный) мент, где-то там, вне зоны видимости, бродит и периодически нервно кашляет стажер. В общем, все очень мило, красиво и патетично... и именно в этот момент недобитая уборщица приподнимается на локтях и хрипло так говорит:

— Федор Иванович... как вы сказали? «Ленивые кровососы в белых халатах...» что дальше?

Патетика ситуации мгновенно пойдет на убыль, и даже моя посильная помощь в виде зловещего шепота и натужного кашля едва ли ее спасет. Так что я оставляю попытки расслышать, что же конкретно бормочет Хучик, и позволяю ему ругаться в свое удовольствие.

Кроме угроз с матюками, Федор Иванович развлекается тем, что пытается допросить мою скромную, продырявленную ножом персону на предмет того, как выглядел напавший на меня злоумышленник (ничего интересного и полезного следствию: куртка, штаны, вязаная шапочка и шарфик до глаз). Потом — как меня вообще занесло в этот район? Элементарно — живу я неподалеку, а мимо их комитета так вообще прохожу по два раза на дню (если другой, более короткий путь не преграждает большая лужа). Следака такой ответ не устраивает, но взять с меня больше нечего; все Хучиковы предположения о том, что «кое-какая отдельно взятая уборщица» могла скрыть от следствия какой-нибудь «маленький фактик», возмущенно называю «гнусными инсинуациями». А что? У меня вот дырка в боку, мне можно. Федор Иваныч, конечно, не верит — да я бы сама себе не поверила. Потом, те два «фактика» — о том, что Галина пыталась кого-то там шантажировать, после чего ее вызвали в нашу каморку и благополучно убили — все равно никому погоды не сделают.

Хучик заметно злится, прекращает расспросы и молча (не считая эпизодической ругани в адрес «Скорой») садится рядом со мной. Ну ладно, хоть за руку не берет, тоже мне...

Уже перед самым приездом врачей я все-таки вырываюсь из своего странного — какого-то полусонного — состояния и вспоминаю что-то действительно важное. Хватаю следака за... по-моему, это нога. Он нервно вздрагивает, зачем-то смотрит по сторонам, после чего наконец-то склоняется ко мне.

— Федор Ива... — «нович» как-то позорно проскальзывает. Я занята: лихорадочно инспектирую собственные карманы. А с раной в боку это тот еще квест!

— Чего? — с надеждой произносит следак. Ой, глазки, глазки блестят! Похоже, что Хучик чует какое-то откровение. А фиг там!

Драматическим жестом достаю из кармана ключи.

— Дома кошка... голодная... скажите соседке, пускай покормит...

К сожалению, подробные инструкции по кормлению кошки приходится опустить — к зданию Следственного комитета наконец-то подъезжает «Скорая». Весьма кстати, потому как с каждой минутой мне почему-то становится гаже и гаже. В принципе, этого и следовало ожидать, потеря крови это вам не хухры-мухры. А что такое «хухры-мухры»? Интересный вопрос. Когда-нибудь я его проясню, если, конечно же, не помру. Но, думаю, это вряд ли. Во всяком случае, несомненных признаков приближающейся кончины — мелькающих перед глазами картин прошлой жизни — я пока что не наблюдаю. Непосредственно в поле моего зрения имеется непривычно-мрачный следак (я как-то привыкла, что он выглядит добрым и сравнительно безобидным, так что теперь даже немного странно) и несколько убийственно-одинаковых врачей в белых халатах. Плюс какая-то мутная, застилающая все, кроме этих нескольких пятен, мгла.

Медики осматривают мою рану, укладывают на каталку и запихивают в машину. Нож из раны, кстати, опять-таки не вытаскивают, что превращает вроде простую (для здорового человека) процедуру в какой-то аналог извращенного мазохизма. В процессе транспортировки я наконец-то теряю сознание, успев машинально отметить, что мент все-таки взял ключи. Чую, ждать по приезду незапланированного обыска...

Следующие несколько дней я провожу в больнице. Сначала — в реанимации, где развлекаюсь тем, что, не имея возможности встать с кровати, часами разглядываю потолок. Скучно, нудно, на редкость однообразно, могли бы туда паучка посадить, все было бы веселее. Но нет, в палате лишь стены, кровать, дверь, окно (что там, мне все равно не видать) да медицинские приборы, которые жутко мигают/пикают/тикают и своим видом ужасно мешают радоваться жизни. Про утку я вообще молчу, с одной стороны — развлечение, с другой — гадость и мерзость, но куда деваться.

По счастью, вскоре меня переводят в нормальную, человеческую палату с тремя говорливыми соседками (хм, по правде говоря, говорливые из них только две, третья что-то вроде меня, но фоновый шум от этих двух как от трех), железной кроватью, светлыми стенами и вовсе не резким, но страшно навязчивым запахом дезинфекции. «Неземной» аромат мгновенно заставляет почувствовать себя на приеме у стоматолога. О да, в тот самый неприятный момент, когда ты пришел, сел в кресло и открыл рот, а где-то там, сзади, коварно позвякивая инструментами, приближается врач...

Не сказать, что я часто хочу к стоматологам (что-что, а вот зубки у меня, как ни странно, хорошие, даже в тюрьме, помнится, удивлялись), но все равно жутко. Похоже, боязнь дантистов досталась мне с детства — и именно тогда я запомнила, что бесплатный сыр может быть только в мышеловке, а еще он жутко воняет, издает дребезжащие звуки, экономит на наркозе и ставит пломбы цементного цвета,

Ну ладно, не будем об этом, на этом свете есть более приятные вещи. Например, то, что мне наконец-то разрешают читать. Вот так вот лежу на кровати, лениво перелистываю страницы, периодически поправляю ужасно плотно намотанные бинты (затянули так, как будто хотели сделать из меня мумию, но что-то пошло не так) и даже... принимаю

многочисленных посетителей.

Первым, конечно же, заявляется Федор Иванович — веселый, кругленький, привычно улыбающийся. Ума не приложу, как эта улыбка ухитряется сочетаться с цепким взглядом бледно-голубых глаз, но ей (улыбке) это вполне удастся. Похоже, что эта часть мента каким-то неведомым образом существует независимо от остальных.

Сам Хучик явно намеривается взять реванш за свой предыдущий «допрос». Впрочем, никаких ценных сведений он снова не получает, и я почему-то подозреваю, что даже составленный на его ноутбуке фоторобот преступника едва ли поможет найти неудавшихся убийц. Как жаль, что я не смогла разглядеть того типа и могу воспроизвести лишь глаза да узкую полоску кожи между надвинутой до бровей шапочкой и натянутым на нос шарфиком. Глаза как глаза, кожа как кожа, никаких шрамов, царапин и рытвин — ровным счетом ничего интересного, а мерзкий запах к досье не пришьешь. Да ладно бы с этими двумя колдырями, мне было больно, обидно и страшно, но зла я на них не держу. Правда-правда. Судя по виду, судьба их и так наказала. Авансом. Похоже, что мужикам не хватало на выпивку, и они решили обогатиться за счет первой попавшейся путницы. Вот интересно, сильно ли им помогли мои двадцать рублей?

Но Хучик, конечно же, так не считает. Мент твердо уверен в том, что я-таки ухитрилась пронюхать, подслушать или подсмотреть что-то не то, и этим изрядно подпортила планы неведомого преступника. Понаблюдав за неумелыми действиями «неукротимой» уборщицы, зловещий убийца предпочел не рисковать и нанял двоих мужиков, которые долго караулили возле школы, а после коварно напали...

Не спорю, звучит красиво, и в детективах подобная ситуация происходит каждые двадцать страниц, но в жизни, конечно же, этого не бывает. Неведомому убийце нет смысла тратить на меня свои силы, ведь в реальности я никак не смогу ему повредить. Ну, разве что он побоялся погибнуть... со смеху.

Увидев мою скептическую гримасу, Федор Иванович сдавленно кашляет и торопливо прикрывается бумажкой с показаниями (но глазки-то блестят!) после чего, успокоившись, кратко докладывает о состоянии кошки (поела, попила, попела) и прощается. Напоследок, разыграв целый спектакль о «бедном, несчастном, практически умирающем существе», я вымаливаю обещание периодически сообщать мне если не о ходе расследования, то, хотя бы, о новых трупях. Ну что ж, будем ждать...

На следующий день ко мне заявляется целая делегация в лице Катьки, директора и, почему-то, физика. Ее представители приходят поодиночке, налетают друг на друга в дверях и смущенно раскланиваются.

Первым изволит заглянуть немного нервный (а, впрочем, в последнее время это его привычное состояние) директор, пространно распинается вроде как служебном долге, при этом говорит больше получаса и в таких мутных выражениях, что я до сих пор не уверена, что именно он хотел сообщить. Одно поняла — что больничный будет меньше моей зарплаты чуть ли не в два раза. Капец, дяденька, куда меньше? С другой стороны, я в это время не работаю. С третьей — уж лучше работать...

Перед уходом Борис Семенович оставляет на тумбочке грамм семьсот мандаринов (на килограмм это связка не тянет). М-м-м, ням-ням! Дожидаюсь, когда он уйдет, чтобы захавать вкусненькое... и тут наступает облом. Не успеваешь директор покинуть палату, как в дверях нарисовывается физик!

А этот фрукт что здесь забыл? Неужели ко мне? Да ну, вряд ли, в палате, как-никак, еще

есть три женщины, может, он к кому-то из них? К полненькой хохотушке Даше (вот уж действительно хохотушка, ее заливистый смех слышен даже по ночам — пару раз я ловила Дашку с фонариком, а читает она, чтоб вы знали, большой и толстый журнал с анекдотами), моложавой Ольге Геннадьевне (лет ей примерно как мне, но выглядит гораздо моложе — наверно, из-за того, что даже в больнице мажется кремами по пять раз на дню) или совсем уж молоденькой Людке.

Но нет. Физик мнется в дверях, пропуская Бориса Семеновича, натянуто улыбается в ответ на его приветствие (тоже не слишком дружелюбное — вот странно, раньше они не конфликтовали), и направляется к окну, при этом решительно забирая вправо. Ко мне. Давлю в зародыше позорное желание спрятаться под кровать и натягиваю дежурную вежливую улыбку. Кстати, во время разговоров с остальными коллегами я ей, обычно, не пользуюсь. Эта гримаса только для физика. Эксклюзив.

— Здравствуйте, — вид у него какой-то больной и невыспавшийся, под глазами уютно расположились вместительные мешки (и, судя по виду, они здесь надолго), а шелушащиеся, облезшие губы он сжал очень странно, будто бы держит что-то во рту. Наверно, это мои извинения. — Как вы себя чувствуете?

— Спасибо, прекрасно, — вежливо отвечаю я. Нельзя сказать, что так сильно грешу против истины — для человека, в которого ткнули ножом, мне действительно поразительно хорошо. Вот и ругай после этого отечественную медицину! Впрочем, наверно, это зависит от лечащего врача. К совсем молодому парню со «Скорой» у меня, например, до сих пор есть претензии...

Физик открывает рот, потом, так ничего не сказав, решительно захлопывает его с таким зловещим зубовым лязгом, что две из трех моих соседок многозначительно переглядываются (что делает последняя, я не вижу, потому, что ракурс неудобный). Физик не обращает на дам никакого внимания: внимательно разглядывает меня, останавливает взгляд на тумбочке, некоторое время задумчиво созерцает пакет с мандаринами. Слегка морщит лоб. Шевелит бровями. Чуть-чуть приоткрывает рот и снова его закрывает.

Сначала я с интересом наблюдаю за этой пантомимой, периодически подхихикивая в особо драматических местах, потом спектакль как-то надоедает:

— Берите, если хотите.

Кто знает, может, он их полгода не видел? Кто знает, на что физик тратит свою зарплату — может, она целиком уходит на обольщение Людмилы-Литературы.

Физик удивленно поднимает глаза:

— А...ах да... — берет с тумбочки мандарин и принимается его ковырять. Ногтями. Ладно бы просто чистил, а тут и действия какие-то импульсивные, и взгляд у него уж больно отрешенный. Не похоже это на привычного нам Валентина Павловича. Не похоже!

Все же наблюдение за этим загадочным субъектом не доставляет мне ни малейшего удовольствия. С этим надо что-то делать.

— Кхм... вы что-то хотели?

Физик заметно вздрагивает... и тут же почему-то немного ссутуливается:

— Нет, ничего... выздоравливайте. До свидания.

Какие, к черту, свидания могут быть с этим типом?!

— Угу, — не реагировать вроде не вежливо, «до свидания» я ему точно никогда не скажу (чтобы не накликать), да и «прощайте», боюсь, прозвучит с надеждой.

Впрочем, физик вполне удовлетворяется нейтральным «угу», отворачивается и уходит.

Полурастерзаный мандарин он, кстати, уносит с собой.

Я сказала «уходит»? Не тут-то было! Стоит посетителю пройти примерно половину пути, как дверь как-то нерешительно приоткрывается, после чего в палате появляется Катька. А я уж настроилась почитать, мандаринов поесть... растянуть бы все эти визиты дня на три, на четыре, а то утомляет общаться с таким большим количеством сочувствующих сразу.

Физик вполне дружелюбно (ну, насколько вообще возможно для этого типа) здороваётся с Катериной, после чего та проходит ко мне, а гадкий Валентин Павлович (уж мне-то прекрасно видно!) провожает ее подозрительным взглядом, после чего наконец-то хлопает дверью. О, чудо, какой же прекрасный звук! Вот интересно, зачем этот тип приходил? Утащил мандарин, один вред от него...

— Привет! — улыбается Катька. Ну вот, в кое-то веки она выглядит довольной, пришла ко мне как на свидание, даже накрасилась. Под белым больничным халатом явно просматривается ее шаль, из-за чего подруга выглядит толще. Ей-богу, ей это только идет, а то обычно скелет скелетом, хоть анатомию изучай.

Осмотрев палату цепким взглядом, Катерина с размаху плюхается ко мне на кровать и начинает пересказывать последние сплетни. Интересно, она до сих пор восседает на «контрольно-пропускном пункте»? Ей-богу, сидячая работа очень странно на нее действует.

— Школа гудит, — в числе прочего щебечет Катька. — Кое-кто говорит, что «это учебное заведение стало чересчур криминальным». Сперва этот несчастный ребенок, — подруга передергивает плечами, зуб даю, она совершенно не помнит, как же его зовут. — Потом Галька и Павлыч, и вот теперь на тебя напали, — ее глаза странно сверкают, — ты видела, кто?

Опять! Сколько можно допрашивать? Сначала Хучик (хотя ему-то это положено), потом директор, сопалатницы, Катька! И все они делают вид, будто им интересно.

— Уф-ф-ф... — демонстративно откидываюсь на подушку и прикрываю глаза. — Надоели. Не знаю, два колдыря. А ка-ак от них воняло, это капец! Составили фоторобот, но, думаю, толку нет, на улице было темно, и я, в основном, их чуяла, а не видела.

Катька косится на меня исподлобья — не верит — но послушно переводит тему:

— Когда ты не пришла на работу, я, конечно же, сразу почувствовала неладное... — Катька поднимает глаза к потолку. Угу-угу. Знаем мы ее экстрасенсорные способности. — И не зря. После обеда в школу приперлись менты, вот тут-то мы и узнали, почему пирожки по четыре копейки, — еще одно Катькино выражение, которое я понимаю не до конца. — Один из них, такой толстый, все время расспрашивал, не замечали ли мы за тобой чего-нибудь странного.

Ого! Интересно. Поправляю подушку, незаметно оглядываюсь по сторонам — мои сопалатницы не сказать чтобы не прислушиваются, но особого интереса не проявляют. Дашка читает, а Людка с Надеждой Геннадьевной устроились на одной кровати и играют в нарды.

— И что вы сказали?

Нет, я вполне представляю, что могли рассказать про меня директор, дражайший физик, и Катька — чистую, пусть и немного подкорректированную их собственным мнением правду — но все-таки хочется знать, как мое поведение выглядит со стороны.

— Давай-давай, говори, интересно, что вы там про меня наболтали.

Катька забавно морщит нос и неуверенно произносит:

— Не знаю, что там сказал Борис Семенович, но я... ну, сама понимаешь, полиция, не хухры-мухры...

Катерина выглядит виноватой, смущенно теребит белый халат, да еще и эти «хухры-мухры» непонятные. Похоже, что дело нечисто.

— Давай уже, говори.

— Ты всю неделю вела себя очень странно, бродила по школе, листала журналы, носилась с какой-то бумажкой, а каждую перемену бежала на последний этаж, — скороговоркой произносит подруга, после чего с надеждой переводит взгляд на меня. Ну точно кошечка у тарелки с едой, только моя Маркизка обычно не просит, она нагло требует.

Закрываю глаза и радостно улыбаюсь:

— Ну, ладно... могла бы сказать, что я всю неделю хожу с окровавленными руками, а в школе опять пропадают ученики.

— Пф, ладно тебе, — ухмыляется Катька. — А я вот тебе почитать принесла.

Подруга извлекает из сумочки толстую черную книгу с брутальным мужиком на форзаце. У мужчины короткая стрижка, большой пистолет и кривая ухмылка, в больших голубых глазах ясно читается что-то непонятное (ну, в смысле ЧТО-ТО там есть, а что же это конкретно — не ясно), черно-белый смокинг подчеркивает гипертрофированную мускулатуру, вокруг раскиданы карты. Так-так, кто же автор? Ян Флеминг. Ого! По правде сказать, я не слишком люблю Джеймса Бонда, но приятно, приятно...

— Спасибо, Кать! Здорово! Почитаю. А что там у вас еще?

— Кхм, — Катька ерзает на кровати, черты ее худенького лица как-то заостряются, в глазах появляется и тут же угасает мистический блеск. Похоже, что новость не из приятных: подруга питает к таким странную слабость. — Кхм. Кхм. Вчера вот Гальку похоронили. Народу пришло... ужасно. А книга, кстати, ее. Ну, была... два года назад подарила на день рождения, но я же такое не люблю, сама знаешь.

Отлично, теперь у меня в палате есть книга покойной. Насколько я знаю, держать при себе вещи трупов — плохая примета. Отдать назад, что ли?

Да нет, теперь книга Катькина... она у нас, в принципе, к чтению равнодушна, может пролистать любовный роман, если совсем делать нечего, ну а произведения других жанров и в руки не берет. Уверена, что она ее даже не открывала... как, впрочем, и Галька. Она тоже не относится...не относилась к любителям Джеймса Бонда, так что Флеминга, думаю, ей тоже кто-нибудь подарил. Какой-нибудь знакомый нелюбитель детективов. Уверена, рано или поздно книга вернется к нему в коллекцию, если цепочка не прервется на Катьке или на ком-то еще. Говорят, что подарки не передаривают, но и я в этом плане грешна. Подаренная Галиной книжонка про садоводство, к примеру, перекочевала к соседке уже через месяц. А что тут такого? Мне эта книга без надобности, а у нее дача...

Все время, пока я разглядываю Джеймса Бонда и размышляю про превратности судьбы, Катька в фоновом режиме щебечет про похороны. Кто пришел, кто ушел, во что был одет труп и т. д. Нет, все-таки Гальку в нехитром деле разноса сплетен ей точно не заменить. У Катерины каким-то образом дурные новости получаются вроде на позитиве, а вот хорошие — мрачнее некуда, как будто ее огорчает, что нечему позлорадствовать. А мне вот веселые как-то больше нравятся.

Катька щебечет, а я киваю и машинально открываю книгу где-то на середине и начинаю пролистывать ее в поисках интересной мест. Уф... не люблю я Флеминга, хоть убей. Вот Джеймс Бонд опять демонстрирует крутость свою невероятную, а тут он клеит какую-то

девушку (в каждом романе новую), драка, драка, карточный стол (угадайте, кто выиграл?)... о, пытки!

Злорадно ухмыляясь, принимаюсь читать. Катька продолжает вещать, проще говоря, несет какую-то чушь, так что в моем сознании допрос Джеймса Бонда таинственным образом трансформируется в издевательства над директором. Тьфу! Был бы физик, оно бы и ладно, но Бориса Семеновича мне жалко, да и Катька, похоже, перестала получать удовольствие от передачи сплетен. Натужно как-то бормочет, без «огонька». Оно и понятно — плохие новости кончились, остались хорошие да нейтральные, а Катька не может с них кайф ловить. Она у нас вообще-то не из болтливых, хотя и в последнее время ведет себя нетипично. Ну это и можно понять — пришла к больной подруге, нельзя же сидеть у нее и молчать. А то, что мне это тоже не слишком приятно, вообще отдельный вопрос.

— Да ладно уж, хватит, — говорю я. — Считай, что ты уже выполнила свой долг.

— Долг? Какой долг? — Катька недовольно морщится, — а, ну да... Ты знаешь, Марин, я и вправду пойду. Пересекусь кое с кем.

Ох, кажется мне, пресловутый «кое-кто» — ее очередной воздыхатель. В Катькиной жизни периодически появляются какие-то странные мужики, из-за чего она красится вдвое гуще, начинает отпрашиваться с работы и даже — в особо тяжелых случаях — просит меня посидеть с ее сыном (хотя чего с ним сидеть, ему десять лет, а не шесть).

— Ну, ладно. Пока. Заходи.

Катерина торопливо прощается и уходит, а я остаюсь лежать на кровати наедине с Джеймсом Бондом, тремя соседками, мандаринами... ой, что-то много народу в этом «наедине». Ну ладно, мне спешить некуда, пожалуй, еще полечусь.

Лежу на кровати, читаю Флеминга. Уже говорила, что я от него не в восторге, но обходиться без чтения — и того хуже. Многочисленные посетители натащили в палату еды, а о духовном мире несчастного больного создания как-то забыли. И ладно директор, возможно, что он не считает уборщицу высокоразвитым существом, но остальные-то что! Хорошо, хоть соседка, которая заглядывала отчитаться о состоянии кошки, услышала мои мольбы и раздобыла сборник рассказов Франца Кафки. Понятия не имею, откуда у фанатеющей по сериалам соседки обнаружилось сие собрание психоделизма — наверно, в кои-то веки решила приобщиться к классической литературе. Подумав, что чем мы хуже, тоже начала читать Кафку, и вот результат: в голову стали забредать неожиданные философские мысли. Целых четыре: «зачем нужна жизнь», «что было раньше — курица или яйцо», «что делать, если случайно превратишься в большо-ого жука-навозника» (а, ну это несложно — держаться подальше от любящих родственников), и, наконец, «как спастись, если тебя вдруг начнут преследовать стучащие шарики». В моей черепной коробке вселенским думам не очень уютно, так что Кафку пришлось отложить.

Сделав небольшой перерыв на пару криминальных газет и свеженькую Устинову, я снова взялась за пресловутую «бондиану». Сижу вот, читаю. Соседки по палате негромко переговариваются на кроватях, периодически подбрасывая вопросы: «А что ты такая мрачная?». На что логично отвечаю: жду, когда Джеймса Бонда начнут пытаться. Я точно знаю, когда и где, потому что перечитываю этот момент всякий раз, когда начинает особенно раздражать его невероятная крутизна, но все же хочется прояснить — почему?

В какой-то момент тактика хаотичной борьбы с крутизной Джеймса Бонда приносит неожиданный результат: я обнаруживаю на форзаценезамеченную ранее дарственную надпись: «Дорогая Катя! Поздравляю тебя с днем рождения! Оставайся всегда такой же красивой, умной...» и т. д. и т. п.

Ага! Теперь все понятно, почему книга осталась у Катки, а не перекочевала к кому-нибудь из знакомых. Дарственная надпись — это не приговор, но презентовать книгу с замазанными (а то и выдранными) страницами как-то... не комильфо. Особенно если ее подписал покойник! Говорят, приличные люди не подписывают книжки «по живому», если они не авторы, а просто вставляют внутрь открыточку, но в наших кругах с открытками никто не заморачивается.

Внимательно изучаю надпись, поворачиваю книженцию и так, и этак... и вдруг понимаю, что этот почерк я уже где-то видела! Вот они, крупные круглые буквы, такой хорошо знакомый наклон, пузатая «в» и тучная «о», а «д» так вообще кривая какая-то, не буква, а загогулька. Конечно, в дарственной надписи нет слова «подсобка»; сама обнаруженная в камерке записка давно сгинула в лапах физика, а ее копии надежно припрятаны в книжном шкафу (учитывая количество детективной литературы, скопившейся там за несколько десятилетий, гипотетическим злоумышленникам придется здорово повозиться), но я так часто разглядывала эту бумажку, что без проблем идентифицирую почерк. Так-так... выходит, что автор записки — Галина? Ну вот ведь... твою дивизию!

Откидываюсь на подушку и стискиваю руками виски. Со стороны это, думаю, выглядит так, будто Марина схватилась руками за голову... а, в принципе, так и есть! Ощущаю кратковременное желание разбежаться и треснуться лбом об стенку. Это же надо быть такой



дурой! Записку писала Галина, она же, наверно, и договаривалась о встрече с тем типом, которого шантажировала. Вот только убийца пришел на «свидание» подготовленным — наверно, достал какой-нибудь медленный яд и... записку, он, наверно, обронил, или Галька сама ее забрала (ага, денег нет, так хоть писульку отдай — один расход от тебя). А я ведь таскалась по школе с этой бумажкой! И не особо скрывалась, неведомый злоумышленник мог легко ее приметить... постойте, а, может быть, это физик? Прекрасно помню, как он изменился в лице, прочитав сей нехитрый текст. Подозрительно, да? Хотя, он, конечно, едва ли сумел за какие-то сорок минут выяснить мой маршрут и нанять двух больших на голову уголовников (в свете новых событий какая-то слишком «книжная» версия Хучика начала казаться довольно логичной). Максимум что-то одно... Да, физик, конечно, гад редкостный, но не настолько!

А кто тогда? Какому маньяку могли насолить две уборщицы, перманентно нетрезвый дворник... и школьник! Я совершенно забыла про этого школьника! Потратила время на бесполезную беготню с запиской, хотя могла бы заняться парнем, которого вышвырнули из окна практически мне на голову. Ну, или, хотя бы еще одним подозрительным трупом, благо выбор у нас, к несчастью, велик — целых три. Глядишь, бы, нарыла чего! Так нет, вместо этого...

— Мари-и-ин....

Хм, хм, меня окликает одна из моих сопалатниц. Зачем, интересно? Ей что-то понадобилось?

— Чего тебе, Даш?

Лениво отрываю голову от подушки и рассеянно изучаю соседку. Ее кровать находится рядом с окном, сейчас она освещается солнцем, и Дашка буквально купается в золотистом свете. Такая прекрасная, чистая и возвышенная... и эта пижама ей очень идет... да и улыбка у девушки просто ангельская.

— Да так, ничего. Сидишь на кровати, качаешься, вцепилась в башку, сейчас все волосы выдернешь, — сопалатница укоризненно качает головой (волосы сияют на солнце словно осенняя паутинка, у меня тут же возникает желание покраситься), — и уши оторвешь.

Негромко фыркая под нос и снова укладываюсь на постель.

— Я только что поняла, какой же была идиоткой! Да ведь за эту неделю...

— Какая была, такая осталась, — бурчат с соседней кровати, — за двумя зайцами погонишься... а дальше сама знаешь.

Дашка снова утыкается в дамский журнальчик. Порой она прекращает читать свой талмуд с анекдотами и покупает в киоске неподалеку какой-нибудь «Космополитен» — говорит, что от долгого смеха у нее пресс болит.

Я тихо вздыхаю:

— Логично. Но зайца не два, а четыре, и три из них сдохли, а я вот... лежу.

Соседка бурчит про меня какую-то гадость — не нравится, видно, красивая аллегория сдохлыми зайцами. А мне вот нравится. Узнать бы еще, кто за ними гоняется, потому, что как ни взгляни — я вроде тоже одна из жертв.

— Дащ, кш! Не мешай! Не видишь, мы думаем... — засовываю Флемминга под подушку (а с Кафкой вот не решусь, мало ли что потом примерещится), ныряю под одеяло и сворачиваюсь клубочком. А теперь спа-ать...

На то, чтобы убедить многочисленных медиков и всего одного, но ужасно упрямого Хучика в том, что мне уже можно покинуть больницу, уходит чуть больше недели (ну да,

знаю, «чуть» — понятие растяжимое). Попрощавшись с последней соседкой (остальные две выписались на пару дней раньше), бодро шлепаю по лужам (ну что за месяц такой, дожди и дожди!) и, прокручивая в голове коварные планы дальнейших действий, добираюсь до дома.

В пустой квартире (о, счастье-то какое, никаких признаков бывшего мужа) встречает любимая кошка — мешает снять обувь, вьется у ног и всем своим видом намекает на то, что несчастному, не известно сколько не кормленному существу не помешает подкрепиться чем-нибудь вкусненьким. Желательно, рыбкой.

Не поддаюсь на провокацию — кошка выглядит чистенькой и упитанной, а в миске обнаруживаются остатки сухого корма. Соседка определенно заботилась о моей животинке, хотя о лотке она позабыла; и о цветах, кстати, тоже. Инспектирую подоконники и обнаруживаю, что две и без того полуживые розы наконец-то отдали концы. Печально, конечно... но я как-то и раньше не сомневалась, что они тут не приживутся. В моей квартире вообще могут жить только кактусы — хотя бы Маркиза их не грызет.

Вволю набродившись по родным хоромам, укладываюсь в постель и нашариваю под кроватью недочитанный с добольничных времен детективчик. Кошка запрыгивает ко мне и, урча, сворачивается клубочком под одеялом. Уютно.

Вскоре мохнатой зверюге надоедает лежать просто так, и она принимается играть с моим боком — коварно подцепляет когтями торчащие медицинские нитки (врачи говорят, что их трогать нельзя, они как-то сами собой переварятся и отвалятся). У-у, гадость! Сгоняю Маркизку на пол. Похоже, что в прошлой жизни зверушка была хирургом.

Угу. Полевым.

Согласна, звучит подозрительно, но в нападении двух идиотов с ножом тоже есть плюсы. Во-первых, я до сих пор на больничном и могу не работать неделю, а, во-вторых, имею возможность посвятить это время расследованию! Хотя бы узнаю, кто убил Гальку — подруга определенно перешла в мир иной не по своей воле. Как сообщает авторитетный источник, она употребила огромное количество какого-то дешевого лекарства не то от сердца, не то от мозга, что «привело к летальному исходу».

Авторитетный источник это наш Хучик. Ума не приложу, для чего он раскрыл тайну следствия — наверно, тут есть какой-то коварный план. В отместку я рассказала менту про записку и назвала место, где спрятан бесценный оригинал. У Хучика были такие глаза! Два блюдца, честное слово. Сама удивляюсь, как он до сих пор меня не прибил, особенно после того, как я красочно пересказала подслушанный в учительской разговор. По счастью, больных уборщиц менты не... а, может, и бьют. Но этот, конкретный... хм, да откуда мне знать? Во всяком случае, Федор Иванович не стал бросаться на вашу покорную слугу с кулаками и просто тихонько вздохнул: «ну где ж вы были после убийства?»

Меня, естественно, начала мучить совесть, и я торжественно поклялась впредь предьявлять все улики сразу после их обнаружения. Федоров Иванович сделал вид, что поверил. Кстати, кусачая совесть вылезает только тогда, когда собеседник негромко вздыхает; при громогласных воплях в мой адрес она сидит очень смиренно. Наверно, боится.

Так вот, сейчас я направляюсь к Галькиному дому. Подруга живет... жила неподалеку от школы, но совсем в другой стороне, так что идти нужно прилично. Мне доводилось бывать у нее дома (как, впрочем, и ей у меня) — впрочем, обычно мы встречались на нейтральной территории. У меня тогда был муж-алкоголик, а у Галины... тоже парочка факторов.

Добредаю до ее дома, попутно размышляя о такой ерунде, которую даже пересказывать стыдно — ну чушь и бред! — захожу в подъезд (натуральный клон нашего, отличается только маркой разбросанных окурков) и поднимаюсь на четвертый этаж. О, тут, кстати, чище — как говорится, редкий бомж долетит до середины Днепра...

Звоню в дверь и некоторое время прислушиваюсь к тяжелым шагам. Бух! Бух! Бух! Они становятся все громче и громче, все ближе и ближе (благо, акустика тут хорошая), и вот, наконец, дверь распахивается и на пороге появляется Она. Основная причина, из-за которой я не люблю ходить к Гальке — ее незабвенная мамаша. В высоту она больше, чем я, в ширину, думаю, тоже... больше, чем я в высоту. Волосы вечно сожжены перекисью водорода, губы намазюканы фиолетовой помадой, голубые глаза подведены (чем бы вы думали?) голубым. При этом Галина мама традиционно одевается в грязно-серое, темно-бурое и коричневое, периодически разбавляя ансамбль фиолетовым и малиновым. В данном случае «грязно» — это метафора, потому, что Василиса Петровна (имя-то какое!) ужасная чистюля. Подозреваю, что убираться Галина начала даже раньше, чем читать и писать.

А потом подросла и стала уборщицей. Очевидно, чтобы навыки не пропали.

— Какого «цензура» приперлась? — дружелюбно интересуется Галькина мама. Да-да, именно это у нас называется «дружелюбно». В ее исполнении это еще не худший вариант.

Раньше дражайшая Василиса считала, что на ее Галечку плохо влияет присутствие подруги-уголовницы: якобы я толкаю ее в пучину порока (да ну, у меня бы точно не вышло

ее куда-нибудь затолкать — хотя бы из-за несоответствия масс). Не думаю, что пожилая мамаша до сих пор так считает. Сейчас она, чего доброго, уверилась в том, что Галина погибла из-за меня. А я едва ли смогу ее разубедить. Разубеждение агрессивно настроенных родственниц бегемота — как-то не мой конек.

— Давай, говори, зачем притащилась, — заметно, что ей не слишком-то нравится мое общество. И это взаимно.

Смущенно переминаюсь с ноги на ногу — не знаю, что и сказать. «Простите, мне нужно пошарить в личных вещах вашей дочери?». Ну, или так: «Галину убили, теперь я должна сделать обыск». Эх, было бы хорошо, но я надеюсь обойтись без жертв — то есть не стать одной из них. Вытягиваю шею и украдкой разглядываю Василису. Ничего такого тяжелого при ней вроде нет, значит, прибить меня не прибьет. Максимум руками разорвет...

Опускаю глаза и бормочу:

— Нам нужно поговорить, — хотя бы в квартиру попасть, а там сориентируюсь по ситуации.

Василиса припечатывает меня мрачным взглядом припухших глазок (ощущаю укол жалости — видимо, женщина долго плакала) и, посторонившись, бухтит:

— Чего на похороны не пришла? Подруга, называется.

— В больнице лежала.

Прохожу в маленькую, чистую — почти стерильную — прихожую, обхожу огромную тумбу, набитую обувью, и, маневрируя между детскими санками (и зачем они ей, маленьких детей у них нет) и грозно тарахтящим холодильником, пробираюсь в зал. Хоромы у Василисы трехкомнатные, но комнаты очень маленькие, куда меньше моей. Они очень светлые и даже уютные, зато коридор до такой степени забит всяческим барахлом, что я удивляюсь, как Галькина мама ухитряется там пролезать. И вот ведь что странно — весь это хлам громоздится там аккуратными стопками (неужто она их по линейке выравнивает?), все чисто, красиво и смотрится очень пристойно. А у меня и вещей не так много, но все равно — перманентный бардак.

— Можешь не разуваться, все равно полы мыть, — бухтит женщина, аккуратно переступая на удивление маленькими ножками (размер тридцать семь/тридцать восемь, не больше).

Как странно. Раньше, насколько мне помнится, ее ножищи казались довольно внушительными. Может, это оптический обман, например, из-за тех бледно-зеленых шлепок? На самой Василисе, кстати, красуется новый болотно-зеленый халат. Она в нем похожа не то на какой-то маленький холмик, не то на очень большую лягушку. Хм, может, по ночам Галькина мама сбрасывает кожу и превращается в красавицу? А что, интересная мысль, к тому же, имя вполне подходит. Вот было бы здорово, если бы вместо противной тетки здесь оказалась фотомодель! Пусть даже и престарелая.

— Давай быстрее, — торопит Василиса Петровна. Не терпится, видимо, выставить.

Приоткрываю рот, чтобы начать фантазировать... и с ужасом понимаю, что в голове не осталось ни одной дельной мысли! Так, плещется бред какой-то, в него и нормальный-то человек не поверит, тем более агрессивно настроенная (и от этого более подозрительная) пожилая женщина. Хм, может, просто рассказать ей правду? Она же мать, женщина... надеюсь, поймет.

— Василиса Петровна, тут такое дело...

Устав стоять, присаживаюсь на старое кресло — за что достаиваюсь возмущенного

взгляда — и начинаю максимально подробно излагать добытую информацию.

Ну как, подробно — кое-где я, конечно, шифруюсь. Едва ли убитая горем Василиса поверит в то, что ее обожаемая дочурка пыталась промышлять шантажом... да и другие острые темы тоже стараюсь обходить. Не помогает ни грамма — не успеваю дойти до второго трупа (а именно, дворника), как Галькина мама ни с того ни с сего повышает голос и начинает ругаться. ««Цензура» алкашка», «тварь долбаная», «уродка безмозглая» и прочее, прочее, далеко не приличное... ну, блин, а меня-то за что? Неужто я ухитрилась ляпнуть что-то не то? Но что?!

— Что, «цензура», не могла сразу «Скорую» вызвать, поперлась куда-то, подруга еще называется! «Цензура» «цензурская» эгоистка!..

Ага, вот оно что! Похоже, что Василиса уверена — причина смерти ее кровинушки кроется в моей нерасторопности.

— Но я ведь... но я...

Чувствую, что краснею (о, это несложно определить — к щекам приливает кровь и кожа будто горит), но все же не оставляю попыток объяснить пожилой женщине, что тем гадским утром Галина уже была мертва как минимум восемь часов (мне это Хучик потом сказал). Так что нам даже не стоило суетиться — подруге уже нельзя было помочь.

Ага, толку ноль. С каждой минутой, с каждым воплем Василиса Петровна заводится все сильнее, на вашу покорную слугу выливается поток нецензурной брани, под конец я записываю идею хоть как-нибудь оправдаться в разряд утопичных и просто сижу, жду, пока пронесет...

И тут звонит телефон.

Мне его Хучик вручил в больнице. Отсутствие у меня телефона он обнаружил еще когда меня ранили — когда задал резонный вопрос «почему бы не вызвать «Скорую» вместо того, чтобы ползать по улицам с ножевым ранением» и получил логичный ответ «его две недели назад пропил бывший муж, и я жду зарплаты, чтобы купить новый». Ну кто же знал, что именно в это время у нас начнутся убийства! В обычное время мне практически никто не звонит, я думала так пока походить. В объяснении, кстати, я указала «городской», он у меня имеется в основном для переговоров с родителями.

В общем, Федор Иванович решил не надеяться на мою зарплату, притащил мне потрепанный телефон с немного битым экраном и сообщил, что если на меня вдруг опять нападут, он хочет узнать об этом из первых уст. Когда я спросила, откуда он взял аппарат, следак ухмыльнулся: «вещдок». Да ну, врет, наверно, или прикалывается, знаю я, как они трясутся над такими вещами. Наверно, свой старый отдал — а, может, и отобрал у кого.

В память телефона забито несколько странных незнакомых номеров («Даня Г.», «Вова Р.», «Лена М.» и «ОНА»), лично я занесла туда Катьку, соседку, директора, ну и, конечно, самого следака. Тот зафиксирован как «аМ». «М» это мент или мопс, «а» я добавила для того, чтобы удобнее было искать. Федор Иванович, кстати, велел брать телефон в любое время дня и ночи, и абсолютно не важно, чем я при этом занимаюсь (нехилая у них там программа защиты свидетелей, да?). Кстати, сейчас потрепанный аппарат издает мерный писк (странно, что я вообще его слышала), а на экране горит пресловутый «аМ». Так... взять, не взять? С одной стороны расположилась красная, гневно орущая, потрясающая кулаками Василиса Петровна. С другой... вдруг у Хучика что-то срочное?

Решившись, выживаю телефон из пакета, нажимаю зеленую кнопку и прижимаю аппарат к уху, машинально отметив, что Галькина мама на какой-то момент прекращает

поносить меня и мою родню (видимо, в шоке от такой наглости).

— Алло!

— Марина? Это Федор Иванович, — ой, а голос-то у него не особенно добрый.

— Да как ты смеешь, ты, дрянь!.. — это уже Галькина мама впадает в истерику. Не нравится, видимо, что я уделяю ей мало внимания, а в последнюю минуту так вообще воспринимаю ее матюки как фоновый шум. Хорошо, хоть руками не трогает: думаю, брезгует. И это не потому, что я такая грязная, просто она повернута на чистоте. Судя по Галькиным рассказам, с нее вполне станется устроить потом тотальную дезинфекцию.

— Марина! Вы дома?..

— Не совсем! Василиса Петровна, успокойтесь! — напрасно я это сказала. Галькина мама заводится еще больше, с отвращением тыкает в меня пальцем (ну вот, опять эту кофту придется стирать, теперь у нее карма плохая) и...

Все смешалось в доме Облонских.

— Правильно, выметайся отсюда, «цензура»!!

— Ай, не трогайте меня, я...

— Марина, вы где?!

— «Цензура»!..

— ...уже ухожу... Федор Ивано...

— Не трогай вешалку, ты!

—..вич, я сей...

— Да что там у вас за вопли?!

— ....час, уже ухожу.

А дальше меня выталкивают на лестничную площадку, Василиса смачно плюет следом (не очень прицельно, наверно, просто продемонстрировать свое отношение — как будто и так не понятно), и я, отдышавшись, получаю возможность поговорить со стражем правопорядка:

— Федор Иванович, простите... уф... была занята.

— Хорошо, — с какой-то странной интонацией произносит следак и спокойно (вот что значит ментовская выдержка!) добавляет, — где вы находитесь?

Цепляюсь за перила и начинаю спускаться вниз. Надеюсь, в обратную сторону это будет не так противно, а то подниматься на четвертый этаж, когда тебя только что выписали из больницы — то еще удовольствие.

— В гостях... вроде того. Правда, сейчас меня уже выгнали.

Угу, вытолкали взашей, и чуть не пинками сопроводили. Причем совершенно незаслуженно! Вообще-то я сделала все, что должна была сделать, и даже чуть больше! А Галькина мама могла хотя бы дослушать историю до конца. Конечно, кидаться на всех подряд куда проще, чем искать настоящего преступника!

— В последние двадцать минут? Сорок? Час?

— Ну... сорок не знаю, но двадцать минут вроде да. Я, конечно, была без часов...

— Кто-нибудь может это подтвердить?

— Может. Только, боюсь, не будет. Вы же слышали ее вопли на заднем фоне.

Следак молчит около минуты (похоже, что в это время он занимается какими-то другими делами), после чего негромко произносит:

— Где именно? Вы мне нужны.

До вашей покорной слуги не сразу доходит, что Хучик действительно обращается ко

мне (мало ли с кем он еще разговаривает), и ему приходится повторить.

— Где вы? Оставайтесь на месте, сейчас за вами приедут.

Называю адрес Галькиной матери, выхожу из подъезда, усаживаюсь на какую-то большую, наполовину вкопанную в землю конструкцию, видимо, заменяющую местным бабулькам скамеечку. Слышу, как Хучик называет кому-то адрес и думаю, что если никогда не видеть его вживую, по голосу можно вообразить какого-нибудь накачанного брутала. И тут такой облом, хе-хе-хе. А вот интересно, зачем ему я? Ой, что-то плохие предчувствия...

Когда во двор наконец заезжают менты, я успеваю вволю налюбоваться окрестностями, пересчитать всех попавшихся кошек (три штуки) и выслушать длинную лекцию про деградацию современной молодежи. Ну, просвещают, конечно, не кошки, а две очень бойкие бабки, присевшие на той же «скамейке», а роль молодежи таинственным образом отходит ко мне. И только я начинаю улавливать суть претензий, как к нам подъезжает болотно-зеленая «Нива» средней степени потрепанности с двумя незнакомыми следаками внутри.

Усаживаюсь в машину, везут куда-то за город, куда конкретно — не говорят (точнее, отделяются ничего не значащими фразами вроде «Федор Иванович расскажет»). Вскоре мне и вовсе становится не до расспросов, потому, что нормальная, асфальтированная дорога заканчивается: появляются жуткого вида колеи и ямы, и наша «Нива» скачет по ним, как сайгак. В итоге мы приезжаем на какую-то старую дачу, где весело суетится толпа мужиков с Хучиком во главе.

Федор Иванович тоже не разбежался отвечать на вопросы. Вместо этого он приветственно щурит сияющие голубые глаза и подводит к зловещего вида автомобилю. Ой-ей... машина высокая, темная и квадратная, и вообще, до ужаса напоминает труповозку. И охрана рядом с ней колоритная — словно из фильма ужасов. Руки — во! ноги — во! а уж физиономии...

Коварный следак заманивает меня в труповозку, подзывает стажера, тот запикивает следом двух каких-то мужиков (похожи на понятых), отчего в машине становится страшно тесно.

— Марина Васильевна, взгляните сюда, — Хучик плавно расстегивает молнию на каком-то зловещем черном мешке. — Это лицо вам знакомо?

Мне почему-то становится холодно, ручки сами собой начинают трястись, а ноги становятся ватными. Пошатываясь, подбираюсь поближе к мешку и... Твою дивизию!

Первая мысль — отпрыгнуть подальше и заорать. Отличная идея! С тихим вскриком отшатываюсь в сторону, налетаю на понятого, с испугу не разобравшись, отскакиваю назад, и, не сумев ни за что зацепиться (не ментов же хватать, в самом деле!), шлепаюсь на пол. Не в мешок, но рядом. А дальше — лишиться сознания! Вот с этим возникают проблемы. Похоже, в последнее время я видела столько трупов, одним больше, одним меньше — нервной системе уже все равно.

А третья мысль, как всегда, самая идиотская: с чего вдруг «это» — «лицо»? У него же и черепа нет, в пакете лежит безголовый скелет!

Хватаюсь за подвернувшегося под руку стажера, поднимаюсь на ноги и дважды чихаю, чтобы скрыть возмущение.

— Марина, вы в норме? — осведомляется Хучик. — Налить валерьянки?

— Да нет, спасибо, я как-то привыкла...

Преодолевая страх, приближаюсь к скелету (ха, в этой тесной машине и приближаться особо некуда, так, сделала один шаг и почти в мешке) и неуверенно говорю:

— Да вроде бы не знаком...

Вот если б на нем сохранились ошметки мяса, я, может, и что-то б сообразила, а тут даже стоматолог не разберется — зубов-то нет. Казалось бы, причем тут противные работники бормашины, но я хорошо помню, что в крутых зарубежных детективах такие вот скелетированные трупы частенько опознают именно по зубным картам...а еще они (в смысле, стоматологи) обожают имитировать самоубийство: засунут в рот пациенту какой-нибудь пистолет, нажмут на курок — и мозги по стене! Ох, и намучался Пуаро же это расследовать...

Ну ладно, вернемся к скелету. Сейчас, как ни странно, он кажется мне знакомым. Казалось бы, кости и кости, но все-таки...

Прищуриваю глаза и вглядываюсь повнимательнее. Знаешь, мужик, я тебя где-то видела.

— Гамлет? Точно, Гамлет. Вылитый он. Хотя скелеты, они же все вылитые...

— Почему Гамлет? — спокойно уточняет Федор Иванович. Чую, что старый лис знал наперед, кому принадлежит этот скелет. Вот только откуда?

— Почему, например, не Йорик? — козыряет интеллектом стажер.

— Ну, Йорик это был череп, а тут у нас целый комплект. Хотя черепа как раз нет, он проходил как вещдок. Лежит сейчас где-то на складе, если не выкинули за ненадобностью.

— В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом вещественные доказа... — влезает было Вадим, но Хучик его обрывает:

— Достаточно. Все на выход, а вы, Марина, пройдемте со мной.

Всей толпой вылезаем из труповозки; мирно шныряющие по округе менты не обращают на нас никакого внимания. Мы с следаком усаживаемся в давешнюю потрепанную — а теперь и забрызганную грязью — «Ниву». Федор Иванович лукаво щурит бледно-голубые глаза и спрашивает о здоровье.

— Простите, какое конкретно: физическое или психическое?

Хучик смахивает с сиденья пару шалушек от семечек:

— Оба.

— Физическое нормально, но после того, как вы показали мне тот скелет, за кражу которого я отсидела нечеловеческое количество лет, психическое здоровье... Уф! Да где вы его нашли?!

Хучик в задумчивости комкает в руке пакетик из-под семечек с тремя дырками с разных сторон:

— А где он вообще должен быть? Куда подевался? Обрисуйте мне ситуацию.

Негромко фыркаю — как будто он не читал ее в моем личном деле! Ну, должна же у следаков быть какая-то база, в которой они узнают, что этот мужчина — опасный рецидивист, а тот пока еще не сидел?

Громко хлопает передняя дверь, на сиденье плюхается стажер. Поворачивается ко мне и задорно сверкает глазами, по кожаной куртке стекают капли воды. Похоже, ему тоже интересно. Ну что ж...

Пересказываю печальную историю с Гамлетом начиная с его воцарения в нашей лаборатории и заканчивая пропажей:

— ... и я бы не сказала, чтобы он был нам так нужен, но в нашем НИИ как раз проходила проверка, и им, кажется, очень хотелось кого-нибудь посадить. А у Гамлета даже инвентаризационный номер был. Так что когда череп нашли в моих личных вещах, на меня быстренько возбудили уголовное дело, — это я сейчас так спокойно рассказываю, в те



времена психовала будь здоров. — Ну а дальше статья, суд, тюрьма и другие радости жизни. А остальной скелет, кстати, так и не нашли. Трясли с меня и трясли, но я-то откуда знаю...

Раздраженно передергиваю плечами. Я вроде бы только что говорила, что отношусь к той истории совершенно спокойно? Кажется, прихвастнула. Уф, ручки-то дрожат и язык заплетается, два слова нормально связать не смогла.

— А что? И где вы его нашли? И мы, вообще, сейчас где?

Хучик коварно так ухмыляется, вертит в руках сигарету, хорошо, что не зажигает. Терпеть не могу запах курева. Зато к виду самих сигарет — никаких претензий.

— Мы находимся на даче Валентина Данилова. Скелет был обнаружен в старом колодце.

— Федор Иванович вообще любит шариться по колодцам, особенно по заброшенным, — потихоньку просвещает меня Вадим. Учítывая, что сидит он далеко не вплотную, шепот выходит не слишком конспиративным.

А я... пропускаю его слова между ушей (в смысле, в одно влетело, в другое вылетело), пытаюсь сообразить, кто же такой этот Данилов. Понимание приходит неожиданно — да это же физик! Значит, эта зараза стащила скелет, отделила башку и подбросила мне. Вот ведь гадюка! Руки сами собой сжимаются в кулаки. У меня всего два вопроса: какого фига ему это понадобилось и, блин, КАК он ухитрился протащить скелет через проходную?! Дергаю ручку, со второй попытки открываю дверь, и, провожаемая сочувственным взглядом стажера и стабильно-беспристрастным — Хучика, вылезаю под дождь. Не такой он, кстати, и сильный — так, упадет по две капли в минуту, не более того.

Стою под дождем, сама плохо понимаю, зачем. Вроде как собираюсь с силами залезть обратно в машину и продолжить разговор, а на деле перебираю известные ругательства, выбирая наиболее полно отражающее физиковскую гнусную сущность.

О, раньше — отдадим должное тупости! — мне и в голову не приходило, что вся эта история была затеяна для того, чтобы способствовать кое-чему карьерному росту. Сначала я думала, что меня это не касается, потом — что все как-нибудь разберется само собой, а оно вот... не разобралось. Интересно, пошел бы физик на это предательство, если бы знал, что рано или поздно мы с ним окажемся в одной школе? С одной лишь разницей... а нет, с двумя или тремя. Он — учитель, я — уборщица, у меня есть судимость, а у него — постоянные муки совести (по крайней мере, должны быть). Стал ли он устраивать все эти манипуляции, если бы знал, что через пару лет наш НИИ развалится, и он вылетит оттуда вместе со своей новой должностью? Хотя кто его знает, может, и стал бы — исключительно из природной вредности, которой у него нехилый запас.

Стоять под мелким, но от того не менее противным дождем удовольствие еще то, так что я снова залезаю в машину, и, воспользовавшись тем, что Хучик опять общается с кем-то по телефону, принимаюсь разглядывать дачу. Мрачное зрелище! Больше всего этот домик похож на обычную деревянную хибарку. Когда-то он был покрашен не то зеленой, не то коричневой краской (а, может, обеими сразу), но теперь она облупилась, и цвет так просто не разобрать. На окнах что-то вроде занавесок, одно разбито. Вокруг домика несколько аккуратных деревьев, в некотором отдалении растет что-то вроде старого бурьяна. Такой обычно вырастает на старых, заброшенных грядках. Сначала там царствуют сорняки — осот в человеческий рост, березка, достигающая корнями если не до ядра земли, то до мантии точно, и прочие приятные вещи, название которых я не помню, потому, что перестала заниматься сельским хозяйством лет двадцать назад. Через несколько лет они куда-то

исчезают, но нормальной травы все еще не растет, вылезает такая непонятная хрень. Не думаю, что наш физик когда-то увлекался садоводством — скорее всего, на рабских плантациях горбатилась мать или жена. Даже, наверное, первое — не думаю, что его сволочную персону способно долго терпеть какое-то существо (а матери-то деваться некуда!).

Хучик прекращает трепаться по телефону, поворачивается ко мне (я вновь угнездилась на заднем сиденье, а мент со стажером сидят на передних).

— Федор Иванович, а где вы обнаружили Гамлета?

Следак, который почти открыл рот, чтобы тоже что-то спросить, лукаво щурится:

— Я же сказал — в колодце.

Немного смущаюсь — вообще-то я хотела узнать, с чего это вдруг его вообще занесло в тот колодец. Ну ладно, спрошу при случае... у стажера. Похоже, он в курсе, откуда у шефа взялось такое странное хобби.

А Хучик тем временем продолжает. Так ладно и складно, как будто читает по протоколу:

— Мы удивились не столько самому факту обнаружения неопознанного обезглавленного тела, сколько тому, что на нем был выгравирован инвентарный номер... Марина, вы можете как-то прокомментировать тот факт, что скелет, за похищение которого вы отбывали наказание, обнаружился на даче Валентина Данилова?

Комментирую:

— Сука.

И это самое мягкое из того, что я хотела сказать!

В глазах следака на мгновение сверкает сталь:

— Как грубо.

И это говорит мент, который, общаясь по телефону, два раза употребил та-акие нецензурные выражения, что мне даже сложно все это вообразить! Ну, в смысле, чего... где... куда...

— Так вот, о чем это я?

— Ммм... думаю, вы хотели сказать, зачем полезли в этот колодец, — неуверенно предлагаю я.

— Не помню, чтобы Федор Иванович что-то такое хотел, — влезает стажер.

— Осматривали место преступления, — туманно сообщает Хучик и, видимо, вспомнив, что так и не сообщил, какого именно, добавляет, — в гражданина Данилова стреляли. Прямо здесь, на его даче, через окно. Пуля задела легкое, он находится в реанимации. Боюсь, что ближайшее время допросить не удастся, да и потом... состояние тяжелое, в общем.

Хучик делает драматическую паузу, давая осмыслить все сказанное (да ладно, на самом деле он просто утыкается в телефон и начинает набирать кому-то там сообщение), стажер вылез из машины и идет под дождем к каким-то другим ментам, а я... отрешенно разглядываю стекло, по которому плавно скользят серебристые капли дождя. Подумать только, коварный физик отправил меня за решетку... и вот теперь он тяжело ранен. Как странно. Если минуту назад я чуть ли не проклинала его, продумывая планы мести, то теперь злость куда-то ушла. А вот интересно — кому еще мог помешать этот тип? Залез куда-нибудь не туда, подставил кого-то не того?

Одна особо крупная капелька медленно стекает по стеклу, увлекая за собой соседние. Сквозь мутную пелену дождя я вижу окно с выбитым стеклом. А пули ведь стекла не

выбивают, от них остаются красивые круглые дырки. Тут же рогатка нужна... А, может, окно доломали раньше... или позднее? Это нужно как-нибудь выяснить.

На физика, кстати, я вроде не злюсь. Ну, почти....

Нет, сволочь он редкостная, но градус негодования явно не тот, который должен быть при мысли о человеке, по чьей милости я получила судимость и сделала карьеру на ниве уборки. Уверена, что все это из-за того, что его подстрелили. Непросто действительно ненавидеть человека, который лежит в больнице и, может быть, скоро помрет. Никогда не была особо религиозной, но сейчас, кажется, поняла одну христианскую заповедь. Если тебя ударили по правой щеке, подставь левую. Не бей супротивника в ответ, не умножай количество зла — Бог сам его накажет. Возможно, лет через двадцать, однако в случае с физиком результат налицо.

Вот тут бы и закончить повествование — а что, патетично и в меру пафосно — но какой там! Федор Иванович поворачивается ко мне — в руках у него что-то вроде блокнота (ума не приложу, откуда он его вытащил, все время же, вроде, сидел на виду) — и негромко, но очень коварно интересуется:

— Чем вы сегодня занимались? Расскажите подробно.

— Ну-у... сначала я дрыхла, почти до обеда, — у Хучика дергается глаз, завидует, видимо. — Встала часов в одиннадцать, посидела с соседкой, у нее кошка рожала, а я помогала, — подумав, уточняю, — соседке. Морально. Сходила в магазин, купила овсянки, потому, что лапшу быстрого приготовления мне теперь есть нельзя, буду кашкой перебиваться. Потом пошла к Галькиной маме, поговорить. Часам к трем дошла, и сидела там, пока за мной не приехали.

— Похоже, что Галина мама вас недолюбливает.

— Ну да...

Опускаю глаза и принимаюсь рассматривать резиновые коврики. «Не любит» — это еще мягко сказано.

— Ну и зачем вы к ней ходили?

— Да так...

— Так вот, Марина, — приторно-ласково улыбается Хучик, — пообещайте мне, что не будете лезть в это дело: ходить, расследовать и вынюхивать. Вы же не Ниро Вульф!

Согласна, на Ниро Вульфа я не тяну, ни в плане мозгов, ни вообще. Да и до Гудвина мне далеко. До патера Брауна, Дональда Лема и пани Хмелевской — тем более.

— Да ладно вам, Федор Иванович! Зачем мне куда-нибудь лезть?

Хучик слегка морщит лоб и окидывает меня подозрительным взглядом. Не верит, вестимо. Рассеянно улыбаюсь в ответ — по Хучику не заметно, а нашего впечатлительного директора от этой улыбки почему-то перекашивает. Но речь не об этом.

Вот Даша Васильева тоже клянется полковнику Дегтяреву, что перестанет совать свой нос в каждое дело. Бывает, что даже по несколько раз.

И сильно ли это ему помогло?

— В него стреляли в упор, — произносит Федор Иванович, поправляя воротник голубой форменной рубашки.

Рубашка очень красивая, сказала бы «под цвет глаз», но, на самом деле, глаза у Хучика гораздо бледнее — какого-то невразумительного блеклого цвета. А рубашка очень даже ничего, я тоже такую хочу. Но мне ничего такого не светит, потому, что в полицию не берут с судимостью.

— Хладнокровно прострелили легкое, — продолжает тем временем Хучик, — забрали телефон и оставили умирать. Данилов лежал во дворе своей дачи и медленно истекал кровью, не имея возможности добраться до помощи.

— Как вы зловеще это сказали, — восхищаюсь я.

Я все также сижу на заднем сиденье ментовской «Нивы» и согреваю руки о фляжку с горячим чаем. Фактически это маленький термос приблизительно на пол-литра, он хорошо держит тепло, так что рукам от него, скорее, прохладно. Ну что ж, по крайней мере, чай вкусный, горячий — но сахара следяки пожалели. В другой раз приду со своим.

— Зловеще! — фыркает мент. — Это могло звучать еще хуже, если бы тело не обнаружили дети с соседней дачи.

— Какие дети? Конец ноября.

— Какие уж есть, — сумрачно поясняет следак. — Сосед отмечал день рожденья и позвал друзей вместе с семьями.

Ага, поняла. Пока взрослые квасили, неугомонные детишки облазили все окрестности и обнаружили недобитого физика. А, может, он сам их обнаружил — услышал их вопли и принялся звать на помощь. Могу представить, как он обрадовался — в это время года дачников очень мало (кому захочется тащиться на дачу, когда на улице так мокро и холодно) так что наш бедный гаденыш вполне мог отбросить копытца и провалиться во дворе до весны. Ну, или до тех пор, пока его не найдут немногочисленные доброжелатели, обеспокоенные отсутствием на рабочем месте. Так что гадкому физику невероятно, несказанно повезло. А, да. От того, что я решила простить его в соответствии с христианской моралью, он не стал менее мерзким.

С одной стороны, хорошо, что этот уродец не сдох — теперь я смогу заглянуть ему в глаза и спросить: «нахрена?!» (а потом и выцарапать их нафиг), а с другой...

Поворачиваюсь к следаку и пытаюсь сформулировать то, что меня беспокоит:

— Федор Иванович, странно все это, — допиваю чай, закрываю фляжку и прикрываю глаза. Аккуратно ощупываю веки, слегка нажимаю на глазные яблоки (твердые, наверно, давление поднялось от стресса), потом, спохватившись, хватаюсь за фляжку. Насколько я помню, крышечку нужно не закрывать, а завинчивать. Уф, черт! Хорошо, чай не разлился.

Возвращаю плотно закрытую фляжку на место и ловлю в зеркале заднего вида насмешливый взгляд стажера. Вот ведь зараза! Принимаю вид оскорбленной невинности. Судя по тому, как изменилась физиономия Вадима, получается так себе. Надеюсь, Хучик не видит.

— Так вот, о чем это я? Странно как-то выходит: физика пытались убить, но он не умер, а чудесным образом спасся. Коварным злым замыслом наступил глобальный облом. А, может, наоборот? Физика ранили потому, что знали, что его спасут?

Хучик быстро поворачивается ко мне:

— Именно, — роняет он с мрачной решительностью, что тут же вызывает желание заткнуться. Решаю сменить тему.

— Откуда вы знаете, что телефон отобрали?

— Вадим обнаружил его в деревянной уборной.

Ну, это еще ни о чем не говорит. Допустим, физик его уронил, а доставать не полез потому, что не захотел. Решил, что пора купить новый, а, может, не стал марать руки. Печально, мне не известно, насколько брезглив этот тип, но, помнится, было время, когда он пытался заставить меня убираться после каждого урока (правда, из этого все равно ничего не вышло).

Разглядев на моем лице всю гамму сомнений, Федор Иванович добавляет:

— На телефоне обнаружены следы крови. Ее принадлежность сейчас устанавливается, и мы склоняемся к тому, что злоумышленник забрал аппарат после выстрела.

— Как жаль, что скотина лежит без сознания.

Хучик многозначительно хмыкает и, не удостоив сию реплику комментариями, вылезает из машины. А мне ведь действительно жаль. Во-первых, интересно узнать, кто ж его все-таки подстрелил (боюсь, что менты подумают на меня), а, во-вторых, хочу задать ему пару вопросов про Гамлета.

Какое-то время я сижу смиренно, сложив ручки на коленях, и созерцаю следака, который стоит под чудовищно мерзким дождем и чего-то там обсуждает со своими помощниками. На меня он эпизодически кидает пламенные взгляды — не то потому, что желает проверить, не затеваю ли я какой-нибудь гадости — не то в силу своей природной подозрительности. Чего это он? Не знаю. Не собираюсь я никуда лезть! Ну правда, не собираюсь. Дойду до этой дачи и просто взгляну, что к чему.

А, может, не стоит его провоцировать?

Какое-то время сижу смиренно, но потом понимаю, что просто обязана посетить место обнаружения физикова телефона. Причем со своими, исключительно коварными целями...

Заметив, что доблестные стражи правопорядка зачем-то собрались вокруг труповозки, осторожно вылезая из машины и отправляюсь на поиски места уединения. Обнаружив искомое, долгое время критически его созерцаю. Старые, подгнившие доски, немного наклонная крыша из зеленого профнастила (интересно, почему он не покрыл такую дачу?) и небольшое окошечко в форме стилизованного петуха. Эстет, блин! Еще бы писающего мальчика вырезал. Рядом с рулоном туалетной бумаги я обнаруживаю стопку аккуратно нарезанных бумажек, исписанных знакомыми формулами, примитивными и, зачастую, неправильными расчетами, кривыми графиками... Разглядываю их повнимательнее. Похоже на разрезанные по листочку тетради с контрольными работами. Судя по датам, прошлогодние. Обычно учителя раздают их обратно, а физик не стал — похоже, запасливый, как хомяк.

Вот как бы исхитриться произвести обыск у него на даче, да так, чтоб менты не заметили? Может, наткнусь на какую-нибудь улику, подсказку, пойму, где копать дальше, раз уж Галькина мама ничего не сказала. Зараза...

Да ладно, чего уж там, будем говорить откровенно — хотя бы сама с собой — отделаться от ментов и спокойно осмотреть злосчастную дачу у меня не получится. Да и едва ли на ней осталось что-нибудь интересное — все, что было, уже у ментов. Печально, но мы не будем впадать в депрессию, а попробуем порассуждать логически. Конечно, мой муж

говорил, что у меня не тот склад ума (он называл его «баба-дура»), но сотни прочитанных детективов не могли не оставить свой след.

Начнем с конца. Кому могла понадобиться смерть гнусного физика? Кроме меня, разумеется... может, гаденыш тоже кого-то предал? Кого-нибудь не такого безобидного? Бандита, маньяка, убийцу?

Потом, собирались ли физика убивать? Возможно, его изначально хотели лишь ранить и вывести из игры...а, может, ввести в нее? Тяжелая рана — отличное алиби. Могу припомнить с десятков криминальных романов, в которых такая вот мнимая жертва успешно водит за нос всех остальных, включая и главного героя. А если героев несколько, водить их становится еще интересней, потому, что вместо того, чтобы объединиться и вычислить гада, они начинают плести интриги друг против друга. Бесценный во всех отношениях детектив Кристи «Десять негрят» как раз об этом и написан. Я, кстати, слышала, что в отдельных странах не рискуют именовать шедевр его подлинным названием и выпускают под убогим «И никого не стало». Вот нахрена так делать? Если так жалко негров, могли бы назвать «десять русских», а не безбожно раскрывать содержание книги.

Десять россиян пошли купаться в море.

Десять россиян резвились на просторе...

Ну и так далее. А еще можно сразу переименовать книгу в «Убийца-дворецкий». То есть там не дворецкий, но я тоже не собираюсь раскрывать содержание.

Так вот, о чем это я? Странные совпадения, которые, может, и вовсе не совпадения. И это не только недоубийство физика, но и еще одно... почти такое же. Напали на женщину, милую, тихую, безобидную и без денег, проткнули ножом и ушли, позволив добраться до помощи и дать показания. Ну я-то понятно, себя не заподозрю, а Хучик? Он просто обязан проверить все версии.

Допустим, что на момент покушения на физика у меня есть алиби (а, может, и нет — узнать бы еще, когда на него напали), но Гальку мог убить кто угодно — подсыпал ей в чай какое-нибудь сильнодействующее лекарство и жди, пока не начнет загибаться. Сейчас я даже и не уверена, что это сделала жертва ее шантажа, хотя всякое может быть.

По поводу дворника тоже не ясно. Хотелось бы выяснить точное время смерти — а Хучик, наверно, не скажет... а, может, и скажет, но точно что-нибудь заподозрит.

И только убийство несчастного школьника мне не пришить. Бедняжку убили первым, но в плане расследования его смерти ни я, ни менты не продвинулись ни на шаг. Хотя... да постойте! Похоже, что раньше всего умер дворник — на следующий день после смерти мальчишки он уже почему-то вонял. Разлагался. Вот только кому мог вообще помешать этот тип и связана ли его смерть с остальными кровавыми происшествиями? Это нужно как-нибудь выяснить.

Немного поломав голову, я возвращаюсь в машину и спокойно сижу там еще минут сорок, пока менты не решают вернуться назад. По настоянию Хучика меня довозят до дома, тем более, что это близко. В отместку приглашаю ментов на чай с печеньками, доблестные стражи правопорядка дружно отказываются, и правильно. Уже потом вспоминаю, что эти печеньки лежат в том шкафу еще со времен моего развода, поэтому закалились, окаменели и превратились в настоящий антиквариат вроде топора времен неолита. Примерно такой же убойности.

Пытаюсь вспомнить, когда я в последний раз видела Петьку, и понимаю, что довольно давно. Большая пауза, очевидно, произошла из-за того, что я лежала в больнице. Стучу по

дереву, чтобы не накаркать новый визит. Такого счастья нам не надо!

Следующий день я посвящаю почившему дворнику: как говорится, вечная память.

Сначала пытаюсь опросить ту тетку в цветастом халате, вместе с которой мы обнаружили труп. Она ничего не знает и знать не желает, ни про дворника, ни вообще. Остальные жители коммуналки тоже не желают делиться со мной никакой информацией. Зато все хором предлагают отправиться к бомжам, с которыми бражничал искомый субъект. Не знаю, всерьез они или нет, но предложение дельное. Павлыч вполне мог поделиться с друзьями своими подозрения или, хотя бы, по пьяной лавочке разболтать то, что поможет мне пролить свет на цепочку смертей. В глубине души я, конечно, подозреваю, что ничего не добьюсь, но попытка не пытка. Кому говорю, «не пытка»! Меня не слишком вдохновляет перспектива общаться с алкашами, но других вариантов вокруг как-то и нет.

После холодного приема в коммуналке я понимаю, что для общения с друзьями Павлыча придется маскироваться «под нормального человека». А то меня, кажется, приняли за тайного агента наших ментов.

Перерываю весь дом в поисках самых рваных и грязных вещей (униформа уборщицы тут не годится) и страшно радуюсь, обнаружив в шкафу скромный косметический набор времен Брежнева. Набор остался от мамы — сама я ничем подобным не пользуюсь, благо привлекательнее все равно не стану (только страшнее).

Внимательно разглядываю добычу: помада выглядит так, что можно декорировать ею зомби, а тушь засохла, наверно, еще в прошлом десятилетии. Зато румяна и тени еще ничего. Обильно украшаю себя голубыми тенями — над глазами и немного вокруг, не менее щедро обмазываюсь румянами. Не помню, куда конкретно их наносить, поэтому распыляю по всей физиономии. Больше всего приходится на щеки и губы (а что, надо же их как-то накрасить). В зеркале отражается страшная рожа не то хронической алкоголички, не то престарелой пуганы. Сильно престарелой. Можно сказать, мечты геронтофила.

С помощью удачно подобранных аксессуаров акцент удастся сместить в «алкоголичкину» сторону, и я, выходя из дома, ловлю на себе брезгливые взгляды всех встречных соседей. Хотя пару раз попадаются и сочувствующие — по-советски бесформенная коричневая юбка, торчащая из-под куртки цвета перележалых слив определенно наводит знакомых на мысли о том, что я превращаюсь в копию бывшего мужа.

Но это еще не все! Фальшиво насвистывая «Февраль» Вивальди (ох, он, наверно, в гробу переворачивается), спускаюсь к магазину бытовой химии. Придирчиво изучаю ассортимент. Тут много отличных вариантов, но я выбираю классику — не стареющий и не особо дорожающий со временем одеколон «Тройной». Выхожу из магазина и обильно душусь этой мерзостью. Похоже, я первая, кто использует данный товар по прямому назначению.

Распространяя удушающие миазмы, я покупаю самую дешевую водку и отправляюсь «на дело». Найти дружбанов почившего дворника не составляет труда — соседи мгновенно «сдают» двух приятелей-алкашей из соседнего подъезда. Один из них очень удачно оказывается в гостях у другого. Правда, на этом везение заканчивается и начинается всякая ерунда.

Начнем с того, что возле дома таинственным образом обнаруживается знакомая машина. Черт... Хучик! Похоже, что наши мысли идут в одном направлении... но я не хочу с ним встречаться! Пытаюсь позорно слинять, не успеваю — пока решаю, в какую сторону



драпать, искомый мент выходит из подъезда и натывается на меня. Вот незадача! Спасаться бегством бессмысленно, мне остается лишь выйти вперед и поприветствовать его широкой улыбкой. При виде нее мент слегка вздрагивает и сбивается с шага. С чего это вдруг? Вроде зубы на месте, я не рискнула закрасить их черным (хотя собиралась). Наверно, его поразил весь облик, целиком.

— Марина?

— Здравствуйте, Федор Иванович!

Следак подходит ко мне и, подозрительно прищутив глаза, вдыхает «божественный» аромат дешевого одеколona. Ну и зачем было подходить? От меня же разит за три метра.

— Что это с вами? Вы пили? Или облились?

Светло-голубые глаза пронзают меня насквозь. Ощущения малоприятные. Пытаюсь не встречаться взглядом с этим излишне пронизательным субъектом, но тут вспоминаю, что именно так ведут себя люди, которым есть, что скрывать. Мгновенно нахожу его глаза — даешь прямой немигающий взгляд — и понимаю, что вот теперь точно повела себя как преступница. Уф!

— Ничего такого, Федор Иванович. Не обращайтесь внимания.

— Да? — скептически хмыкает мент. — Тогда почему вы выглядите так, будто... — жует губами, пытаясь подобрать сравнение, — решили уйти в запой?

Ага! Маскировка работает! Опускаю глазки к земле.

— Ну... просто мне захотелось пообщаться с друзьями... — с чьими конкретно, не уточняю. — Да и вообще... — резко меняю тон с раболепного на несколько возмущенный. — За последний месяц меня проткнули ножом, убили двоих знакомых, третьего ранили, а четвертого сбросили мне на голову! Могу я немного расслабиться?

Мент закатывает глаза и явно проглатывает так и рвущиеся с языка нотации. Определенно он хочет наставить меня на путь истинный. Хах, знал бы еще, в чем именно заключается «расслабление»...

Справа мелькает высокий парень в кожаной куртке — Вадим. Надеюсь, в его присутствии Хучик не станет рассказывать мне о вреде «Тройного» внутренне и наружно. Уверена, мент способен отличить вонь дешевой туалетной воды от неземного абре перегара, и, наверное, понимает, что я пока не пила — но, с другой стороны, он не мог не заметить бутылку в пакете.

— О, Марина.

— Здравсьте, Вадим. До свиданья.

Я виновато пожимая плечами а-ля «хочу поболтать, но опаздываю», обхожу их машину и проскальзываю в подъезд. В двух шагах от двери оборачиваюсь в надежде, что стражи правопорядка уехали... как бы не так! Стоят, сердешные, смотрят мне вслед.

Ну нет, не смотрят, поглядывают так... искоса. Стажер с любопытством, а мент с подозрением. Вот блин! Говорил же внутренний голос, не надо бежать сразу в нужный подъезд, поброди по двору, отведи подозрения! А я...эх... да Шерлок бы за такое...

Ну ладно, черт с ними. Пускай стоят. Не бегут же за мной... ну, пока не бегут. Не стоит давать им повод для подозрений, пойду по своим делам.

Поднимаюсь в подъезд и без особого труда нахожу необходимую дверь. Это просто. Находишь самую загаженную лестничную площадку, выбираешь наиболее обшарпанную дверь, желательно без звонка и... шучу, у меня был их адрес. Но приметы совпали.

Втереться в колдырское доверие тоже не слишком сложно. Для того, чтобы недобомжи

разделили со мной стол и стул, вполне достаточно поставить на первый бутылку и поведать душещипательную историю о том, что я работаю уборщицей в той же школе, где Павлыч вкалывал дворником. Логично? Логично, тем более, это правда. Могу показать трудовой договор... а, стоп, не надо, хроническая алкашка не должна говорить таких слов.

А дальше идет полный бред. Страдаю, я, значит, по факту кончины несчастного дворника, и обсудить это не с кем. Ну а какой был мужик! Не то, что теперь... Терзалась, страдала, хотела ему рассказать, собралась, значит, с силами.... И тут его кто-то убил! Эй, вы не знаете, кто это был? У Павлыча были конфликты? Он проворачивал темные схемы? Тут нужно добавить немного истерики. Любимый ссорился с женщинами? Его пришила моя соперница?!

Чушь? Чушь. Согласна. Я в это бы не поверила. Как можно влюбиться в Павлыча? Тем более, что у гадкого физика это же отчество. Но меня не особо и слушают. Колдыри проникаются доверием в первые десять минут, и дальнейшее наматывание лапши на их серо-бурые уши сопровождается методичным бульканьем и позвякиванием.

При этом я максимально увливаю от попойки — сначала вроде толкаю речь, а потом, когда мужики принимаются обсуждать покойного дворника и поднимать «бокалы» за упокой, подношу одно... кхм, судя по виду, как минимум десятиразовый пластиковый стаканчик к губам, а потом, не желая даже пробовать эту дрянь, по-тихому выливаю водку на юбку. Не на пол же плескать? А так, если что, скажу, что облилась. Рука с перепоя дрогнула или что.

Скоро мужикам надоедает тема дворника и они принимаются обсуждать власть, погоду, своих бывших жен и баб в целом, кошмарный процесс загнивания России и собственную несчастную судьбу — деликатно поддакиваю и осторожно возвращаю разговор в прежнее русло. Сидим мы долго, часа два-три, за это время на меня выливается водопад бесполезной информации. Если извлечь из него жалкие крохи полезной, получается вот что....

Если вкратце, то Павлыч был самым обычным алкашом. Давно, в бытность приличным человеком, он был женат и имел двух детей, потом начал пить. Жена не выдержала и свалила, прихватив с собой потомство, отчего «бедный» мужик запил еще больше. Друзья его покинули, знакомые отвернулись, и только младший брат, какой-то крутой мужик, периодически принимал участие в его никчемной алкоголической жизни: купил эту комнату в коммуналке, устроил в школу и периодически помогал материально. Не рискуя совать колдырю деньги, брат эпизодически набивал холодильник продуктами, которые дворник радостно продавал соседям. Справедливости ради стоит отметить, что он не был таким уж законченным алкашом — запои случались не чаще, чем два раза в месяц, а все остальное время он был нормальным среднестатистическим мужиком. По крайней мере, когда не пил, он ходил на работу... и даже работал! Герой, однозначно, герой...

Серьезно. В отличие от моего Петьки у Павлыча хотя бы была постоянная работа, а не сезонная «шабашка» из-за отсутствия денег на алкоголь. Такой вот он был положительный персонаж.

Никакой другой информации раздобыть не удастся, и я понимаю, что пора уходить. Поднимаюсь с кривой табуреточки и, пошатываясь для правдоподобия, направляюсь к выходу. Однако не тут-то было. Цепкая лапа дышащего перегаром Ваньки хватает меня за бедро и притягивает к себе. Выкручиваюсь из его похотливых ручонок и отскакиваю назад.

Так-так.

Понятно, почему так хитро блестели его маленькие глазки — мужик-то, похоже, все

дождался, пока я не «накушаюсь» настолько, чтобы не сопротивляться его грязным (и вонючим) домогательствам.

Мне хорошо знакомо это состояние. Мой бывший муженек-алкоголик частенько возвращался домой «подшофе» (хотя, в его случае, это скорее «зашофе» или «перешофе»), и вместо того, чтобы завалиться спать, ломился ко мне. В подавляющем большинстве случаев желания не совпадали с возможностями, но иногда мне-таки приходилось терпеть получасовые конвульсии пьяного тела.

Ну ладно, с тем «телом» я была связана узами брака, но с этим-то нет!

Делить с ним постель нет никакого желания, тем более, что ее тут как-то не наблюдается. В крошечной комнате грубый деревянный стол без какого-нибудь намека на скатерть, три табуретки ручной работы (кривые, неровные, с ножками разной длины), старый шкаф с выломанной дверцей (дверца стоит у противоположной стены), заваленная всяким хламом раскладушка и прочее, прочее. Незабываемый пейзаж декорирован разбросанными по полу бутылками из-под дешевых заменителей водки (вот эта, у ножки, похоже, что из-под перцовки — и как они могут такое пить!) и сигаретными окурками. С уборкой мужики явно не заморачиваются... и вряд ли освободят раскладушку. Похоже, согласно их замыслам, я должна отдаваться колдырям по очереди прямо на этом столе. Отличная перспектива! Нет, в принципе, можно и потерпеть... но это не стоит добытых сведений. Так что мужики обойдутся.

Собрав волю в кулак, шлепаю по руке и, максимально правдоподобно скорчив игривую гримасу, заявляю:

— Шалун! — и сразу, без перехода, — там водка еще осталась?

Если начать отбиваться и сопротивляться, они же элементарно навалятся вдвоем, и шанса избежать мерзкой участи не останется. Хотя... да нет, не вдвоем, второй колдырь полулежит на столе и явно пребывает в алкогольной нирване. Но все равно. Я существо хрупкое, маленькое, а этот алкаш большой и мощный (по крайней мере, мощнее меня)

— Водку давай, — несколько раздраженно повторяю я, заметив, что с первого раза до мужика не дошло, и он продолжает совать свои вонючие клешни мне под юбку. Терпеть не могу алкашей! С третьего раза до колдыря наконец доходит. Он убирает руки и, довольно хмыкнув, тянется за бухлом. Получив временную передышку, лихорадочно соображаю, что делать. Хотя суть ясна — валить от этого извращенца! Но как?

Наблюдая, как недобомж разливает свою алкогольную дрянь, пытаюсь придумать что-нибудь дельное. В голове — ни единой мысли, за исключением той, сколько же надо выпить, чтобы прельститься на мою сомнительную красу. Похоже, что мысли разбежались, не выдержав мерзкой смеси из перегара, практически выветрившегося одеколona «Тройной», дешевого алкоголя и такого же дешевого курева (о, кстати, эти гады еще и курят)... ага!

Шумно дергаю носом:

— По-моему, пахнет газом, — главное, чтобы газ не был отключен за неуплату, а то мой план полетит к чертям.

Мужик фокусирует на мне мутный взгляд и начинает принюхиваться:

— «Цензура» пойми...

Еще бы, в такой вонище!

— Зато я чувствую, — на самом деле ни хрена я не чувствую, но алкаш-то об этом не знает. — Сходи, проверь...

Мужик заметно колеблется, потом советское воспитание берет свое. Бухое,

пошатывающееся тело бредет на кухню, а я хватаю сумку и выскальзываю в коридор.

— Горелки закрыт!

Подлетаю к двери. Ч-черт! Закрыта на какую-то дореволюционную конструкцию, которую стыдно назвать замком.

Кричу мужику:

— А ты проверь шланг! — зуб даю, что вместо нормального оборудования у них из плиты торчит обычный резиновый шланг, кое-как прикрученный ржавой проволокой. Мой бывший муж тоже пытался установить у нас такую конструкцию, но я в кое-то веке настояла на своем и вызвала газовщиков.

Срываю с кривого гвоздя свою куртку и дрожащими руками хватаюсь за замок. Меня трясет. Адреналин из ушей, и я слышу, как бухтит второй колдырь, недоумевая, куда вдруг все подевались. Проклятый замок! Когда он его купил, при развале СССР?... а, впрочем, тут тоже есть плюсы — ведь если бы дверь вдруг открылась с первого раза, я бы, наверно, так и удрала без куртки.

— Михалыч, «цензура», шланг отошел, газ фурычит, тебе по «цензура», «цензура» алкаш! Во баба, учуяла, как собака...

Я наконец открываю дверь и нервно хихикаю, прислонившись к косяку. Так, значит, газ все же тек... наверно, не сильно, совсем чуть-чуть, иначе эта наполненная алкогольными парами квартира давно взлетела бы на воздух, но все равно.

Увидев, что колдырь вальяжно выбирается из кухни (куда ему торопиться), сбрасываю с себя оцепенение и выскакиваю из загаженной квартиры. Мужик орет вслед что-то невразумительное и, кажется, бросается в погоню.

А, может, и показалось — по крайней мере, шагов я не слышу. И оборачиваться для проверки как-то не хочется.

Вылетая из подъезда, чуть не сбиваю с ног какую-то бабку, и, не обращая внимания на ее праведный гнев, ныряю в ближайшую подворотню.

Немного побродив кругами и убедившись, что озабоченный алкоголик не хочет меня преследовать, замедляю шаг и направляюсь к школе. Уровень адреналина в крови постепенно понижается, и в голове начинают появляться умные мысли.

Сейчас, например, я ни грамма не сомневаюсь, что смерть Павлыча носит ярко выраженный криминальный характер. Нет, ну... не так выразилась. Понятно, нож в сердце — и так криминал, вот только мне кажется, что мужика убили спокойно, расчетливо и хладнокровно. Его не могли замочить в пьяной драке, потому, что обычно ей предшествует пьянка, а после нее остается страшный бардак. А в комнате Павлыча было относительно чисто, значит, либо его убили не алкаши, либо тот, кто это сделал, провел в помещении генеральную уборку.

Как жаль, что друзья-колдыри не смогли пролить свет на личность убийцы. Единственная полезная информация не про убийство, а про какого-то таинственного младшего брата. Ее скудные крохи не стоили затраченных усилий. Ну ладно, про личность этого типа попытаюсь выяснить подробнее, а пока криминальному экскаватору в моем лице пора копать в другом направлении.

Правда, сейчас у меня нет никакого желания где-то копать — вернусь домой, постираю пропахшую бомжами одежду и дочитаю детектив Рекса Стаута.

Наутро я направляюсь в родную школу в надежде собрать информацию о Денисе Костылеве. Все еще помните, кто это? Несчастный девятиклассник, с чьего хорошо замаскированного под суицид убийства и началась эта безумная история.

Да нет, вру. На самом деле странности случались и раньше. Вот, например, буквально за два часа до убийства зловерный физик с учительницей по литературе зачем-то полезли в нашу каморку. Еще и Донцову критиковали — вот гады. Понятно, что имидж не позволяет Людмиле-Литературе брать в руки ничего, кроме классики, но нам-то, уборщицам, можно и детективчиков.

Еще они что-то искали. Плохо помню их диалог, там вроде фигурировали перчатки — жаль, что тогда я почти не обратила на это внимания. Ну и потом, конечно, все вылетело из головы. Правда, сейчас тем более не до них — нужно срочно проникнуть в школу и раздобыть информацию о погибшем девятикласснике.

Ловлю себя на мысли о том, что начала рассуждать о почти родной школе как о каком-то секретном объекте. Вроде того же Следственного комитета. Как странно, с чего бы вдруг? Вообще-то я тут работаю, так что не надо никуда «проникать», таиться, лезть через черный ход, достаточно просто войти через главную дверь и...

— Мариночка!.. Здравствуйте! Как давно мы не виделись!

Чуть вздрагиваю и поворачиваюсь на звук. Директор. Стоит и коварно улыбается во весь рот. Ой, что-то мне не нравится его тон. Обычно Борис Семенович клекочет как злобный коршун... а тут он косит под милую фею. Как странно. Да и «Мариночкой» он меня в жизни не называл.

Осторожно отступаю назад, подозрительно разглядываю его желтоватую физиономию. Начальство выглядит нездорово. Большой крючковатый нос заострился, мешки под глазами не от хорошей жизни, дешевый коричневый костюм болтается, как на вешалке.

— Здравствуйте, Борис Семенович!

— Здравствуйте! — повторяет директор, после чего из непонятных соображений тащит к себе в кабинет.

Послушно следую за начальством, по пути торможу у большого зеркала и проверяю, не осталось ли на лице следов вчерашней маскировки. А то как-то странно он на меня смотрит.

Заходим в кабинет, директор садится за стол и начинает быстро вращать в сухих крючковатых пальцах неточеный карандаш. Не поняла. То ли он нервничает, то ли решил снять стружку при помощи трения.

Меланхолично разглядываю кабинет, ожидая, когда начальник изволит обратить на меня внимание. Директор угрюмо тербит карандаш. Проходит пара минут, и я уже начинаю прикидывать, как бы поделикатней чихнуть или кашлянуть, как он наконец поднимает глаза и начинает пространную речь про репутацию нашей школы. Не понимаю, куда он клонит, но по спине почему-то бегут мурашки.

Минут через восемь до босса доходит, что я не «въезжаю» в его намеки, и он наконец заявляет открытым текстом:

— У нас тут приличная школа, и нам не нужны проблемы. А вы, дорогая Марина, постоянно влипаете в неприятности. Сначала находите труп, потом еще два, потом на вас покушаются, да еще и полиция постоянно таскает на следственные действия, — у него

почему-то дергается щека.

А я сижу, сложив руки на коленях, и все еще пытаюсь понять, куда он клонит.

— Борис Семенович, я не совсем понимаю, что вы имеете...

Директор решительно откладывает карандаш:

— Марина, мы больше не нуждаемся в ваших услугах.

Вот ничего себе... переход.

Встаю и тоже беру со стола карандаш в надежде, что это поможет слегка успокоиться. Эффект нулевой. Все мышцы становятся ватными, пальцы трясутся, к щекам приливает кровь. Директор бросает на меня подозрительный взгляд и ненавязчиво отодвигается из «зоны поражения». Кладу карандаш на место, Борис Семенович вздыхает с явным облегчением. Продолжать свою речь не спешит — наверное, ждет моей реплики.

Тут я с опозданием понимаю, что надо что-то сказать. Но в голове ни одной приличной мысли... и с неприличными тоже негусто. Так, вертится пара ругательств из лексикона бывшего мужа, но вряд ли директор оценит, когда я скажу «иди вари борщ, за «цензурская» мразь». И все же, чувствую, нужно что-нибудь вякнуть — нельзя же сидеть дрожащим столбом. Ну, или заплакать — устроить ему чисто женский «истерикос».

Но плакать не хочется — видимо, потому, что в моей долгой жизни встречались неприятности пострашнее. Три трупа, опять же... о, кстати!

Сцепляю пальцы в замок, поднимаю глаза и максимально спокойно заявляю:

— У-уборщица портит ре-репут-тацию, а... а... а... трупы н-нет!

На строгом лице директора отражается лицемерное сочувствие:

— Ну, с ними уже ничего не поделать. А с вами... — помедлив, директор начинает психологическую обработку. — Поймите, вам это ничем не грозит. Я дам вам рекомендации. Найдете другую работу, ничего не случится. Уборщицы требуются везде.

Судорожно хватаю ртом воздух:

— Ага, приду, а мне скажут — «нам не нужна сотрудница, которую выгнали из-за убийства».

В глазах директора — вселенское терпение:

— А вы скажите, что испугались и сами ушли. Все равно без работы не останетесь. Вот вам листочек и ручка, пишите «по собственному».

Ну, делать нечего. Или так, или он все равно выгонит «по статье», да еще и напишет чего-нибудь в трудовой книжке. Так меня точно никуда не возьмут. Вот если бы на моем месте была Даша Васильева, она бы сообразила, что делать. Пришла бы, на худой конец, с диктофоном... но мне ведь так далеко до любимой героини, причем не только из-за отсутствия диктофона. Так что хватаю листочек и ручку, царапаю заявление об уходе по собственному желанию. Мысли путаются в голове, руки трясутся. Переписываю заявление трижды, машинально ставлю сегодняшнюю дату... ну вот, опять переписывать. Борис Семенович сказал, что, если я не хочу отрабатывать две недели, то должна указать число до больничного.

Ну вот, все готово. Сую листочек директору, тот аккуратно берет двумя пальцами, отодвигает на вытянутые руки — у него легкая форма дальновзоркости. По мере чтения морщины на лбу слегка разглаживаются, уголки губ чуть-чуть поднимаются — похоже, он думал, что будет сложнее.

Дочитав заявление, Борис Семенович зачем-то открывает ящик стола и протягивает свернутый вдвое тетрадный лист. Недоуменно разворачиваю, вытягиваю розовато-

оранжевые бумажки с большим количеством нулей.

— Берите, берите, — кивает директор. — Это небольшая компенсация за неиспользованный больничный.

Ого! Неслабенькая такая компенсация. Видать, все же совесть замучила. Только не думаю, что это деньги директора. Наверно, взял из какого-то фонда или списал на хозяйственные расходы. Вот только...

— Д-деньги мне не... — пытаюсь сказать это твердо, но получается так себе, — не нужны!

Директор внимательно наклоняет голову:

— Ну почему же? Берите.

— Мне нужны не деньги...

Вру и краснею. Точнее, краснею независимо от вранья — просто еще немного колотит на нервной почве. Все же не каждый день меня увольняют с работы. И деньги, конечно, нужны — надо же как-то дожить до следующей зарплаты. Тем более непонятно, кто будет ее платить.

Только в моих ближайших планах есть вещи и поважнее денег.

— Борис Семенович, мне... мне нужна информация про погибшего девятиклассника... явки, паро... то есть адреса, телефоны родителей... очень важно... ну пожалуйста...

Глаза директора медленно расширяются, челюсть слегка провисает... с другой стороны, «колоться» он явно не собирается. Вот тут бы не помешало демонстративно разрыдаться у него на столе — но плакать по-прежнему не хочется. Ноги у меня ватные, руки трясет, мысли в голове одна другой пессимистичней... но в целом я почти успокоилось. А в данном случае это плохо.

Придется прибегнуть к аутотренингу. Достаточно вспомнить какое-то особенно гадкое воспоминание, и слезы потекут сами собой. Только какое? Вообще-то я не отличаюсь злопамятностью. Плохое можно помнить неделю, две, месяц... но максимум через год от самого скверного воспоминания остается лишь тень. Ты вроде как держишь в памяти что-то печальное, но это уже не заставляет терять равновесие. Нет, ну, конечно, я знаю людей, которые продолжают терзаться годами, десятилетиями, но у них-то случались настоящие трагедии.

А у меня таких трагедий не было, и с драматическими воспоминаниями не сложилось. Над чем прикажите рыдать? Решать надо быстрее, а то Борис Семенович заподозрит неладное.

Впрочем, у меня, кажется, есть... кое-то.

*Сижу за столом, меланхолично разглядываю листок бумаги. Такая желтая, тоненькая. Напротив устроился молодой зеленоглазый следак. В глазах — легкое сочувствие.*

— Марина Васильевна, вы же знаете, столько вам грозит.

*Конечно, знаю. Следак меня три часа просвещал.*

— *И есть вероятность, что вы получите... ненамного ниже максимума. Но если бы вы согласились сотрудничать со следствием: признали вину, сказали, где спрятано похищенное... — он делает многозначительную паузу. — Для вас, что, так важен этот скелет? Неужели это ваш дедушка?*

*Следователь продолжает убеждать. Сижу и разглядываю исцарапанный стол — говорить уже нечего. Тысячу раз объясняла, что я не причем — ну и, конечно, никто не верит. Сначала, конечно, надеялась, что все разрешится само собой, менты найдут*

*настоящего похитителя, отыщут злополучного Гамлета (так мы с коллегами «окрестили» пропавший скелет) ... но с каждым днем все становится только хуже.*

*В последнее время начинаю все чаще задумываться о «сотрудничестве со следствием» — но все упирается в маленькую проблемку.*

*Я просто не знаю, где Гамлет.*

Следак оказался прав — судья определил мне чуть меньше десяти лет. За это время НИИ развалился, немногочисленные друзья отвернулись, а муж превратился в законченного алкоголика. И я не смогла ничего поделывать — и все потому, что оказалась не в силах ответить на один вопрос.

*А где же Гамлет?*

Никто не знает, куда он делся. Иногда я встречаюсь со старыми знакомыми, которые нет-нет да и спросят:

*А где же Гамлет?*

Мне остается только краснеть.

Глаза начинает пощипывать, закрываю лицо руками и тихо всхлипываю.

*Да где же он?!*

— Пожалуйста, Борис Семенович! Мне очень нужно...

Да к черту этот аутотренинг! Дыхание перехватывает, что-то противно сжимается внутри, а слезы текут Ниагарским водопадом. А все из-за этого похищенного скелета! Приличные люди сидели за золото, деньги, наркотики, а я ненавижу этого Гамлета!

Решительно вытираю слезы, решив не позориться. Как говорится, задним умом... А вот фиг там! Текут и текут.

— Бо-борис...С-семенович...

— Марина, успокойтесь.

По голосу слышно — директор поморщился. Похоже, решил не связываться со всякими истеричками. Наверно, у меня очень жалкий вид — сижу и давлюсь слезами, и все из-за какой-то ерунды. Подумаешь, неприятное воспоминание многолетней давности. Просто для меня это как иголка в стоге сена, которая ломает спину верблюду. Как странно устроена человеческая память — я совершенно спокойно вспоминаю и суд, и тюрьму, и страшно эмоциональную встречу со своим теперь уже бывшим мужем в первый день на свободе, а также другие малоприятные вещи. Но почему-то вот этот зеленоглазый следак, пожелтевшая бумага и исцарапанный стол стали символом ужаса, позора и отчаянья. Ну и, конечно же, Гамлет.

Не знаю, кем этот скелет был при жизни, но точно какой-то сволочью.

Это простая мысль почему-то помогает успокоиться: вытираю слезы и мысленно радуюсь, что не крашусь. Сейчас-то, подумаешь, «личико» покраснело и глазки припухли, а губы напоминают вареники, но если б я была в макияже, наверно, легко бы прошла кастинг на главную роль в фильме ужасов — распугав своим видом остальных претендентов.

Ну все, это максимум. Если рыдания не помогут, придется искать другие источники информации.

Медленно восстанавливаю дыхание — изнутри еще прорываются сдавленные всхлипывания. Поднимаю глаза на директора, который сидит за столом и бросает на меня странные взгляды — наверно, так смотрят на психбольных. Хорошо, что за телефоном не тянется.

Кажется, все, операцию с рыдающей Мариной пора сворачивать, а то пока-еще-



любимый директор возьмет и вызовет людей в белых халатах — они-то, наверно, привыкли успокаивать истеричек.

— Простите... я... — встаю со стула, забираю свою «компенсацию» и изображаю виноватую улыбку.

О новой работе можно подумать потом — да и вообще, какая мне разница, в каком здании мыть полы? Сейчас главное это расследование.

Тут вовсе не обязательно заикливаться на директоре. Уверена, в школе достаточно женщин, которые с удовольствием перескажут последние сплетни. К примеру, наш завуч — настолько я помню, она неплохо ко мне относится. Так, значит, дожидаясь большой перемены и напрашиваюсь на чай.

А с адресом и того проще. Контактные данные всех детишек записаны на последней странице классного журнала — схожу да возьму в учительской, делов-то.

Похоже, что в голове у Бориса Семеновича крутятся те же мысли (а, может, его напрягает ярко выраженное озарение на моем лице), потому, что не успеваю я дойти до двери...

— Ну ладно, Марина, не стоит так нервничать. Я расскажу все, что знаю.

Бинго! Директор начинает «колоться».

Негромко, постоянно оглядываясь и повторяя, что идет на нарушение закона, но ведь сам факт! Наверно, решил расстаться «на позитиве», рассказав мне о том, что, в принципе, можно разведать и без него. А, может, совесть замучила.

Приносит откуда-то личное дело покойного Дениса, пространно, но малоинформативно комментирует каждый факт его биографии, дает записать адрес родителей и, сухо сощурив глаза, делится парочкой сплетен из разряда «забавно, да верится слабо». Наиболее ценное — то, с полгода назад в семье Костылевых умерла дочь.

В ответ на мой вопрос Борис Семенович сквозь зубы сообщает, что несчастная восьмиклассница повесилась в школьном туалете. Расширяю глаза, наивно удивляюсь, почему об этом никто не знает — директор недружелюбно отвечает, что это произошло в какой-то элитной школе для суперодаренных детей на другом конце города. Последняя фраза получается особенно сухо и мрачно — не то потому, что директор сочувствует несчастной семье, не то потому, что пытается не позволить себе выказать облегчение оттого, что тот, первый, суицид произошел не в его школе. Напрасно пытается — могу и нафантазировать, воображение хорошее.

Под конец Борис Семенович заявляет, что при последней встрече (еще до убийства) несчастный отец показался ему не особенно адекватным. Точнее, особенно неадекватным. Расшифровывать директор отказывается — косится на дверь, опять заявляя, что нарушает закон.

— Какой?

— Уголовный кодекс.

Допрос окончен, можете расходиться. Прощаюсь с директором, обещаю зайти на днях, расписаться в приказе об увольнении и забрать трудовую книжку, после чего, безработная и довольная, возвращаюсь домой. Казалось, чему тут радоваться, но настроение улучшается с каждым шагом. Как будто у меня вдруг прошел длительный насморк, во время которого я почти забыла, что значит нормально дышать, как будто весь день горбатилась на nive генеральной уборки, а теперь прилегла на диван, как будто сбросила со спины какой-то тяжелый груз. Как странно. Пытаюсь анализировать свое состояние, даже слегка замедляю

шаг — и вдруг осеняет.

Я знаю, где Гамлет!..

Торопливо раскрываю мешок, заменяющий дамскую сумочку (а ведь успешно заменяет — вещи теряются только так). Нашариваю старенький телефон, нажимаю кнопку вызова, долгое время слушаю гудки и наконец...

— Алло, Марина? Что-то случилось?

— Здравствуйте, Федор Иванович! — большинство знакомых начинают с банального «как дела», но я экономлю деньги на телефоне и сразу перехожу к делу. — Вы знаете, где Гамлет?

— Кто?

Похоже, следак на работе. Надеюсь, что я не сильно его отвлекаю.

— Гамлет. Это скелет, которого мы нашли на даче, там еще был номер, и вообще...

— Я понял. Это вещественное доказательство, мы направили его на экспертизу. Мало ли что...

— Понятно.

В его голосе вселенская печаль трех поколений ментов, перемешанная с какой-то жертвенной решимостью. Примерно с такими же чувствами я бегу разменять последнюю сотню, чтобы подать бедной бабушке из подземного перехода.

— Не беспокойтесь, скелет в надежном месте. Он никуда не исчезнет. Если хотите, могу свозить, показать...

— Ой, Федор Иванович... — надеюсь, что он не слышит, какая дурацкая улыбка расплзается на моем лице. — Нет, нет... спасибо...

— Пожалуйста... с вами все в порядке?

Конечно, в порядке! Лучше не бывает.

Теперь. Я. Знаю. Где. Гамлет.

И важно не столько его точное положение в пространстве, сколько то, что он уже никуда не денется и никто не сможет обвинить меня в его краже.

Главное, не озвучить причину радости, а то сочтут ненормальной — а мне только психушки и не хватало.

Так сказать, для комплекта.

— Спасибо, Федор Иванович! Все просто отлично! Спасибо! — щебечу я, а Хучик молчит. Переваривает, видать — или занят. Кто их, следаков, знает. — Ой, я побежала! До встречи!

— Нет, с вами точно все нормально?

Какие все же у нас подозрительные менты!

— Нормально, нормально, спасибо!.. — и отключаюсь. Как здорово!..

Добегаю до дома за пятнадцать минут и... улыбка мгновенно сползает с лица, стоит мне разглядеть небритое, в кое-то веке не дышащее перегаром «тело» бывшего мужа, Петьки.

Петька нарезает круги в районе подъезда. Сухо киваю ему в знак приветствия и торопливо ныряю в подъезд, но эта зараза бросается следом и топчет по лестнице, бормоча:

— Э-э... ну-у... эта...

— Слушай, давай поконкретней?

Бывший муж недовольно супит белесые брови и начинает пространную речь.

Ну... если отбросить эпитеты вроде «путана, в отсутствие мужа удовлетворяющая весь

подъезд независимо от пола и возраста», «тупое ленивое существо», «овечка с кучей заскоков» и т. д. (в его исполнении все короче и нецензурней), то он предлагает начать все заново. Пока мужик формулирует речь, я открываю дверь и напряженно замираю в дверном проеме. По счастью, он не рискует врываться силой — надеется на мирное урегулирование конфликта. Ну и пускай. Перебьется — я как-то не собираюсь бросаться ему на шею.

Минут через восемь, сообразив, что я пропускаю его реплики мимо ушей, Петька начинает гнусить:

— Это ты во всем виновата, если бы ты не села в тюрьму, я стал бы учителем, инженером, приличным человеком, я и пить-то начал из-за тебя, я же люблю тебя, дура, а тебе наплевать, уголовница...

Стал бы он инженером — ну да, конечно. Раньше я этого как-то не замечала, но если начать вспоминать... у мужа уже тогда имелись неплохие алкоголические задатки.

Сначала он выпивал по праздникам, потом начал «заливать за воротник» по выходным, а после того, как я села в тюрьму, получил замечательный повод для того, чтобы бражничать и в рабочие дни. Что и делает до сих пор, не забывая периодически напоминать о том, что превратился в законченного алкаша исключительно из-за меня. И раньше эта фраза прекрасно срабатывала. Но теперь... теперь я закрываю глаза и с удовольствием убеждаюсь, что больше не слышу противного голоса совести.

— Послушай, я... я не виновата, что села в тюрьму. Ты помнишь, кто такой Валентин Данилов?

Петька распахивает глаза, удивленный неожиданным переходом (еще бы, обычно я сразу же замолкала):

— Ну... типа слышал.

— Так вот, я села в тюрьму из-за него. Гадкий физик меня подставил!.. украл скелет, подбросил мне череп и... в общем, скотина.

Перевожу взгляд на бывшего мужа — тот напряженно разглядывает меня и зачем-то шевелит нижней челюстью: туда-сюда, туда-сюда. Я делаю крошечный шаг вперед и оказываюсь совсем рядом — настолько, что ощущаю «аромат» его нечищенных зубов. И это довольно странно — обычно от бывшего мужа воняет перегаром или так называемым «свежаком».

Вглядевшись в его припухшие глазки, шагаю назад и хватаюсь за дверь:

— Это физик меня подставил. Это он во всем виноват! Вот с ним и живи!..

Бывший муж пытается что-то сказать, но я залетаю в квартиру, и, нервно хихикая, поворачиваю замок. Потом прислоняюсь к двери и вполголоса объясняю, что мы с давно развелись, и я не хочу терпеть его у себя. А если он хочет эксплуатировать чье-нибудь чувство вины, пускай направляется к тому, кто действительно виноват.

Петька, конечно, не слушает — орет на меня трехэтажным матом и даже пытается угрожать.

Ну и пускай поорет. Терпеть эти вопли из-за двери намного приятней, чем «наслаждаться» присутствием бывшего мужа, так сказать «во плоти».

Замечено: после сильного стресса во мне просыпается демон, который обожает делать уборку. Причем работает это избирательно — в основном после стресса, вызванного общением с бывшим мужем (когда я нахожу трупы, мыть пол и раскладывать вещи в шкафу по линейке почему-то не хочется).

Вчера меня снова накрыло. Я только спровадила разъяренного бывшего мужа, покормила голодную кошку и прилегла отдохнуть, как в уставшую тушку вселился демон трудолюбивого мазохизма, который заставил схватить мокрую тряпку и надраивать и без того не самую грязную квартиру примерно до часу ночи. Маркизка наблюдала со шкафа с самым скептическим выражением морды, но слезть почему-то не пыталась. Любимая хозяйка ее, очевидно, нервировала.

Закончив с уборкой, я упала на кровать и взяла в руки недочитанного Честертона. Конечно, я знаю рассказы про отца Брауна практически наизусть, но это ничуть не мешает освежать их в памяти часов этак до трех.

С утра развлекаюсь тем, что пытаюсь найти работу (шесть потенциальных работодателей отказывают сразу, еще трое обещают перезвонить), а ближе к пяти развиваю бурную деятельность. Сегодня мне нужно подобраться к родителям погибшего школьника и осторожно так выяснить, не замечали ли они в последнее время ничего подозрительного. Правда, директор тонко намекнул, что они и сами по себе несколько странные, так что могли и не замечать.

Опять же, со слов дорогого директора, Лариса и Ярослав Костылевы едва ли начнут откровенничать с безработной уборщицей. Подозреваю, что ампула престарелой пуганобомжихи здесь тоже не подойдет.

Обдумав возможные варианты, я принимаю решение назваться учительницей. Правда, тут тоже придется маскироваться, потому как в своей нормальной жизни я на учительницу совсем не похожа. Но чего уж не сделаешь ради трупов.

В смысле, ради расследования.

Так что я долго роюсь в шкафу, разгребая горы старого хлама, и выбираю самое строгое платье: удручающе серое и удручающе трикотажное. Распускаю волосы, недолго люблюсь на них в зеркало (надеюсь, на этот раз их мышинный цвет сослужит хорошую службу) и убираю в высокий пучок. После чего извлекаю из закровов немного поношенные, но все еще симпатичные сапоги на устойчивом каблуке и направляюсь в гости к соседке.

Та обливает меня духами с запахом ландышей, и, зафиксировав у стены, чтобы не дергалась, рисует на веках стервозные стрелки.

— Эй, эй, полегче! Не надо так густо! Белки же почти не видны! Уф... Все, спасибо!

Соседка немного подкрашивает меня тенями (а что, красиво и не слишком навязчиво, но каждый день так намазываться — нет, спасибо) и начинает допрос в стиле гестапо.

Куда собралась?

На встречу.

Конкретней.

С мужчиной.

Еще конкретней!

С одним не очень молодым, но привлекательным мужчиной, который пока не проявляет

ко мне интерес, но, надеюсь, начнет проявлять!(Ого, как задвинула! О том, что у Костылева есть жена, предпочитаю временно умолчать).

Соседка жаждет подробностей, я обещаю забавный рассказ на вечер и долго выпрашиваю ее любимое клетчатое пальто. То самое, которое она не носит уже полтора года по причине несоответствия габаритов. Женщина мгновенно преисполняется надежд пристроить в надежные руки свой старый хлам (знаете, классика — выкинуть жалко, а пользоваться стыдно), поэтому большую часть времени я трачу на то, чтобы объяснить дружелюбной соседке, что мне не нужно дарить эту вещь, поношу один день и верну.

Обильно и многословно благодарю соседку за макияж и маникюр (ах да: еще мы красили ногти прозрачным лаком и провоняли всю кухню), после чего возвращаюсь к себе и долго верчусь у зеркала, настраиваясь на новый образ.

Зовите меня официально — «Марина Васильевна», сегодня я буду учительницей. Но я не молоденькая разгильдяйка в короткой юбке, а старомодная дама. Точнее, я динозавр, оставшийся с советских времен. Строгий и чопорный, как английский слуга.

Но я не первая учительница. О нет. Я нелюбимый преподаватель, ведущий непонятный предмет. Я обожаю задавать «на дом» и очень часто вызываю к доске.

Мой ищущий взгляд вызывает у тебя инстинктивную дрожь в коленях.

У меня есть любимчики, но ты никогда не был в их числе.

Я неприятное воспоминание прямиком из детства. Когда я что-то хочу, ты не смеешь мне возразить. А если рискнешь — я нажалуюсь твоей классной.

Другие учителя обходят меня стороной... И я почему-то нравлюсь твоим родителям.

Бр-р-р... Уф! После этого слегка бестолкового аутотренинга самой жутко стало.

На этот раз покидаю дом в одиночестве (нетрезвый дедок из соседнего подъезда не в счет — он все равно в алкогольной нирване). Вот это называется «закон подлости»: когда я кошу под бомжиху, весь двор собирается обсудить это зрелище, а стоит одеться прилично и, образно выражаясь, «ступить на путь исправления», никто даже не высунется. Хотя должны бы, конец рабочего дня...

Господа Костылевы живут в элитной девятиэтажке недалеко от школы. Скорее всего, выбирая учебное заведение для своего сыночка, они руководствовались соображениями транспортной доступности. В принципе, это правильно: зачем мучить ребенка, таская его в элитную гимназию на другой конец города, если по профильным предметам можно нанять репетитора (откровенно говоря, дети богатых родителей не всегда стремятся учиться). Хотя в данном случае они все равно выбрали неудачно...

Погруженная в размышления об извечной проблеме отцов и детей, я захожу в подъезд и вздрагиваю от неожиданности: широкий коридор сужается по принципу песочных часов, самое узкое место перекрыто турникетом, в прозрачной кабине поодаль расположилась тучная немолодая вахтерша. Женщина выгодно отличается от привычных сторожевых бабок внимательным блеском в глазах; но для меня от этого никаких плюсов. Скорее, наоборот.

— Эй, эй! — стучит по стеклу вахтерша. Охранница явно интересуется моей персоной, но очень странно: как будто я какая-то черепашка или рыбешка. Мне кажется, или это явление называется «профессиональная деформация».

Неторопливо приближаюсь к стеклу. Неспешно, с пяточки на носок, цок-цок-цок. Походку я репетировала перед зеркалом и в результате «доцокалась» — соседи снизу выразили свое возмущение ударом по батарее. Бедняги, не привыкли — обычно я перемещаюсь по квартире почти бесшумно.

— Добрый вечер! Мне нужно попасть в восьмую квартиру. Вы не могли бы...

Меня мгновенно перебивают уверенным заявлением, что Ярослав Иванович не принимает всяких там «репортерш». Кхм, кхм. Не думала, что я так похожа на журналистку.

Ну ладно, попробуем еще раз:

— Простите, но я работаю в школе...

— Без разницы! — рывкает тетка. Похоже, она очень любит свою работу — настолько, что собралась защищать все подступы к квартире Костылевых до последней капли крови.

А, может, вахтерша не прочь на кого-нибудь поорать?

Я знаю такой типаж. Мы с Катькой назвали его «трамвайная бабка». Эта коварная пожилая женщина, которая ездит в общественном транспорте и копит в себе негатив, чтобы выплеснуть его на ком-нибудь незащитном. А лучший способ начать скандал в транспорте это, конечно, накинуться на кого-нибудь с требованием уступить место. Я не имею в виду бабуль, которые вежливо просят уступить место — о нет, только ту версию, которая забирается в автобус и начинает освобождать сиденье с наезда. Она никогда не пойдет к взрослому мужику, если можно прогнать молодую девушку или школьника.

Помню, как пару назад ко мне тоже так подгребали. Дело было утром, всю ночь я пахала как лошадь на другом конце города и сейчас возвращалась домой после смены. Устала как три собаки, сижу, почти сплю, и тут появляется бабка. Подходит, швартуется возле меня и начинает бурчать про наглую молодежь. Недоуменно оглядываюсь в поисках «молодежи» — в пределах видимости только пенсионеры пополам с мужиками-вахтовиками. Бурчание набирает обороты, до сонной Марины доходит плохо, и я понимаю претензии лишь тогда, когда бабка переходит к конкретике. Нетрудно догадаться, чью сторону примет автобус, если я вдруг спрошу, почему она выбрала меня, а не, к примеру, того мужика, который расположился правее. Ругаться не хочется; я примирительно улыбаюсь и начинаю вставать... пол резко уходит из-под ног, я падаю на бабку, толкаю тележку с ее помидорами и, кажется, наступаю на ногу. Бабуся шипит и бросается за тележкой, вахтовики орут на водителя что нечего так тормозить, я вежливо извиняюсь и пытаюсь абстрагироваться от нотаций, которые льются как из ведра.

Так вот, о чем это я? Похоже, что эта вахтерша искала кого-то побезобидней — едва ли она рискнула бы разговаривать в таком тоне с супругой местного олигарха. А на меня можно рывкать сколько захочется — я все равно не смогу ей как-нибудь повредить.

Опять же, сама виновата — в общении с теткой я выбрала не тот тон. Не стоит забывать, что сегодня я вроде как властная и уверенная в себе дама, а не простая уборщица с ведром и тряпкой наперевес.

Поэтому я гордо вскидываю голову и заявляю:

— Тогда давайте позвоним Костылеву и спросим у него разрешения.

Мой голос звенит не сталью, он бряцает мягкими металлическими линейками, но это лучше, чем ничего.

Вахтерша проникается настолько, что переходит на «Вы»:

— Я вам что, нанималась... — впрочем, звонить Костылеву она не спешит.

Перебиваю на полуслове. Невежливо — и плевать. Сейчас я решила быть злой — для хороших манер у нас есть русичка.

Хотя на самом деле она еще та змея...

— Вообще-то нанимались. Вам за это и платят. Если что.

Вахтерша широко раскрывает глаза и слегка багровеет. Совсем чуть-чуть (а, может быть,

это отблеск). После чего произносит длинную тираду с ехидно-нравоучительным «так-то» на конце. С ее точки зрения, я должна быть раздавлена. Еще чего! Повторяю ее предпоследнюю реплику с максимально противными интонациями, после чего добавляю немного ехидных фраз. Эта методика называется «Катя-стайл», она способна вывести из себя даже такого спокойного человека, как я.

Вахтерша вступает в дискуссию с пугающим энтузиазмом, но вместо того, чтобы давить меня, как вначале, высокомерием, она почему-то опускается на уровень ниже и гневно рычит (хорошо хоть не матом). Отмахиваюсь от нее короткими пренебрежительными репликами. Почему короткими? Длинную реплику долго придумывать, тем более, что у меня нет опыта ругани. Зато эта «леди», похоже, прирожденный боец...

Тем не менее, она выходит из себя быстрее. У вахтерши есть опыт ругаться, а у меня — выслушивать ругань. Едва ли у нее получится так изощренно поносить собеседника, как у моего бывшего мужа, орать громким басом как Галька или шипеть ехидной змеей как Катя, а злобный и нервный клекот директора вообще вне конкуренции.

Так или иначе, звонить Костылеву противница явно не собирается. Похоже, я снова выбрала не ту тактику. А вот интересно, что все-таки нужно было сказать, чтобы проникнуть к цели без ругани?

В середине «второго раунда» в подъезд заваливается высокий мужик в деловом костюме. Вахтерша едва заметно сбивается с ритма и косится на него. Поворачиваюсь в его сторону и замираю от восхищения. Так вон он какой, Ярослав Костылев!

Мои восхищенные ахи предназначаются не столько отцу покойного школьника, сколько Борису Семеновичу с его неслабым описательным талантом. Ей-богу, я не смогу составить портрет Костылева точнее. С виду он вроде похож на преуспевающего бизнесмена — высокий, с красивой подтянутой физиономией и предательски нависающим над ремнем едва завязавшимся животиком, но это если рассматривать картинку в статике. А если попробовать глянуть в динамике, для бизнесмена он слишком нервный. Не такой вдохновенно-дерганый, как наш директор, а, скорее, слегка неуверенный. Как будто высокая должность свалилась на него неожиданно, и он почему-то уверен, что с кресла его скоро подвинут. И эта неуверенность касается не только работы, но и вообще всего (по крайней мере, с точки зрения директора).

Не знаю, не знаю, за полминуты разглядывания я не успеваю подметить таких деталей, но на меня проходящий мимо Костылев «зыркает» достаточно подозрительно. Поймав его пристальный взгляд, прекращаю изучать украдкой и разворачиваюсь лицом.

— Добрый вечер! Я работаю в школе, где учился ваш сын. Хочу обсудить пару организационных моментов.

Почти дошагавший до вахты господин Костылев небрежно бросает:

— И кем вы работаете?

Борис Семенович прав: его голос звучит как-то более нервно, чем можно ждать от «большого начальника» в деловом костюме.

— Я — физик...

Месье Костылев мгновенно перебивает:

— Между прочим, я хорошо знаком с единственным учителем физики в нашей школе.

Тем не менее, он тормозит в двух шагах от вертящегося турникета и даже слегка поворачивает голову. Видимо, ждет, что я буду врать дальше.

— Я — физик по образованию, а преподаю технологию у девочек.

Едва ли он в курсе, какие сугубо специфические науки изучают наши девочки. Но мне не очень-то нравится его «хорошо знаком»...

Костылев не то чтобы верит, но, видно, решает хотя бы выслушать. Он предлагает зайти в квартиру и нервно дергает головой разъяренной вахтерше, дабы та открыла проход в «святая святых». Отлично! Она — существо подневольное, пропустит, никуда не денется.

Гордо поднимая голову, параллельно придумывая, о чем сообщить Костылеву. Наверно, не стоит врать, расскажу ему правду — похоже, он тоже мечтает найти убийцу своего сына. Какой из родителей не мечтает...

Додумать такую интересную мысль я не успеваю — в подъезде появляется новое действующее лицо. Которое резко распахивает дверь и спотыкается от неожиданности.

— Марина?!

Ну здравствуйте, Хучик! Скажите на милость, чего ему не сидится в квартире в семь часов вечера?! Компьютер сломался, газеты закончились, книжки порвались, и он решил поболтать с одним из свидетелей в неформальной обстановке? Ну ладно, допустим, но фигли он выбрал того же свидетеля, что и я?! Вообще-то мне нравится Федор Иванович, он классный мужик и хороший мент, но почему именно сейчас?!

Зловеще скрежещу зубами, пытаясь придать лицу максимально приветливое выражение. Следак взаимно не впадает в восторг — оглядывает подозрительным взглядом и, видимо, подавив банальное «что вы тут делаете?», медленно произносит:

— Марина, вы странно выглядите...

А я уж настроилась отвечать на десяток различных вопросов, но мент задал именно тот, к которому не готова. Наверно, это талант. Я всплескиваю руками и фантазирую на ходу:

— Понимаете, ну... мне стало так стыдно, когда вы увидели меня в прошлый раз... в таком виде...и... ну...

Поток сознания обрывается в самый неподходящий момент; в голове вертится глупое «решила сделать ребрендинг», но в данном случае эта фраза не подойдет.

А ситуация-то на редкость идиотская. Мент медленно приближается ко мне, угрожающе прищуривая голубые глаза — такие светлые, что кажутся выцветшими — вахтерша закрылась в своем «аквариуме» и смотрит на нас как на героев бразильского сериала, господин Костылев весь как-то сжался, ссутулил плечи и косится на меня с подозрением (мента он, по-видимому, уже знает), и все они явно ждут, чего я такого скажу.

А я тихо мямлю какие-то бестолковые оправдания; минут через пять Хучик тихо звереет, вахтерша, напротив, немного добреет — сквозь маску подзаряжающейся от негативных эмоций скандалистки проступает лицо обычной усталой женщины, а сам господин Костылев... теряет терпение первым.

— Вы ее знаете? — высокий голос звучит неожиданно резко, спина выпрямляется, из глаз исчезает выражение затравленного собаками хищного животного, и Костылев наконец-то становится похож на властного, уверенного в себе бизнесмена. Хотя, если так рассудить, то Хучик похож на бизнесмена еще больше.

Подчеркнуто-спокойный голос сотрудника Следственного комитета расставляет все по своим местам:

— Марина работает уборщицей в той школе, где убили вашего сына, — да, Федор Иванович явно не страдает избытком тактичности. Похоже, его излюбленный метод — ошарашить противника двусмысленными провокационными заявлениями. — Она обнаружила его тело. И несколько других тел... м-да...



Следак буквально пронзает меня подозрительным взглядом, зато господин Костылев неожиданно успокаивается:

— А, ясно. Валентин говорил мне... о ней, — бурчит он себе под нос. Ой, что-то не нравится мне его отстраненный вид. И что за таинственный Валентин? Случайно не физик? Он, помнится, говорил, что они «хорошо знакомы».

Похоже, что Хучика тоже интересуется этот вопрос. Но он решает зайти издалека и снова кивает на меня:

— И что она вам наплела?

Костылев кривится и почему-то засовывает руки в карманы своего дорогого костюма. Надеюсь, что он не носит там пистолет.

— Особо ничего. Она подошла и представилась учительницей трудов. Уборщица, говорите?

— Уборщица, — мрачно кивает мент.

Меня почему-то тянет хихикать. Уж больно потешный у него вид. Нашему маленькому, толстенькому, лысоватому Федору Ивановичу совсем не идет этот тон опереточного злодея. Уж лучше бы он сверкал глазами и тихо ругался, как в тот нехороший день, когда меня ткнули ножом.

— Чего вы улыбаетесь? — уточняет Хучик все там же сократовским голосом.

Не знаю. Если я начну объяснять, что конкретно меня веселит, то мы тут застрянем на полчаса, а мент в конце речи, наверно, обидится. Взглянув в его хрустально-голубые глаза, я неожиданно понимаю, что знаю отличный способ уйти от дурацких вопросов. Тут главное, чтобы новые не посыпались.

— Вообще-то я не уборщица! Уже целых два дня. Борис Семеныч меня уволил.

Раскрываю глаза пошире в ожидании реакции окружающих. И дожидаюсь:

— Она всегда такая странная? — уточняет Костылев.

Ну это уже слишком! Не дожидаясь, пока мент скажет «да», я делаю ручкой им на прощание и, дважды споткнувшись на неудобных каблуках, выскакиваю из подъезда. «Уйти красиво» не получается: в двери застревает кусок пальто. Освобождая «соседкину гордость», я слышу рассказ взъерошенной вахтерши: в ее изложении наше противостояние звучит эпичней «Властелина Колец». Похоже, что мужики увлеклись, что один, что другой; хотя расслабляться не следует — уверена, Федор Иванович не забудет об этой истории. Потрясет Костылева как следует и вспомнит об экс-уборщице.

Ну что за незадача! Коварный Хучик нарисовался как раз в тот момент, когда я почти подобралась к свидетелю. Хотя... если быть откровенной, не знаю, смогла бы я вытащить из Костылева какие-нибудь сведения даже в том случае, если бы он «купился» на байку про «физичку, преданную своему предмету душой и телом, но временно вынужденную преподавать вульгарные труды». Директор прав: какой-то он все-таки странный. Конечно, для человека, который потерял и сына, и дочь, такое поведение вполне объяснимо, только Борис Семенович говорит, что этот тип вызывал у него подозрения и до трагического убийства.

И еще кое-что. Сейчас мне почему-то кажется, что я уже видела Костылева раньше. Когда-то давно, совсем мельком... не знаю.

А, впрочем, стоит ли ломать голову? Вообще-то он должен ходить на родительские собрания — наверно, мы виделись где-нибудь в школе.

На следующий день после неудавшегося визита к Костылеву я собираюсь предпринять беспрецедентную вылазку на дачу нашего физика, чтобы спокойно пошарить в его вещах в отсутствие хозяина и ментов. Уверена, дверь опечатана, но вряд ли доблестные стражи правопорядка решили примерить на себя ремесло плотников и заколотили разбитое окно. Скорее всего, милейший Федор Иванович ограничился тем, что позвонил родным пострадавшего и сказал:

— Этот ваш мерзкий физик...

Нет, вряд ли. Не думаю, что наш Хучик назвал бы физика мерзким, пусть это и правда. Скорее всего, он выразился как-нибудь так:

— Добрый день! Вас беспокоит такой-то!.. Ваш сын/муж/брат/сват Валентин Данилов получил два пулевых ранения и находится в реанимации! Кстати, на его даче разбито окно и...

В таком случае ни один нормальный родственник до разбитого окна не дослушает. А если дослушает, побежит не на дачу, где холодно, мокро и грязно, а в ту же больницу со свежими фруктами. Ну, или к аптечке за валидолом.

Так что если я успешно доеду до той деревушки и доберусь до его хибарки, на месте может быть три варианта:

1. Окно осталось не заколоченным — коварная уборщица с криминальным прошлым пролезает внутрь и устраивает небольшой обыск (не знаю, осталось ли что-нибудь после ментов, но попытка не пытка).

2. Окно заколочено, дверь закрыта, никого нет — печально вздыхаю, произвожу наружный осмотр, обхожу близлежащие дачки в поисках соседей и иду разрабатывать другую версию.

3. На даче уже кто-то есть — если это не Хучик с ментами, напрашиваюсь в гости и пытаюсь разговорить (в противном случае лучше тихонько свалить — чую, влетит мне за детективную деятельность, ой как влетит). Конечно, всегда есть вариант, что там обосновался неизвестный злоумышленник с пистолетом, но с таким же успехом он может подкараулить меня, например, у подъезда.

А если мне все же не повезет наткнуться на злоумышленника с пистолетом, то остается одно...

Продумать, что остается, не успеваю, потому, что звонит телефон. Похоже, что Хучик таки решил устроить мне за вчерашнее. Однако я обещала брать трубку, когда он мне звонит, и стараюсь выполнять это обещание независимо от времени суток и обстановки.

Хватаю телефон и облегченно вздыхаю — не Хучик. На тусклом экране высвечивается «Катя Школа», я мигом жалею, что записала ей свой новый номер и обреченно нажимаю на кнопку:

— Алло!

— Марина, привет, — бормочет подруга. — Как дела?

— Нормально, а у тебя?

Угу, нормально, сейчас ведь зависнет на телефоне на полчаса, пересказывая все сплетни, а потом и допрос устроит в духе гестапо. А ведь до Галькиной гибели, помню, подруга была молчаливой как партизанка.

— Да так, временами... Марин, а ты дома? Я как раз недалеко, хотела подъехать, — смущенно вешает подруга.

Подозреваю, что Катерина опять собирается попросить меня посидеть с ее малолетним сынишкой пока она соблазняет очередного мужика в надежде наконец-то устроить личную жизнь. Похоже, подруга узнала про то, что я сижу без работы, решила, что мне нечем заняться (про расследование она не знает), и рассудила, что для меня не составит труда покараулить ее оболтуса. Тогда поездка на дачу накроется медным тазом.

— Не, Кать, я не дома, — выдает мой язык почти без участия мозга.

— Да? — разочарованно вздыхает подруга. — А где? Мы как раз заезжаем во двор, могу подождать...

Вот интересно, с кем это они «заезжают»? Похоже, что Катька отхватила кавалера с машиной. Хорошо бы взглянуть.

Снимаю куртку, сгибаюсь в два раза и, прячась за мебелью, подбираюсь к окну во двор. Свет я не зажигаю с утра и вообще по большей части сидела на кухне (там, кстати, окна в другую сторону — квартира-то угловая), а на окнах довольно плотная тюль, так что, надеюсь, снаружи меня не видно.

Ну что ж, двор как двор, лица те же. Из нового — паркующаяся у моего подъезда «семерка» неприятного темно-зеленого цвета. М-да. Похоже, что Катька опять подцепила себе не особо солидного кавалера. Ну, раз за рулем, то надеюсь, что не алкаш...

— Чего замолчала, — оживает трубка у уха. Дальше Катька со свойственной ей пронизательностью предполагает, что я выдумываю отмазку.

Но тут она не права — я ее уже выдумала.

— Прости, я сейчас на вокзале, автобус через двадцать минут. Давай в другой раз...

— Когда приедешь? — перебивает Катька. Ой-ой, а голос-то мрачный, наверно, обиделась. Я ощущаю уколы совести, но делать-то нечего, буду врать дальше.

— Наверно, дня через два. Знакомая пригласила...

— Понятно, — бросает Катька, и совершенно другим, каким-то жалобным тоном сообщает, — а я тут тебе работу почти нашла...

— А где?..

— Вообще, я хотела при встрече.

Все ясно. Судя по уровню секретности, подруга собирается предложить мне пойти мыть полы в американскую разведку МИ-6.

— Ой, нет, давай в другой раз...

Мы слезно прощаемся, я обещаю позвонить «как приеду», но Катька сама не знает, останется ли вакансия. Нет, это точно МИ-6, больше некуда, еще и с переездом в Нью-Йорк.

Вообще-то работа это неплохо, но что тогда будет с расследованием? Наверно я все же вернусь к вопросу трудоустройства чуть позже — когда найду всех убийц... кстати, мне почему-то кажется, что их несколько. Не знаю, сумел бы один человек произвести столько трупов.

Зеленая машина покидает наш двор, а я торопливо собираюсь (пока еще кто-нибудь не пришел или не позвонил), и несусь на вокзал.

Удобного транспорта вроде ментовской машины не предвидится, придется обходиться общественным. Автобус приходит с опозданием и плетется как черепаха. Еще в нем ужасно холодно, и я стучу зубами, кутаясь в куртку, пока какая-то горластая баба, огромное ей спасибо, не заставляет водителя включить печку. Потом еще полчаса на автобусе, минут

двадцать пешком по чавкающей под ногами грязи и впереди появляется ряд практически одинаковых дач. Которая из них наша? Похоже, вот эта.

Замок на низенькой калитке не предусмотрен, только щеколда от ветра. Спокойно проникаю во двор (после продолжительного визита стражей правопорядка он не может похвастаться аккуратностью), осторожно обхожу дачку по кругу, чтобы не вломиться туда, если внутри хозяева... и понимаю, что предосторожность была не лишней — в дальнем окне горит свет. Пригнувшись, подбираюсь к окну и прислоняюсь носом к стеклу.

Скептически рассматриваю потрепанный диванчик и рыдающую на нем Людмилу-Литературу.

Хотелось бы знать, чего эта дама забыла на даче у физика? В таком интерьере она совершенно не смотрится.

Можно предположить, что она поливает дачу слезами исключительно из нежных чувств к физику (все знают — между ними что-то есть). Не знаю, не знаю, по-моему, это лучше делать в больнице.

Еще вариант — она подстрелила его сама, а сидит и психует из-за того, что не насмерть. Такие вот крокодилы слезы. Хотя вообще-то Литература еще та крокодилица, не думаю, что она в состоянии впасть в истерику по такому пустяковому поводу. Ну, разве что это слезы раскаяния.

Хотя едва ли. Слишком мелодраматично.

Пока я прикидываю варианты и раздумываю, что делать, Людмила отводит руки от лица и начинает тереть глаза. Ой, ну и жуть! Текущая по щекам косметика — то еще зрелище.

Решившись, стучу в окно. Литература вздрагивает и оглядывается; приветливо машу лапкой и показываю в сторону двери: мол,пусти. Людмила кивает не сразу — какое-то время она с подозрением изучает мою физиономию — но потом все же поднимается с допотопного диванчика и выходит из комнаты.

Оббегаю дачку и подхожу к двери: закрыто изнутри, надо ждать. И вот я жду. Стою, замерзаю, подпрыгиваю, чтобы согреться, и снова жду. В бесплодном ожидании проходит минут пятнадцать, я успеваю окоченеть на ветру и подумать, не стоит ли позвонить Хучику и покаяться. Дважды.

Но вот скрипучая дверь открывается на треть, и на пороге изволит появиться Литература — умытая и накрашенная, как ни в чем не бывало. Все ясно — мадам наводила красоту.

— Что вы тут позабыли? — шипит она.

Высокий ломоносовский слог в действии: вот надо же ей сказать «позабыли» вместо стандартного «Марина, чего притащилась»?

У меня нет никакого желания любезничать с этой леди, когда из-за долгого ожидания зуб на зуб не попадает:

— Давайте зайдем, я замерзла как десять собак! — отодвигаю ее плечом (нужный эффект достигается не за счет моей мускульной силы, а потому, что Литература брезгливо отшатывается), заскакиваю внутрь (ненамного, но все же теплее) и скептически изучаю пол. — Ничего, что я в обуви? Тут очень грязно.

Людмила закатывает аккуратно накрашенные глаза и предлагает сообщить, что мне понадобилось на даче у ее любимого физика. Она, очевидно, не собирается отвечать на мой вопрос и вообще хочет выкинуть меня побыстрее.

Поэтому я решаю начать с провокации:

— Скажите, вы в курсе, что меня посадили в тюрьму из-за физика?

Людмила отводит глаза, и я понимаю — знала! Вот ведь змеища! Она была в курсе, но не только продолжала спать с физиком, но и не гнушалась регулярно тыкать носом в мою судимость. Которая появилась из-за физиковского карьеризма.

По-видимому, эти мысли отражаются у меня на лице, потому, что Людмила определенно вздрагивает. Она что, боится? Меня?

Наверно, она решила, что это я подстрелила козлину Данилова, дабы свершить свою месть, а сейчас решила отправить в больницу его любовницу. Воссоединить их в реанимации и восстановить справедливость.

— Успокойтесь, не нервничайте. Да я сама узнала об этом не так давно, от ментов. Я все еще надеюсь расцарапать гаду морду, но только после того, как он выпишется.

— Тогда зачем вы пришли? — с надрывом вопрошает Людмила.

Обдумав сложившуюся ситуацию, я снова решаю рассказать правду. Надеюсь, что выйдет не так, как с Василисой, и на меня не начнут орать.

— Я пытаюсь найти убийцу того ребенка, Гальки и сторожа, а также того субъекта, кто подстрелил физика и ткнул меня ножом. Поэтому расскажите, пожалуйста, все, что знаете.

— С какой это стати? — неожиданно окрысивается Людмила.

Может, сказать ей, что у меня есть знакомый мент, который непременно заинтересуется, почему она не желает помогать следствию? Могу представить, что он ей скажет... и что он потом скажет мне, припомнив и трюк с переодеванием в бомжиху, и визиты к Костылеву под видом учительницы, и прочее, прочее...

Еще вариант — надавить на жалость. Основной плюс этого метода заключается в том, что потом всегда можно приступить к угрозам, тогда как обратный путь затруднителен. Вот только опять вспоминать про зеленоглазого следака с его «где же Гамлет?» не буду, и не просите.

Я принимаю решение ныть, прислоняюсь спиной к двери и начинаю занудно рассказывать Людмиле про то, как тяжело жить с алкашом, который мало того что бьет меня по поводу и без, да еще и сочетает это с нытьем на тему, что начал пить из-за меня. В качестве доказательства демонстрирую шрам от вилки, но это ее не пробирает. Вообще, этот шрам, кажется, действует исключительно на ментов.

Поэтому я возвращаюсь к началу и начинаю просвещать Людмилу о горькой жизни в тюрьме. Тут я планирую чуток приукрасить, благо, сравнить ей не с чем.

Но тут Людмила приходит в себя и поясняет свое «с какой стати». Оказывается, что она имела в виду не «с какой стати я буду вам что-то рассказывать», а с какой это стати я ищу преступников сама вместо того, чтобы доверить дело профессионалам.

Объясняю, что Галька была моей подругой, а гадкие менты не особо чешутся искать ее убийцу и, похоже, вообще планируют закрыть дело за недоказанностью (Хучик, прости!). Литература понимающе кивает, и я снова прошу рассказать про скелет.

Мы возвращаемся в комнату с включенным светом и усаживаемся на ободранный диванчик с торчащими пружинами (а что, он вполне сочетается с разномастными обоями, кривым письменным столом, гнутой лампой на оном и тусклой «лампочкой Ильича», торчащей из беленого потолка безо всякого абажура), после чего Людмила толкает речь. Точнее, пытается:

— Валь говорил, что вы... вы..

На втором «вы» она запинается и поднимает вверх огромные, подчеркнутые

косметикой нежно-наивные глаза.

— На «ты» тоже можно, — говорю я. — Я на такое не обижаюсь.

И, кстати, что это за «Валь»? Неужели товарищ Данилов? Какая-то женская кличка. Хотя не думаю, что кто-то, кроме меня, будет звать его «мерзкий физик».

— Валь всегда говорил, что ты полнейшая бездарность, — с некоторым облегчением продолжает Людмила. — И что твое место всегда было у... у помойного ведра. С тряпкой. И нужно быть откровенным глупцом, чтобы... чтобы тебя повесить.

Лестно, ничего не скажешь. И образы какие художественные. Метафоры она, наверно, от себя добавляет. Едва ли суровый физик будет всерьез говорить фразами из романов. Ну, я это про «полнейшую бездарность» и «место у ведра».

— ...и мы были в таком шоке, когда узнали, что ты попала в больницу. А Валь ударился в жалость, звонил каждый день, узнавал, как ты там; а потом рассказал, что, может, если бы ты не стала уборщицей, на тебя бы никто не напал. А ведь могла и не стать, если бы он не украл тот скелет и не спрятал череп в твоих вещах...

Ее речь прерывается всхлипом. И ведь не меня ей жалко, заразе, а своего драгоценного физика! И тот тоже хорош, гаденыш, через сколько там лет его совесть замучила?

По-видимому, желание расцарапать ему физиономию и выдергать волосы вплоть до бровей так отражается на моем миролюбивом лице, потому, что Литература нервно вздрагивает и предлагает:

— Давай я схожу на кухню и сделаю чай.

А что, я почти согрелась, но от чего-нибудь горячего (но не горячительного!) не откажусь.

— Я только за.

Я поднимаюсь с дивана, и тут дорогая Литература начинает вести себя странно. Точнее, еще более странно, потому что она и раньше не была образцом логики:

— Да ладно, сидите, — щебечет она. — Там холоднее, а вы замерзли...

И это вроде бы верно, здесь греет воздух электрический обогреватель (я даже куртку сняла), а там ничего подобного, но с какой это стати такая забота?

Решаю не возражать. Дожидаюсь, пока Людмила выскользнет на маленькую кухоньку и щелкнет электрическим чайником (его шум разносится на всю дачу), и, скинув обувь, подкрадываюсь к кухне, чтобы прикинуть глазом к щелочке (как и во многих дачных домах, «сварганенных» из наворованного на стройках или некондиционного материала, дверь неплотно прилегает к косяку).

Обзор, мягко говоря, так себе — по сути, мне видно лишь ножку от табуретки и край стола — но слышимость на уровне. Вот нервные шаги, вот плеск наконец-то вскипевшего чайника, вот металлический шелест (похоже на чайный пакетик)... а это что такое? Такой странный шорох, как будто она рвет бумагу. Улики уничтожает? А это что за странное бульканье? Один, два, три, четыре, пять, и все это перемежается шорохом! Потом металлический звон — стук ложки о чашку!

Похоже, что дорогая Литература изволила подмешать что-то в чай. Причем едва ли себе. Так... шорох... шаги... а теперь надо сваливать, пока меня не заметили.

Тихонечко возвращаюсь назад. Обуться я, видимо, не успею, поэтому просто сажусь на диванчик, поджимаю под себя ноги и укрываю колени курткой. Людмила возвращается минут через пять, к тому времени я успеваю окончательно заскучать и даже подумываю о том, не стоит ли снова надеть обувь. И что она там застряла? Таблетки не растворились?

— Замерзли? — с фальшивым участием интересуется Литература, протягивая мне кружку с дымящимся напитком. — Ничего, сейчас согреетесь.

Опять на «вы»! Похоже, несчастной учительнице неуютно травить человека, которого она называет на «ты».

Принимаю кружку, подношу к губам. Людмила нервно сверлит глазами, приходится отхлебнуть — опасно, конечно (кто знает, что там намешано), только, сдается, в чашке не отравы, а какое-нибудь быстродействующее снотворное (или слабительное). Ну не тянет она на убийцу! С таким красноречивым лицом ее давно бы разоблачили.

После первого и единственного глотка во рту остается слабое, но весьма специфическое лекарственное послевкусие — похоже, пятью таблетками дело не ограничилось. Ну уж спасибо, у меня нет желания травиться чем бы то ни было.

Стоит глотнуть чай, Людмила ощутимо успокаивается, но все же глаза не отводит. Надо как-то отвлечь ее от моей кружки. Послать, что ли, на кухню? Так не пойдет ведь, зараза. Откажется.

А что, если...

— Давайте вернемся к убийствам. Подонку, который не постеснялся подсунуть мне череп от Гамлета, наверное, ничего не стоит выкинуть школьника из окна...

Сработало! Коварная отравительница отводит взгляд от моей посуды и резко, с надрывом заявляет:

— Валь не подонок! Он... он умный и честный, он никогда...

Да-да, разумеется. Умный и честный это и так редкое сочетание, а физик тут вообще пролетает по всем статьям. Но открывать глаза на «прекрасного принца» я не спешу. Заметив, что я не настаиваю на «подонке», Людмила слегка успокаивается и начинает вешать на мои уши свою дешевую китайскую лапшу.

Однажды вечером, начинает она, ее драгоценный физик задержался на рабочем месте едва ли не до девяти вечера. Перед уходом он обнаружил в своем кабинете незамеченного сторожем «зайца». Который, как оказалось, подждал его несколько часов.

Сбиваясь на шепот, Денис Костылев рассказал о том, что его хотят убить, а кроме физика ему обратиться не к кому. Наш Валь, разумеется, не поверил этой байке, прогнал ребенка домой, а на следующий день мальчишку выбросили из окна. Сам физик при этом не присутствовал — пил чай в столовой в компании молодого трудовика, у которого тоже было «окно» (респект новой, еще не освоившейся на своем месте методистке). Его видела куча народу, начиная от дежурных и заканчивая столовским персоналом, поэтому никаких подозрений он не вызвал. Но все равно — ничего приятного.

В общем, он тоже решил разобраться. Как я.

И эти «разборки» тоже привели его на больничную койку. Не знаю, что физик успел нарасследовать — Людмиле он рассказал только то, что подростка убило совершило некое неустановленное лицо, которое провела в школу одна из уборщиц. Кто именно это сделал и что за «лицо» повадилось убивать в нашей школе, Людмила не знала, а физик не сообщил.

Боюсь, что злодея пустила в школу Галина. Сначала она сделала это безо всякой задней мысли (возможно, за небольшую мзду в виде коробки конфет), но потом, обнаружив труп, поняла, что продешевила, и решила стрясти с мерзавца денег. Но тот не горел желанием сажать на шею шантажистку и предпочел один раз раскошелиться на какое-нибудь дешевое сердечное лекарство. Войдя во вкус, маньяк, по-видимому, решил зачистить всех свидетелей, подстрелил несчастного физика, нанял бандитов напасть на меня и даже зачем-то упокоил

несчастливого дворника.

И эта странная смерть явно не вписывается в общую картину, ведь если прикинуть по срокам, выходит, что бедолагу убили как минимум за день до школьника. Вот только зачем? Едва ли убийца настолько заботился о будущем, что начал убирать свидетелей заранее. А, может, это загадочное преступление вообще не связано с остальными?

— Как странно, — говорю я. — А больше он ничего не рассказывал?

Понятно, рассказывал, только Людмила явно не хочет со мной откровенничать. Эх, знать бы еще, где она соврала. Уверена, байка про физика-трудоголика и откровенничающего с ним школьника явная ложь, но что еще?

— Никаких имен он не называл, — качает головой Литература. — А что вы не пьете? Не вкусно?

Ой, точно, там же лекарство, и Людмила ждет не дождется, когда оно подействует! Еще бы узнать, на что конкретно она надеется: что я засну, побегу в туалет или сразу забьюсь в ужасных конвульсиях?

Изображаю на лице глубокую задумчивость:

— Да я вообще спать хочу... наверно, не выспалась, глаза слипаются... а сахара нет?

Йес! На трогательно-хрупком личике учительницы проявляется глубокое удовлетворение. Значит, все же снотворное!

Зеваю в кулак, и Людмила изъявляет желание сходить на кухню за сахаром. Свою кружку и даже сумку ненавязчиво так захватывает с собой — не доверяет.

Убедившись, что шаги смолкли, сливаю за подлокотник дивана треть оставшегося чая... и понимаю, что дело зашло чересчур далеко.

Как бы мне не было интересно, что эта милая, безобидная учительница будет делать, когда я усну, неплохо бы в кое-то веке позаботиться о собственной безопасности. В конце концов, жизнь — это жизнь, а не сплошной увлекательный детектив. Здесь, в реальности, обязательно будет хороший конец, только не факт, что именно для меня. И если сейчас не подсуется, мой хладный труп останется лежать на дырявом диване, а неизвестного убийцу никто не поймает, и он будет грызть шоколадки да нюхать цветочки в лучших традициях фильма «Крестный отец».

Представив указанную картину, я извлекаю из пакета телефон и начинаю набирать смску:

«на даче у физика меня хотят отравить, приезж»

На «айте» слышу шаги и торопливо нажимаю на отправку — надеюсь, что Хучик поймет и примчится с ОМОНОм. Только не сразу, а чуть погодя, потому что мне нужно успеть придумать убедительную отмазку. Но и не слишком поздно, еще не хватало, чтобы Людмила начала действовать.

Вот будет забавно, если окажется, что она не планировала ничего плохого и тоже потихому вызвала доблестную полицию. Хотела бы я посмотреть, что будет, когда здесь столкнутся две команды ментов.

— Вот сахар, еле нашла, — фальшиво растягивает губы появившаяся Людмила, после чего сует мне два жалких кубика рафинада.

Топлю их в остывшем чае и, зевая (то ли первый глоток начал действовать, то ли я просто не выспалась), продолжаю «допрос»:

— Скажите, а как ваш физик отреагировал на мое покушение? В смысле, покушение на меня. Ну, вы поняли.



Вот тут Людмилу, кажется, пробирает. Ее глаза разгораются, и она начинает возмущенно рассказывать, как волновался обо мне бедный физик. Как собирался ко мне в больницу и откровенничал с Хучиком, рассказывая тому, что мне, значит, явно прилетело ножом за то, что я лазаю по школе и что-то разнюхиваю.

Но это еще не все! Как раз после этого случая в физике отчего-то проснулась совесть, мирно дремавшая со времен похищения скелета, и, видно, не выспавшись, принялась пилить его с утроенной силой. При этом он не придумал ничего лучше, чем жаловаться на судьбину любовнице. Которой надоело выслушивать его покаяния еще в первые восемь раз.

Пока Людмила стенает о своем физике, я медленно откидываюсь на спинку дивана, прикрываю глаза и меланхолично «угукаю» как бы сквозь сон. Кружку с остывшим чаем держу в руке, поместив оную на подлокотник. Внизу ковер, и, если присмотреться, можно заметить небольшую лужицу вылитой в сочленения дивана отравы. Ну что ж, надеюсь, Людмила не будет присматриваться.

Рассказ, а, точнее, жалобы усталой и, видно, ревнующей женщины (и ведь нашла кого ревновать! и к кому!), подходят к концу, и я перестаю отзывать даже в самых душещипательных местах.

Наконец наша «миледи Винтер» обрывает рассказ на полуслове и с плохо скрываемой надеждой вопрошает:

— Марина?

А хрен там! Я вздрагиваю, роняю злополучную кружку на ковер, и, чуть помедлив, открываю глаза с таким видом, будто я — Вий, от которого разбежались все слуги с вилами. Переवेशиваюсь через подлокотник, с мрачным удовлетворением изучаю расползающуюся лужу холодного чая и лепечу:

— Ой... чего-то я вообще сегодня не выспалась, прямо сплю на ходу... сейчас уберу...

— Сидите, — прерывает меня Людмила. — Сама уберу.

Она добросовестно нагибается, подбирает кружку, которая не разбилась, а самортизировала о ковер, и с тоской смотрит на лужу. Жидкость частично впиталась в коврик, и если раньше она могла просто вылить отравленный чай в раковину и помыть чашку, то теперь от следов фиг избавишься! Менты, если что, и ковер на анализ возьмут.

Примерно на этой мысли я вспоминаю, что тоже далеко не игрок в покер, и даже такая тургеневская девица, как наша Литература, способна заметить легкое злорадство. Поэтому я закрываю глаза от греха подальше, сползаю обратно на драный диванчик и опускаю голову на подлокотник. Хоть кто-то за меня что-нибудь уберет...

Людмила приносит из кухни сальную тряпку и без особо энтузиазма размазывает по полу отравленную лужицу. Пару минут люблюсь на это действие сквозь полуприкрытые веки, а потом, убедившись, что она все равно не избавится от остатков, впитавшихся в ковер пока не зальет все вокруг моющим средством или не выстрижет нехилый кусок ножницами.

Ну ладно злорадствовать, а то Людмила увидит, как я подглядываю, и придумает что-нибудь более убойное.

Прикрыв глаза, я сворачиваюсь клубочком на злополучном диванчике и начинаю ровно, медленно дышать. То есть я дышала и раньше (а как же, уборщицы это не зомби), но сейчас активно пытаюсь косить под спящую. Желательно так, чтобы при этом все-таки не заснуть.

С первым пунктом все получается, но со вторым — не очень. Я незаметно погружаюсь в легкую полудрему, из которой вырывает неожиданно-пронзительный голос Литературы:

— Вы спите?

Невероятным усилием воли мне удастся не шевельнуться. Тогда проклятая физикова любовница протягивает свою ухоженную лапку и встряхивает меня за плечо. Только не шевелиться!

Убедившись, что я сплю как сурок, криминальная учительница отходит и, судя по звукам, брезгливо вытирает руки о диван. Зараза! Вообще-то моя одежда гораздо чище указанного дивана.

Чуть-чуть приоткрыть глаза я тоже не рискую и продолжаю лежать, напряженно вслушиваясь в тишину, едва разбавленную мягкими шагами, страдательскими вздохами... а вот теперь и длинными гудками — Людмила явно решила похвастаться своими успехами. Но делает это как-то односложно.

— Да, да, — нервно роняет она, — да, наконец-то, спит как сурок...

Надо же, какие у нас одинаковые ассоциации.

—..нет, нет, да, — продолжает Людмила, и с каждым словом ее истерика набирает обороты. Может, ей стоит попить пустырник? Еще пять минут в таком духе, и она швырнет телефон в стену и зарыдает. — Да! Нет!! И что теперь делать?.. Да? Ну ладно...

Истеричные повизгивания Литературы становятся тише — похоже, она снова удаляется в сторону кухни. Я сворачиваюсь на диване и пытаюсь прикинуть, с кем же она разговаривала, и этот во всех отношениях подозрительный собеседник мог насоветовать ей насчет меня.

Возможно, что ее незаконными действиями руководит недобитый физик — а если это кто-то другой? Надеюсь, ей не придет в голову вооружиться топориком и повторить на мне подвиг Раскольников.

Лежу.

Валяться на продавленном физиком и политом чаем диване не слишком удобно, но меня все равно тянет спать. Дело, наверно, в том, что я еще не совсем отошла от своего чудесного больничного — а, может, просто не выспалась. Ну, или это снотворное — хотелось бы знать, сколько таблеток транквилизаторов милейшая Литература утопила в моей чашке. Сначала я насчитала пять, но ведь она могла и добавить.

С тех пор, как истерикующая Людмила выскочила из комнаты, прошло, наверно, минут сорок. Интересно, что она делает: точит ножи, готовит веревки, строит коварные планы, созванивается с сообщником... а, может быть, ушла из дома и убегает в неизвестном направлении? Вполне возможно — слишком уж тихо. От скуки начинаю продумывать перспективу слезть с дивана и сходить на разведку — по всем расчетам выходит, что лучше не рисковать.

Стоп! А это что за звук? Снаружи доносится какой-то приглушенный скрежет, и я принимаю решение затаиться и прикинуться ветошью — похоже, на физикову дачу прибыли очередные незваные гости. Надеюсь, что это менты во главе с прочитавшим мое сообщение Хучиком, а не какие-нибудь бандиты, мечтающие избавить Литературу от непрошенных посетителей.

Неясные звуки сменяются глухими ударами. Все ясно — с той стороны менты либо конкуренты; сообщники нашей и без того задержанной Людмилы стучали бы деликатнее.

Прислушавшись, различаю цокот каблучков — коварная отравительница явно заинтересовалась очередными гостями и мчится к двери. Напрасная трата усилий — все равно выломают. Окажись я на месте Литературы, осталась бы на кухне, хлебнула чайку или хряпнула бы пустырника. Хотя... наверно, нет, если бы мне удалось поменяться местами с этой манерной мадам, вся эта история закончилась бы гораздо быстрее — я просто не смогла бы вытерпеть физика больше трех дней. А он бы терпел меня и того меньше — этот чистюля страшно не любит кошек.

Невнятный поток моих слегка запинаящихся мыслей прерывает новая порция шума: удары, потом резкий треск, какие-то вопли, звон...

Торопливо прикрываю глаза, сворачиваюсь в позе эмбриончика и усиленно притворяюсь спящей, хотя при таком звуковом сопровождении спать может только несвежий труп.

Непонятные звуки превращаются в нервные шаги, и низкий голос резко произносит:

— Марина?! Вы в порядке?! — впрочем, особой надежды в этом «в порядке» не слышится. Судя по голосу, Хучик морально готов выносить мой труп, предварительно попинав его за детективную деятельность.

Открываю глаза, успокаивающе подмигиваю ошарашенному менту, элегантно поднимаюсь с дивана... где-то на полпути обнаруживаю, что тело противно затекло и отчего-то дрожит, теряю координацию и кулем падаю на пол.

Хучик хватает меня за шкирку и рывком ставит на ноги, не забывая придерживать за одежду — наверняка беспокоится, что свалюсь. Его явно распирает от эмоций, даже глаза потемнели и кажутся не такими тусклыми. Похоже, следак вот-вот сорвется на крик —

возможно, с раздачей поздравительных пинков.

— С вами точно все хорошо? — неожиданно по-деловому уточняет мент. — Стоите? Вот так. Хорошо. Не шатайтесь. Вы же не пили?..

Спешу его успокоить:

— Только чай, два глотка. Понимаете, если бы я вообще не пила, Людмила могла заподозрить неладное. Но я не думаю, что там было что-то опасное — наверное, какое-нибудь безобидное снотворное. Если хотите, возьмите пробу с этого ковра. Вообще-то она елозила там тряпкой, но ведь какие-то микрочастицы должны...

До «микрочастиц» бедный измотанный Хучик еще выдерживает, потом же явственно белеет и тычет пальцем в диван:

— Рассказывайте!

Кому это он? Наверно, все-таки мне — не думаю, что он настолько задержался, что начал разговаривать с предметами мебели.

— Вы знаете, мы с Людмилой никогда не были в дружеских отношениях и я, естественно, насторожилась, когда она ни с того ни с сего предложила налить горячего чаю — причем с такой коварной физиономией, что прям Борджиа отдыхают. Я заподозрила, что дело нечисто, согласилась для виду, а сама сняла тапки и направилась за этой выдрой. Она долго колдовала над чашкой и...

— Как вы поняли, что вас хотят отравить? — резко уточняет Хучик, засовывая руку в карман куртки (наверняка диктофон включает). Его физиономия явно не светится вселенским терпением, поэтому делаю над собой усилие и объясняю максимально понятно:

— Смотрите сами: Людмила по жизни меня недолюбливает — похоже, ревнует к своему драгоценному физику (тоже мне принц!). Сегодня я заявляюсь без приглашения и с порога начинаю задавать неудобные вопросы. Она то грубит, то отмалчивается, то вдруг решает угостить меня чашечкой чаю. Не нужно быть Иоанной Хмелевской, чтобы заподозрить неладное.

— То есть вы сняли обувь и босиком прокрались по коридору? — уточняет Хучик. Подозреваю, что он собирается искать мои следы в ультрафиолетовых лучах (читала, криминалисты постоянно так делают).

— Почему босиком? В носках.

Торопливо вспоминаю, какие на мне носки. Нашарив в памяти, что с утра были чистые и без дырок, слегка успокаиваюсь и демонстрирую ступни дотошному менту. Напрасно! Полы в доме физика не могут похвастаться стерильностью, но дело даже не в грязи, а в том, что носочки оказываются из разных пар: один голубой, а другой — сиреневый. Ой, блин...

Суровый Федор Иванович скептически изучает указанное цветное многообразие и, чуть дергая глазом, уточняет голосом доброго санитаря из психбольницы:

— Вы всегда надеваете разные носки, когда собираетесь к кому-то на дачу?

— Нет, но... так получилось. Вообще-то я люблю носки позитивных цветов...

Растерянно замолкаю под его взглядом. На самом деле «коктейль» из цветастых носков храниться в моем гардеробе со времен замужества. Зловредному алкоголику я всегда покупала черные, серые или коричневые, себе же — поярче, чтобы не путались. А то поначалу он вечно ходил в моих, а я нацепляла его. Не знаю, кого это раздражало больше... Так или иначе, теперь в моем скромном жилище не осталось ни одного черного, серого ли коричневого носка, и даже синие, насколько я помню, уехали вместе с Петькой. За годы совместной жизни их, кстати, накопилось прилично — и, зная предпринимательскую жилку

неисправимого алканавта, могу поспорить на томик Донцовой, что он обязательно попытается (а, может, уже попытался) кому-нибудь их продать. А что, это деньги, которые тоже можно пропить.

Хотелось бы мне взглянуть на «счастливого покупателя»...

Конечно, я не спешу рассказывать обо всем Хучику (должны же у нас остаться какие-то семейные тайны), а просто втираю менту, что цветные носки привносят в мою унылую серую жизнь небольшой позитив, после чего продолжаю рассказывать трогательную историю про отравленный чай.

С каждый сказанным мною словом следак чуть грустнее, а, учитывая, что он и вначале не представлял собой образец оптимизма, все идет к тому, что к концу рассказа он превратится в злобного огнедышащего Пьеро.

Но только я добираюсь до эпизода с смс-кой, в комнатку заваливается мент помоложе и деловито уточняет, что делать с ножом. Хучик смотрит на него, как на идиота, и посылает завернуть как вещдок.

Едва дожидаясь, когда он уйдет:

— Какой-такой нож?!

И тут следак впервые за всю беседу изволил улыбнуться:

— А, вы же не знаете, — медленно произносит он, демонстрируя весь набор крокодильих зубов. — Вашу Людмилу только что задержали... — драматическая пауза, — с ножом в одной руке и топором в другой.

— Топором?! — кажется, я немного бледнею. Страшно представить, что она собиралась делать с этим комплектом.

С минуту коварный следак наслаждается произведенным эффектом, потом милостиво произносит:

— Это шутка. В другой руке был моток, точнее, клубок запутанного шпагата. Кстати, мы могли не спешить: по самым скромным подсчетам, распутывание этой веревки заняло бы у вашей подруги не меньше часа.

Насладившись моей реакцией на это сомнительное утешение, следак ощутимо веселеет и предлагает начать сначала. Послушно пересказываю события, случившиеся с самого утра... пока вдруг не понимаю, что дело нечисто! Коварный Хучик явно задумал какую-то гадость, иначе зачем он так благодушно кивает, едва-едва сузив глаза, и даже ни разу не вспоминает про тот злополучный визит к Костылевым?

Дурное предчувствие меня не обманывает — дослушав до конца, следак задает всего лишь с десяток вопросов и, даже не составляя протокол, волочет меня к их криминальному медику. Угадайте, зачем? Делать промывание желудка! Наверняка это месть за потраченные ментовские нервы, потому, что объективных причин для такой процедуры я не вижу. Подумаешь, выпила два глотка дешевого чая, щедро приправленного снотворным!

Пока я лихорадочно вспоминаю дату принятия конвенции против пыток, Федор Иванович заявляет, что сегодня я плохо выгляжу (!), паршиво соображаю (!!), а он заботиться о моем здоровье (!!!), поэтому вынужден отдать в загребущие лапы медику, который все равно скучает без дела.

Медик встречает меня с нездоровым энтузиазмом. Приходится покориться. Вот только не сомневаюсь, что если бы моей жизни действительно что-нибудь угрожало, следак бы сразу отправил к врачам. Уверена, это месть!..

Описывать гадкую процедуру не буду. Кому уже делали, знают, что это за мерзость, а те,

кто не сталкивался, пусть остаются в счастливом неведении. Кто говорит, что для этого обязательно нужно ехать в больницу на «Скорой помощи», спешу вас разочаровать — скорая ментовская помощь от Хучика лишена подобных ограничений.

Сам Хучик при этом не присутствует, но рядом крутится стажер и развлекает меня рассказами о Людмиле-Литературе.

— Она говорит, что не хотела травить вас снотворным, а собиралась лишь обезвредить до приезда полиции, — рассказывает Вадим, пока я пью воду из пластикового стаканчика. — Потому, что вы маньячка и шантажистка.

Я возмущенно булькаю в стаканчик:

— И чем я должна была ее шантажировать?

— А мы не знаем, она не сказала, — небрежно произносит Вадим. — Неужели дя... Федор Иванович вас не спрашивал?

Вообще-то спрашивал, но что мне сказать? Все, что я знаю, и без того известно всей школе. Ну, разве что...

Собственно, после того, как я сообщила менту, что наша утонченная леди снимает стресс, нацарапывая на партах ругательства (сначала я, кстати, думала на русичку), он и потащил меня на промывание желудка.

После промывания желудка я дрожу и зеленею, как зомби недельной давности, так что жалостливый Вадим отводит меня обратно в дом и наливает кофе из термоса.

Я не совсем уверена, что после таких процедур можно пить кофе, но отказаться от любимого «3 в 1» выше моих сил — тем более что стажер уже нацедил напиток в одноразовый стаканчик. В прошлый раз, помню, мне наливали чай в крышку от термоса — похоже, дело идет к тому, что менты просто заведут для меня отдельную кружку и будут всюду таскать ее с собой.

Глотая кофе на злосчастном диване, я жду, когда менты закончат свои дела, и постепенно отогреваюсь. Когда они запирают дачу и рассаживаются по машинам, я согреваюсь настолько, что вновь понимаю — жизнь прекрасна и удивительна.

Причем удивительна куда больше — меня почему-то сажают в одну машину с Людмилой-Литературой. За руль усаживается Хучик, на заднем сиденье размещается Вадим вместе с нашей мадам Борджиа, а мне достается сиденье рядом с водителем — что вовсе не мешает Людмиле всю дорогу прожигать меня взглядом. Сквозь спинку сиденья, наверно, не очень удобно, однако она справляется.

За окном опять начинается дождь, но Хучикова «Нива» уверенно форсирует кочки и скачет по лужам в туче брызг. Другие ментовские машины — всего их три — предусмотрительно держат дистанцию. Асфальт неожиданно заканчивается, потом не менее неожиданно начинается, и, еще чуть-чуть попетляв, мы наконец-то высккиваем на приличную дорогу.

Насколько я помню, нас ждет еще полчаса пути по трассе, и еще столько же по городу. Но это в том случае, если менты отвезут меня домой — однако, учитывая, что никаких объяснительных я еще не подписывала, мы наверняка держим путь в отделение. Быстрее бы, конечно — я снова начала мерзнуть. Одно из двух — или у «Нивы» сломалась печка, или коварный Хучик не включает ее из вредности.

А что, это вполне вероятно. Учитывая, что мент уже полчаса не читает мне нотации на вечную тему «Марина, когда вы прекратите создавать нам проблемы» и «почему вы опять суете свой нос в расследование», он явно что-то задумал.

Однако всю меру его коварства я ощущаю только тогда, когда машина заезжает на заправку, и Федор Иванович, недовольно кряхтя, вылезает под дождь и направляется к кассе. Под взглядом его блеклых глаз Вадим тоже покидает не очень теплый, но пока еще сухой салон. Мы с Людмилой остаемся вдвоем.

Мы. С Людмилой. Остаемся вдвоем.

Остаемся вдвоем с этой коварной преступницей, с этой зловредной особой, блуждающей по чужим дачам и без малейших колебаний подсыпающей в чай отраву.

Но я не успеваю возмутиться по этому поводу. Как только менты исчезают из виду, указанная разносторонняя личность хватает меня за плечо и шипит:

— Марина! Ни слова про Валя!..

С трудом вспоминаю, что «Валь» это физик. Несостоявшаяся миледи Винтер с мольбой закатывает глаза, однако я далеко не Портос и не собираюсь вестись на этот дешевый развод. К тому же Хучик все равно уже в курсе.

— С чего это вдруг?

— Вы ничего не понимаете!.. — она трагически машет руками в опасной близости от моего глаза. — Валентину угрожает опасность! Он перешел дорогу одному могущественному человеку...

— Какому? — торопливо спрашиваю я, но Людмила лишь округляет глаза:

— Я не могу сказать!.. Я не знаю!..

Не знает она, ага.

Похоже, что криминальная учительница перечитала мыльных романов и решила защищать своего «возлюбленного» до последнего. Но я-то знаю, куда заводят такие идеи. По закону жанра она непременно должна стать следующей жертвой неведомого убийцы.

Впрочем, Людмила считает детективы второсортным чтивом и может не знать некоторых нюансов, поэтому я решаю ее просветить:

— Да вы шизанулись! Наверно, вы ждете, пока вас убьют.

— С чего это вдруг?.. — окрысивается Людмила. — Кому я нужна?..

Злорадно пожимаю плечами:

— Законы жанра, ничего не попишешь. Тех, кто знает, но молчит, всегда убивают в первых рядах!

Литература ощутимо нервничает — похоже, что наша тургеневская девица и не задумывалась о таком исходе. Я открываю рот, чтобы проинформировать ее о других деталях, но тут двери распахиваются и машина наполняется ментами (в количестве два).

Первое, что делает Хучик — берет телефон с приборной панели и что-то там нажимает. Секунду я размышляю, к чему бы это... потом доходит: ой-ей! Похоже, что нашу беседу записали на диктофон! Я сильно сомневаюсь, что это доказательство можно использовать в суде, но ведь сам факт!

Вообще-то я могла догадаться, что дело нечисто: с чего бы вдруг Хучику оставлять нас вдвоем? Еще и Вадима забрал... в общем, я шляпа. Хотя Людмила шляпа еще больше, она до сих пор ничего не заметила.

Повосхищавшись Хучиковым коварством, я снова начинаю следить за дорогой. Мы заезжаем в город — асфальт под колесами «Нивы» сразу становится лучше — и вскоре добираемся и до Следственного комитета.

Мент выбирается из салона и предлагает пройти в кабинет. Вздыхаю, но подчиняюсь. Конечно, я вовсе не против помочь родной полиции, только хотелось бы забежать домой и поесть, благо отсюда недалеко. Голодный желудок едва утешает светлая мысль о том, что Следственный комитет тут, под боком, а вот до дома, как ни крути, пришлось бы бежать минут двадцать. А ведь на улице по-прежнему моросит мелкий дождь, а я замерзла, как десять собак... есть все равно нечего, придется готовить... в подъезде наверняка сидит бывший муж... да ну его, этот дом!

Немного утешившись по принципу «зелен виноград», решительно карабкаюсь по крутой скользкой лестнице.

Помню, помню я эту лестницу еще со времен моего ранения. Как же там было? Ночь, улица, фонарь, аптека, недобитая уборщица на ступеньках, бессмысленный и злобный мент... ну и так далее. Не суть.

Вадим и Людмила поднимаются впереди, и я имею сомнительное удовольствие любоваться напряженной спиной мадам Борджиа. Не менее сомнительное удовольствие любоваться моей спиной выпадает Хучику, который идет в арьергарде; по счастью, вскоре мы забирается внутрь и попадаем в небольшую прихожую, за которой просматривается



узкий, едва освещенный тусклыми желтыми лампами коридор.

Пока угрюмый полицейский на проходной записывает наши контактные данные, я пытаюсь сообразить, почему относительно новое здание изнутри выглядит так, словно построено в середине прошлого века. Одно из двух: или я ошибаюсь и здание старое, но с хорошим наружным ремонтом, или строители этого дома знали какой-то советский секрет, позволяющий наводить ужас на посетителей.

Немного поплутав по коридорам и преодолев еще одну лестницу, мы попадаем в кабинет Хучика. Обстановка наводит тоску и ужас: выцветшие желтоватые обои на стенах, массивный железный стеллаж, заваленный толстыми желтоватыми папками, пузатый железный сейф у двери, обшарпанный деревянный стол, забранное решеткой окно (и это на втором этаже!) и высокие потолки (уверена, если обрезать их до нормального уровня, запросто можно собрать еще один этаж).

Картину безысходности несколько портит высокотехнологичное офисное кресло, а ободранный диван в углу наводит на мысли о том, что Хучик ночует на работе не только в переносном смысле.

Налюбовавшись мрачным ментовским логовом, перевожу взгляд на его хозяина. Хучик критически разглядывает нас с Людмилой. Особенно Людмилу — благо та почему-то начала улыбаться и махать ресницами в его сторону.

Выглядит это не столько интригующе, сколько жалко, но результат налицо — мент явно заинтересовался. Может, мне тоже попробовать? Я не строила глазки с замужества, но ведь когда-нибудь надо начинать! В смысле, возобновлять.

Как же там полагается?..

Одним глазом беру на прицел Хучика, другим то и дело кошусь на Литературу, чтобы не сбиться. Несчастный мент выдерживает наш перекрестный огонь не дольше минуты. Потом он поспешно ретируется за дверь, прихватив Людмилу для допроса, и просит Вадима взять объяснения у меня. Стажер вздыхает, усаживается в кресло и начинает бодро стучать по клавиатуре. Спокойно пересказываю все то, что обсуждала с Хучиком. Стажер не задает дурацких вопросов — он просто записывает мои слова, распечатывает объяснение на эле живом струйном принтере и сует подписать. Оставив свою закорючку, поднимаюсь с неудобного ментовского стула, снимаю со спинки пакет, заменяющий сумку...

Однако не тут-то было. Вадим очень вежливо просит дождаться Хучика — возможно, у того есть какие-то вопросы. То есть появятся после допроса Литературы.

Ну ладно. В ответ я прошу раздобыть еды. Стажер ненадолго задумывается, после чего извлекает из ящика стола упаковку бомжатинки:

— У него сигареты, вермишель быстрого приготовления и растворимый кофе из банки. Что будете?

Я буду все. Разумеется, кроме сигарет.

Сочувственно посмотрев на голодную экс-уборщицу, готовую наброситься на копеечную китайскую лапшу, Вадим щелкает древним электрическим чайником (это покрытое накипью чудо техники размещается на сейфе). Вскоре кабинет наполняется знакомым резким запахом (между прочим, амбре бомжатины придает ему почти домашний уют), и я с позволения стажера перемещаюсь на диван.

Благодаря обжигающей лапше (причем обжигающей не столько за счет температуры, сколько из-за большого количества специй) я вроде бы согреваюсь. Еще бы одежду просушить... только где? Едва ли Хучик оценит, если я завалю его строгий кабинет

предметами женского гардероба.

Заметив, что я доела, Вадим забирает тарелку и протягивает мне сигарету. Интересно, зачем? Это такой джентльменский жест?

Вежливо отказываюсь:

— Спасибо, я не из этих.

— Из кого?!

— Ммм...ну... — меня немного смущают его удивленные глаза. — Не из тех, кто курит.

Стажер недовольно бормочет, что у них с Хучиком нервная работа, и надо же как-то снимать полученный стресс. Да и вообще, какие у меня претензии к курильщикам?

Старательно заверяю, что нет, никаких, хотя на самом деле претензии есть — от них воняет, и еще я невольно вспоминаю бывшего мужа, а это сомнительное удовольствие. Ну, вот! Опять вспомнила. Теперь главное не накликать.

Определенно, без Петьки моя жизнь стала гораздо лучше.

Хучик чует аромат «бомжатской лапши» прямо с порога:

— Марина, вы же тут задохнетесь, — ворчит он, забирая у Вадима мое «объяснение». —

Сидите, у нас там от силы минут на двадцать.

Да-да, знаем мы эти двадцать минут. Наверняка они будут заканчивать еще часа полтора. К тому же меня как бывшую уголовницу не слишком вдохновляет предложение «сидеть».

Только других вариантов у меня все равно нет.

— Как скажите, Федор Иванович, — бормочу я.

Следак бросает на меня подозрительный взгляд и с шумным вздохом извлекает из сейфа толстую папку:

— Возьмите, полистайте.

Вскакиваю с дивана и радостно хватаю добычу. Вот это другое дело! Интересно, что он мне дал? Где тут название? А, вот! «Материалы уголовного дела по факту суицида Костылевой С.Я.»?..

Опускаюсь на диван в немом потрясении. Интересно, зачем этот лис вручил мне дело дочери Костылевых? Тут явно какой-то коварный план.

— Читайте, читайте, — усмехается Хучик, закрывая за собой дверь. — Раз уж вы все равно суете свой нос...

Вадим ловит мой удивленный взгляд и пожимает плечами:

— Вообще-то мы не даем подо... свидетелям чужие материалы. Ну ладно, начальству виднее. Надеюсь, вы не зальете дело этой бурдой.

Я вежливо выслушиваю короткий, но леденящий душу рассказ о карах, которые непременно обрушатся на голову несчастной уборщицы, когда та опрокинет на дело стаканчик с кофе, и принимаюсь за чтение.

Зловещая и драматическая история семьи Костылевых разворачивается передо мной в обрамлении коричневого картона и чуть желтоватых листов — похоже, Федор Иванович долгое время держал эту папку не в сейфе, а на подоконнике. Восприятию текста слегка мешает стилистика — ну что сказать, уголовное дело это вам не роман Донцовой. Динамика тут, как правило, на нуле, и даже такая интересная вещь, как чей-то подозрительный суицид, описывается так же скучно, как легендарная «сцена с дубом» в романе «Война и мир».

Толстовскую многотомную жуть я помню со школы. «Войну и мир» нам, кажется, задали на лето перед десятым классом, но я в те далекие времена читала только «Занимательную физику» Перельмана, так что знакомство с классиком оказалось настоящей пыткой. Причем обоюдной: мы изучали «бессмертный роман» на уроках, анализируя главу за главой в поисках скрытого коммунистического смысла, а Толстой в это время вертелся в гробу. И я до сих пор гадаю, входило ли это в программу...

О том, что материалы уголовного дела это не самая веселая в мире вещь, я узнала, так сказать, на себе. И это не только про печальный финал! Я помню, само уголовное дело тоже было довольно скучным: в нем были горы протоколов осмотров, допросов и обысков, плюс стопки одинаковых объяснений от бестолковых свидетелей. Помнится, «добрая» половина коллег считала меня проституткой, которая не здороваается, а «злая» вешала на меня все кражи в НИИ за последние десять лет! На физика, кстати, никто не подумал. В те времена он

был молодым перспективным ученым и запросто очаровывал всех наших дам. Ментов он тоже, наверно, очаровал...

Так вот, стиль изложения в уголовных делах за это время ничуть не улучшился. В деле Костылевой он тоже хромотает на все четыре ноги, а одни и те же события описываются по меньшей мере пятнадцать раз — глазами каждого из свидетелей. В целом они одинаковые, отличаются лишь мелкие, на первый взгляд незначительные детали, вроде цвета свитера у погибшей девочки.

Треть опрошенных уверяют, что свитер был синим, причем оттенок варьируется от фиолетового до лазурного, еще столько же настаивают на зеленом, а оставшаяся треть склоняется к другим, более экстремальным вариантам. Лично я склонна доверять оперу, составлявшему протокол осмотра. Он пишет, что мертвая девочка была одета в черные джинсы, тонкую серо-голубую водолазку и некогда белые, а по факту желтовато-коричневые кроссовки. То есть в кроссовки она была обута. Но не суть.

Листаю дело.

Итак, Светлане Костылевой было пятнадцать, и она была обычным современным подростком из тех, кто не прогуливает уроки лишь потому, что просиживает их в социальных сетях, не может пройти мимо зеркала, чтобы не сфотографироваться в нем на айфон, отчего имеет целую коллекцию фоток в различных туалетах и влюбляется в каждого симпатичного мальчика. Таких в ее классе было человек пять. В общем, жила она припеваючи, не доставляя никому особых проблем, пока однажды не повесилась в школьном туалете. Прямо посреди урока!

Сначала менты завели уголовное дело на школьную математичку — и шили ей, ни много ни мало, целое доведение до суицида. Статья 110 УК РФ — лишение свободы от трех до пяти лет!

Несчастливая математичка попала в подозреваемые из-за того, что сделала Свете замечание насчет ее «непарадного вида». Нервная восьмиклассница тут же вскочила и заявила, что кто бы говорил про внешний вид, но точно не Валентина Петровна, потому, что в своем зеленом костюме она похожа на старую жабу.

Математичка вытаращила глаза и предложила Свете покинуть класс. Та тут же собрала вещи и направилась к выходу, заявив напоследок, что не желает находиться в обществе недоумков. Возможно, учительница могла бы заподозрить у нее нервный срыв или еще что-нибудь нехорошее, но на пороге девочка остановилась и наорала на хихикающих одноклассников, классифицировав их на дебилов, идиотов, кретинов, пустоголовых блондинок и т. д. Поначалу тихо офигевавшие объекты классификации очнулись и начали отвечать. Разгорелся скандал, и математичке стоило большого труда успокоить класс.

А Света тем временем дошла до туалета, залезла с ногами на унитаз, намотала шарф на уходящую в потолок трубу и повесилась.

Покойницу обнаружили две пятиклассницы, и их до полудня отпаивали валерьянкой. Математичку увезли в больницу с инфарктом; убитые горем родители разводили руками, менты вяло опрашивали свидетелей, но тут пришли результаты вскрытия и стало еще интересней. Оказалось, что за день до смерти девочка стала жертвой изнасилования — что, по мнению следствия, и спровоцировало суицид.

Машина правосудия заработала с новой силой. Мать едва не слегла с инфарктом, из школы ушла половина учеников и учителей, но дело, возбужденно по статьям

«Изнасилование» и «Доведение до самоубийства» пришлось свернуть из-за отсутствия главного фигуранта.

Преступника, кстати, до сих пор не нашли.

— Какой ужас, — бормочу я, откладывая упитанный том.

Вроде и голос не повышаю, и уголовным делом шуршу негромко, но застывший перед экраном компьютера стажер тут же поворачивается ко мне:

— Дочитали? Давайте сюда, — Вадим убирает дело на сейф. — Да, действительно жуть. Обидно, что этого урода до сих пор не поймали.

Вот тут я согласна с Вадимом. Похоже, что дальше зловещий преступник пошел вразнос, добрался до сводного брата Светланы Дениса и перешел от изнасилования к убийствам.

— Мы тоже так думаем, — мрачно кивает стажер, после чего наливает мне еще кофе и просит прощения за то, что не может мне другие дела без высочайшего дозволения Хучика. Который до сих пор не закончил с криминальной учительницей по литературе.

Пожимаю плечами и выпрашиваю у Вадима ручку с листочком. Скучать не буду, потрачу время на то, чтобы, как говорится, отделить зерна от плевел, а котлеты от мух.

Что интересно, я много лет сталкиваюсь с этим выражением, но до сих пор весьма смутно представляю, что такое эти плевела (или плевла). Мои познания в этой области ограничиваются тем, что их зачем-то нужно отделять от котлет... то есть от зерен.

Так вот, зерна в нашей истории — это трупы. Светлана и Денис Костылевы, а также Галина и дворник, ну и мы с физиком на полставки. Возможно, что убийство дворника и нападение на мою скромную персону к делу не относятся — а, может, напротив. Благодаря заботливому Хучику во всем этом хитросплетении наконец-то появляется мотив. Даже два! Либо всех этих несчастных поубивал, заматаив следы, тот маньяк, который изнасиловал Светлану, либо это сделал неизвестный мститель (только неясно, чем тогда ему не угодили дворник и Галька). Причем этот мститель/маньяк ухитрился как минимум пробраться в школу с какой-никакой, но все же функционирующей охраной, выбросить из окна Дениса, вечером повторить свой подвиг и отравить Галину, а потом еще и подстрелить физика (что интересно, не насмерть).

Кстати, о физике! Надеюсь, этот упырь уже оклемался настолько, чтобы ответить на пару вопросов. Ужасно не хочется видиться с этим типом, но мне нужна информация. Решено — завтра схожу в больницу и напому товарищу Данилову о его гражданском долге. А если напоминание не подействует, буду давить на жалость. Припомню и незаслуженно отмотанный срок, и скелет, и даже неадекватное поведение его любовницы. Пусть его совесть замучает. Раз уж она, по словам Людмилы, так неожиданно у него появилась...

Строя коварные планы, я ухитряюсь проморгать триумфальное возвращение Хучика, причем не с Людмилой, а с каким-то другим мужиком, вроде бы тоже ментом (одежда на нем обычная, «штатская», но в выправке проскальзывает что-то военное). Удивленно разглядываю его, пытаюсь отогнать мысли о том, что Литература оказалась переодетым ментом. С учетом ее роста и природной хрупкости это совершенно нереально, но именно из-за бредовости мысль голову покидать не хочет.

— Познакомьтесь, — приветливо, но с какой-то коварной ноткой начинает Хучик. — Хотя, кажется, знакомы. Марина, припоминаете?..

Снова перевожу взгляд на мента, пытаюсь сопоставить черты его лица с собственными воспоминаниями. На вид ему чуть больше сорока. Выше меня и на голову выше Хучика, то

есть примерно среднего роста, крепкого телосложения, на вид довольно спортивный. Однако ни его темный с легкой сединой ершик волос, ни аккуратный, с легкой горбинкой, словно после перелома, нос, ни лохматые брови, ни зеленые глаза в окружении мешков и морщинок не вызывают отклик в моей памяти... ой!

— Кажется, это вы вели мое уголовное дело, — бормочу я, воскрешая в памяти обрывки воспоминаний. Помимо того, про Гамлета, там еще ворох других подробностей — мелких и не таких впечатляющих, и фигурирующий там следак, конечно, так же зеленоглаз, но не в пример моложе и изящнее. И нос, кажется, у него там прямой.

Тем временем мент напряженно разглядывает меня: наверно, сверяет мое лицо с воспоминаниями двадцатилетней давности. А, может, просто пытается вспомнить. Не стоит думать, что я у него одна, как любимая жена.

А мерзкий Хучик тем временем стоит и ухмыляется во все 28 зубов (или сколько их там у него)! Интриган! Чем, интересно, ему не угодил мой бывший следак? Мне кажется, для него эта встреча должна быть более неприятной, чем для меня. Я-то уже свое отсидела, а у него еще все впере... тьфу!

Следак тем временем таки вспоминает, кто я, и мрачно растягивает губы в пародии на улыбку:

— Говорите как есть: я тот следователь, который посадил вас в тюрьму.

Снова сверяюсь с воспоминаниями:

— Да нет, вы же вроде ничего такого не делали, — смущено бормочу я. — Скелет-то, как оказалось, физик стащил! То есть Валентин Данилов, зараза. А я сама недавно об этом узнала. А он, гаденьш, мне даже письма писал, хвастался своими успехами. Вот шляпа, могла бы и заподозрить...

Глаза почему-то начинает щипать, голос сбивается, и я замолкаю. Следак убирает с лица свою недоулыбку и начинает сбивчиво извиняться:

— Все же это моя ошибка. Я должен был заподозрить... должность обязывает. Я никогда не сажал... вот прямо совсем невиновных, но вы... извините...

Теперь мы смотрим друг на друга как два идиота — а Хучик с Вадимом смотрят на нас. Ей-богу, они как будто включили бразильский сериал. Эффект телевизионного «мыла» усиливается из-за того, что я реву как последняя истеричка.

Проклятый физик! Ну, что ему стоило оставить меня в покое?..

— Марина, вы это... — бормочет жалостливый стажер. — Того...

Конечно, Марина «того»! Мне кажется, у ментов не должно остаться в этом сомнений — вон, Хучик уже достает из сейфа пузырек с валерианкой. Похоже, еще чуть-чуть, и меня прибежит успокаивать половина Следственного комитета.

Представив эту картину, я тихо хихикаю. Похоже, со стороны это выглядит как истерика, потому, что зеленоглазый следак нервно вздрагивает, а Хучик промахивается пузырьком мимо кружки. Поэтому я кое-как беру себя в руки, вытираю глаза и решительно хлюпаю носом:

— Что вы, не извиняйтесь... так это, ничего страшного... ну не села в тюрьму, так, может, через месяц бы умерла. А так нет.

Следак почему-то не очень проникается этим замечательным аргументом — хотя меня он успокаивает в четырех случаях из пяти.

Спустя десять минут уговоров мент признает злобредность мерзкого физика и прекращает извиняться, как попугай, а я, в свою очередь, окончательно прихожу в себя и

допиваю кофе, игнорируя предложенную Хучиком водичку с запахом валерианки. В самом деле, сегодня я и так выпила годовую норму!

Потом зеленоглазый следак уходит, а Федор Иванович перечитывает мое объяснение и отпускает домой.

Точнее, не отпускает, а выгоняет. Я робко пытаюсь уточнить, что это была за эскапада со следаком, но Хучик уходит от ответа и заявляет, что кому-кому, а мне уж точно не с руки предъявлять ему какие-нибудь претензии. Вот явно не после того, как он обнаружил меня на чужой даче!

Я проникаюсь этим замечательным аргументом — да на моем месте любой бы проникся! — и тихонечко уползаю, пока Федор Иванович не вздумал опять пилить меня за расследование.

Бреду по покрытым тоненькой ледяной коркой лужам, доползаю до подъезда, машинально проверяю, не затаился ли там бывший муж, забираюсь в квартиру и тут же получаю суровый выговор от Маркизки. Наливаю ей молока, а сама набрасываюсь на чеснок — как бы не простудиться после сегодняшней беготни. Потом горячий чай, свежий томик Татьяны Луганцевой и в постель...

Утром я обнаруживаю, что чеснок помог не до конца. Кашля или насморка нет, но голос настолько брутalen, что кошка глядит на меня с подозрением: что за чудовище притворяется ее хозяйкой? Наверно, в таком состоянии мне не стоит бродить по больницам и навещать раненого физика с его неокрепшим иммунитетом.

С другой стороны, у них там наверняка каждый день дезинфекция, а я надену медицинскую маску и не буду подходить к нему ближе, чем на три метра. Так что физику ничего не будет. Наверно.

Опять же, если я начну тормозить, неведомый убийца может доделать начатое, и мы так ничего и не узнаем. Решено: пока посижу дома, а к четверем поеду в больницу. Только сначала надо будет туда позвонить, потому, что адрес мне сказала Людмила-Литература. Кто знает, что могло прийти в голову этой коварной отравительнице? С нее станется дать мне адрес морга или психушки.

В итоге с одиннадцати до трех я валяюсь на кровати, играю с кошкой и читаю Луганцеву, потом делаю контрольный звонок в больницу, и, убедившись, что физик действительно там и его можно посещать, выдвигаюсь «на дело». На улице холодно и противно, и вроде бы отступивший насморк снова показывает свой красный нос, но я успеваю вовремя заскочить в автобус, и, разместившись у печки, открываю недочитанную книжку.

Нет, все же творчество Луганцевой — это не мое. Она пишет в жанре «иронический детектив», но на самом деле это, скорее, иронический любовный роман. Обложка, названия и аннотация вполне соответствуют детективу, и я раза три ловилась на эту удочку в надежду, что уж на этот раз мне дадут желанные расследования. Но увы.

На этот раз мы снова имеем молодую и красивую героиню, которой трагически не везет с личной жизнью, а именно с мужиками. Все они подонки и козлы, а которые нет, катастрофически женаты и не обращают на нее никакого внимания. Плюс ко всему, героиня имеет ряд комплексов, которые мешают ей заняться поисками суженого. И тут в ее жизни появляется принц! Его всегда можно определить по редкому сочетанию привлекательной внешности, душевных качеств и того обстоятельства, что героиню «тянет к нему как магнитом» (выражение про магнит непременно фигурирует в каждой книге). Ах да, еще он

богат, как Крез.

Правда, в последней книге главную героиню почему-то потянуло к менту, небритому словно зек и лохматому как ньюфаундленд. Я удивилась и принялась ждать развязки. В итоге на двадцатой странице мент побрился и стал вполне себе ничего; потом он сел в свой черный «БМВ» (тут я немного насторожилась), приехал в элитный микрорайон и, немног поплутав между статуями и фонтанами, поднялся в пентхаус, где его ожидала роскошная женщина в черном белье, которая подарила ему волшебную ночь, а себе деньги из его кошелька. Нифига себе мент, подумала я, но вскоре тайна раскрылась: «прекрасный принц» оказался психотерапевтом с докторской степенью и собственным психологическим центром, а в полицию его пригласили для консультации.

Вздыхаю. В последние несколько лет мне как-то не слишком нравится читать про всех этих «прекрасных принцев» и «идеальных мужчин». Однажды я уже вышла замуж за кого-то такого, и это закончилось разводом. Причем разводилась пришлось не с принцем, а с алкашом.

Нет, правда, когда я выходила замуж за Петьку, он был веселым, красивым и работающим парнем, играл на гитаре и очень напоминал пресловутого «принца». На старых фотография бывший муж белокур и кудряв, и даже, кажется, с полным комплектом зубов. Хотя они в принципе начали портиться не так давно, когда моя свекровь-стоматолог вышла на пенсию и перестала лечить ему зубы бесплатно...

Я закрываю томик Луганцевой, нежно смотрю на палец, который некогда «украшало» обручальное кольцо, и погружаюсь в раздумья о том, какая полезная вещь развод.

Идти в больницу ужасно не хочется. Сначала я случайно проезжаю свою остановку, потом долго отряхиваюсь от первого снега, неспешно сдаю вещи в гардероб и, спотыкаясь на каждой ступеньке, поднимаюсь в палату подстреленного физика.

С каждой секундой меня трясет все сильнее, и дверь палаты я открываю в состоянии, близком к панике.

И сразу же натыкаюсь взглядом на физика.

— Здравствуйте!..

Подхожу ближе. Палата у господина Данилова четырехместная. Дальняя койка занята, собственно, физиком, соседняя койка пустует, а на двух других расположились мужики предпенсионного возраста. Вежливо обхожу их, усаживаюсь на край пустой кровати и снова обзираю физиономию мерзкого Данилова.

Ну, что сказать. Выглядит он неплохо.

На здорового человека физик, конечно же, не похож, но для того, кто больше недели провалялся в реанимации с огнестрельным ранением, он смотрится очень даже бодренько (по себе знаю).

При виде меня он отрывает голову от подушки и натягивает на бледно-зеленую физиономию выражение легкой подозрительности.

— Ну, здравствуйте, — повторяю я, косясь на тумбочку, заваленную фруктами, соками и прочим добром (наверняка Литература натаскала, кто же еще). — А я вам ничего не принесла...

На самом деле, я долго думала, что купить, но так и не смогла придумать предмет, который наш не совсем адекватный Данилов не сможет счесть за намек. С известной долей фантазии даже журнал со сканвордами можно расценить как напоминание о Гамлете.

— Мне от вас ничего не нужно, — голосом умирающего лебедя сипит физик, и мне



почему-то становится неприятно и даже как-то обидно.

— Конечно, вам ничего не нужно! Вы же уже украли Гамлета и заняли мое место в лаборатории!.. Наверно, вам хорошо там работалось! А когда я пришла работать в школу, вы шипели, что я уголовница, забыли, из-за кого я ей стала?.. А ваша бестолковая любовница...

Судорожно набираю в легкие воздуха — свежего, но невкусного, с едва уловимым привкусом больничной дезинфекции — и вдруг вспоминаю, что орать на раненого как-то не очень прилично. А физик, наверно, не зря стал белый, как простыня — пожалуй, если и дальше продолжать в том же духе, его соседи позовут дежурную медсестру.

Стоит представить разборки с медсестрой (с подробным разъяснением всех претензий!), как весь мой пыл улетучивается. Но закончить-то надо! И я заканчиваю:

— И ваша бестолковая любовница меня едва не убила.

— Которая?..

Ничего себе поворот! У него что, несколько любовниц? Да еще как минимум две из них подходят под определение «бестолковая»! Интересно, Людмила в курсе?

— Та, которая преподает литературу в нашей... а, пардон, уже не нашей, меня же уволили, школе. Но вы не переживайте, она не успела мне навредить. Я вызвала полицию, ее подержали полдня и отпустили. Так что все нормально.

Глаза недобитого физика удивленно расширяются, но меня уже не остановить. Я снова присаживаюсь на краешек свободной кровати и взволнованно говорю, что плевать я хотела на дела минувших дней, и что посадить физика все равно не посадят, потому, что сроки давности истекли, а если ему вдруг приспичит принести мне свои извинения (в чем я сильно сомневаюсь), то пусть засунет... то есть подарит их американскому президенту.

Физик недоуменно моргает, и я говорю о том, что пулю он получил по заслугам, только преступник все равно должен быть наказан; но я не собираюсь грузить своими делами «несчастливого больного» и мирно уйду, когда он ответит всего на один вопрос.

— Какой?

На мгновение закрываю глаза. Со слов Хучика мне известно, что физик не успел разглядеть того, кто его подстрелил. Так что...

— Менты говорят, что Денис Костылев пришел к вам потому, что кого-то боялся, — торопливо говорю я. — Скажите, кого, и я пойду. Я ни за что не поверю, что вы не знаете.

Секунду физик недовольно разглядывает меня, после чего признается:

— У Дениса были непростые отношения с отцом.

Какая интересная новость! А физик, помнится, был с ними знаком. Одним словом, гад...

Мне очень хочется задать ему еще кучу вопросов и даже выпытать подробный рассказ о событиях того дня, но, думаю, это не очень хорошая идея. Ну не могу я с ним разговаривать!.. Не могу. Когда физика нет поблизости, то и прибить его не хочется, но когда он рядом, в голове волей-неволей вспоминается всякая гадость и хочется не то заплакать, не то надеть ему на голову медицинское судно. Так что пусть лучше спокойно долечивается. Поэтому я желаю ему скорейшего выздоровления и прощаюсь.

Направляюсь к двери под взглядами флегматичных мужиков (у левого так вообще какой-то ментовский прищур), и тут меня окликают:

— Марина!..

Удивленно разворачиваюсь и ловлю странный взгляд недобитого похитителя скелетов:

— Что?..

Длинная, катастрофически длинная пауза, в процессе которой я даже боюсь моргать. В итоге он разрывает зрительный контакт, отворачивается к окну и бурчит что-то вроде:

— Нет, ничего. До свидания.

Выскальзываю из палаты и прислоняюсь к стене, едва сдерживая нервный смех. Вот как это называется? «Хотел извиниться за Гамлета, но слегка застеснялся?» Или нет, «я физик, птица гордая, и мне не пристало просить прощения!». Кажется, я все-таки начинаю хихикать. Надо было захватить с собой немного пустырника.

Мимо палаты проходит дежурная медсестра, и под ее удивленным взглядом я кое-как беру себя в руки и бреду к лестнице.

И замираю на первой ступеньке. Черт с ним, с Гамлетом — физик, кажется, только что сдал мне подозреваемого № 1.

И это Ярослав Костылев.

Спускаюсь на первый этаж и захожу в аптеку. Аптека советского типа, то есть не супермаркет, заставленный лекарствами, а будочка с застекленными витринами. Рассеянно перехожу от одной к другой, присматривая какой-нибудь не особо дорогой препарат от простуды— после прогулки по первому снегу горло дерет, а в носу хлюпает (хотя, может, у меня просто аллергия на физика).

В голове сами собой прокручиваются мысли о том, что Ярослав Костылев неплохо подходит на роль убийцы. Потому, что других желающих выкинуть из окна Дениса Костылева я до сих пор не обнаружила. Загадочная фраза физика о том, что у него были непростые отношения с отцом, еще ни о чем не говорит! Впрочем, других вариантов у меня нет. Хотя есть — и это жутковатое предположение, что Ярослав Костылев изнасиловал свою дочь и убил сына, чтобы замести следы. Ну и остальных, до кучи. Там вроде, кто-то их них был приемным, но у меня совершенно вылетело из головы, кто.

Кстати, изнасиловать Свету мог Денис Костылев. Что, если отец решил расправиться с ним из мести? Хотя, может, это вообще сделал кто-нибудь третий. Может, погибший школьник боялся Костылева только из-за того, что тот был суровым отцом? Но с чего тогда физику говорить об этом таким загадочным тоном?

Мои идиллические размышления прерывает телефонный звонок. На другом конце провода злится вездесущий Хучик.

Интересно, как он разведает, что я в больнице? Или у него очень развита агентурная сеть, или это паранормальные способности. Решу посетить больного физика еще раз, обязательно надену шапочку из фольги.

— Ну и что вы узнали у Валентина Данилова? — вопрошает мент, закончив разоряться про то, как его задолбала моя детективная деятельность.

Торопливо пересказываю то, что сказал мерзкий физик, отчего отвратительное настроение Хучика, по-видимому, немного повышается и он даже обещает забрать меня из больницы и подбросить до дома. По этому случаю он даже собрался уйти с работы вовремя, то есть в шесть.

Отлично! Эта новость не может не радовать — сэкономлю на проезде и разузнаю у Хучика очередные душещипательные подробности этого дела. Как говорится, приятное с полезным. Правда, немного пугает, что он сегодня какой-то слишком свирепый. Интересно, в чем дело и связано ли это с нашим расследованием? У мента вполне может быть куча других проблем, начиная от неприятностей в личной жизни и заканчивая конфликтами с руководством или несостыковками в соседних уголовных делах.

Хучик прибывает часа через полтора — я как раз успеваю дочитать томик Луганцевой.

— Поехали! — командует мент аки Юрий Гагарин.

Самое время, кстати — на меня уже давно косятся из регистратуры.

В пути Федор Иванович уточняет, не желаю ли я угостить его чаем. Вспоминаю, что из напитков у меня дома банка растворимого кофе, початая пачка чая «Принцесса Нури» и связка чайных пакетиков для особо непритязательных гостей (Катка называет их «пыль бразильских дорог»). Только закусывать это великолепие, кажется, нечем — последняя шоколадка съедена накануне, а окаменевшие сладости, сохранившиеся со времен бывшего мужа, Хучику лучше не предлагать. Должно же у меня остаться какое-нибудь оружие на

случай третьей мировой войны.

Следак, по-видимому, отмечает некое замешательство на моем лице — тормозит у супермаркета, буквально на две минуты исчезает внутри, после чего появляется с прозрачным пакетом. Внутри: хлеб, пакет молока, пачка чая, полкило сахара, палка колбасы, несколько пакетиков кофе «3 в 1» и лимон. Прижимаю пакет к груди и тихо офигеваю от его оперативности: похоже, что Хучик пробежал магазин насквозь и покидал в корзинку первое, что попало под руку. Наверняка даже сдачи не взял.

Суровый следак аккуратно паркуется у нас во дворе и глубокомысленно замечает:

— Почитал я вашу любимую Донцову... тихий ужас! Единственный адекватный человек это полковник Дегтерев, все! Как вы можете получать от этого удовольствие?..

Ага! Кажется, тайна мрачного настроения Хучика раскрыта — произведения моей любимой писательницы слишком сильно подействовали на его нежную мужскую психику.

Сдержанно хихикая, поднимаюсь в подъезд, а Хучик идет следом и бухтит:

— События какие-то нереальные!.. Никогда не видел, чтобы на одного человека валилось столько всего... кхм... — Хучик прерывается и уточняет, — Раньше не видел.

Возмущенно оборачиваюсь к нему:

— Федор Иванович, ну что вы... апчхи!

— Будьте здоровы! — ухмыляется мент. — Вот, Марина, сидели бы дома — не простудились бы!

— Ничего подобного, — бубню я, одной рукой пытаюсь найти ключ от двери, а другой салфетку, чтобы вытереть нос. — Я простудилась вчера. Сегодня только добавила.

— Вчера вы ходили по чужим дачам, — ехидно напоминает следак. — Где вы снимаете обувь?..

— Вот тут, на коврике... хотя если у вас дырявые носки, можете вообще не снимать. Я все равно собиралась мыть пол. Кстати, какую Донцову вы читали?

— Жаба с кошельком, — не сразу вспоминает Хучик. Да еще как не сразу! Пока он копается в памяти, я успеваю поставить чайник, вскрыть пакет с молоком и угостить им заинтересованно принимающуюся Маркизку. А потом еще и руки помыть.

— Садитесь. Вас устроят бутерброды из вашего хлеба и вашей колбасы? Просто я сегодня ничего не готовила, если хотите, могу заварить упаковку бомжатины. Или яичницу.

Хучик благородно отказывается, и мы усаживаемся пить чай с колбасой. Причем колбасу в основном поглощает сам мент и толстеющая на глазах Маркизка. Она успевает сожрать кусок раньше, чем я отрезаю новый.

— Кроме Даши Васильевой у Донцовой есть еще несколько циклов: Евлампия Романова, Виола Тараканова, Иван Подушкин, Татьяна Сергеева и Степанида Козлова, — рассказываю я менту. — Но я беру Степаниду только если по скидкам. Там героиня двадцатилетняя девушка, а рассуждает, как сорокалетняя баба.

— Ну да, вам-то ближе наоборот, — бормочет Хучик.

— ...а Виола Тараканова была замужем за ментом, — продолжаю я, не обращая внимание на гнусные инсинуации. — Правда, потом они развелись. Но я до сих надеюсь, что она пошлет лесом всех своих следующих мужей, и вернется к Олегу Куприну. Так вот, Вилка, это Виола, постоянно влезала в расследования, которые он вел.

— Бедняга, — сочувствует мент (надо полагать, Куприну).

Какое-то время мы обсуждаем творчество Донцовой. Правда, Хучик в основном занимается тем, что старается убедить меня, якобы Даша Васильева, Евлампия Романова и

даже интеллигентный Иван Подушкин — не лучшие примеры для подражания.

Потом мент заявляет:

— Марина, вы знаете, кое-что мне все же понравилось. Например, то, что в конце каждой книги мудрый полковник раскрывает бестолковой Даше личность и мотивы преступника. Садитесь поудобнее, налейте еще чаю с лимоном и вообразите себя взбалмошной любительницей частного сыска. Надеюсь, вам не нужно объяснять значение слова «взбалмошный»?

— Восторженный, бестолковый и с придурью, — машинально отвечаю я, не веря своим ушам. Хучик решил рассказать про расследование! Я еще не отошла после вчерашнего «возьмите полистать материалы уголовного дела», а тут такое!

Неужели он уже нашел убийцу?! Хотя, в отличие от моих любимых детективчиков, тут главное не преступника вычислить, а доказательства на него собрать. Как я поняла, иногда это даже сложнее, чем докопаться до правды. Одно дело — дедуктивными методами вычислить «кандидата» на скамью подсудимых, и совсем другое — сделать так, чтобы дело не развалилось в суде. А это непросто, ведь адвокаты тоже стремятся отработать свои денежки, и после парочки неудавшихся дел волей-неволей захочешь возродить прадедушкины традиции кровной мести либо подбросить гаденьшам наркотики. Наверно, поэтому Хучик весь день ходил мрачный, и только под вечер повеселел. Хотя кто его знает?

Вдоволь налюбовавшись на мою ошарашенную физиономию, Хучик начинает рассказывать:

— Я думал, что вы и так догадались, но, судя по вашему ошарашенному виду... ладно. Ярослав Костылев — интересная личность, причем интересная в том плане, в каком обычно людьми интересуются психиатры и криминалисты. Любопытно будет потом почитать материалы его судебно-психиатрической экспертизы. Ну да ладно. Начнем сначала. Мы, сотрудники Следственного комитета, редко выезжаем на трупы. Обычно это делают ребята из полиции, а потом, если дело оказывается в нашей компетенции, приходится работать с уже готовыми протоколами осмотра места происшествия. Иногда там пишут такой бред... бывает, приходится с каждой фразой бегать за дознавателем, пытаясь понять, что он вообще хотел этим сказать. В тот раз я выехал с ребятами потому, что... — мент мечтательно прикрывает блекло-голубые глаза, явно пытаясь сформулировать, — ладно. Долго объяснять. Я приехал, сразу же опросил вас, директора, завуча, классного руководителя трупа и выяснил, что сравнительно недавно в семье Костылевых погибла дочь. Я сразу же заинтересовался этим семейством. Мать была совершенно убита горем, и толку от нее не было, но с отцом мы поговорили. Не сразу, но выяснилось, что с женой они не были особенно близки.

— Почему? — уточняю я. Спросить напрямую, а какое отношение это имеет к делу, язык не поворачивается.

— Много лет назад жена изменила Ярославу со своим одноклассником, потом они ссорились, развелись, опять сходились, и в итоге этот субъект считает, что дочку Свету жена родила не от него.

— Раз так, ее можно изнасиловать, да?!

— Вроде того, — Хучик морщится, не то от отвращения, не то от только что съеденной дольки лимона. — Но я сомневаюсь, что это доказуемо. Наш убийца из тех, кто до последнего будет все отрицать и прятаться за спину своего адвоката. Кстати, адвокатом такие типы, как правило, выбирают женщин. Но ладно. Допросив вашего Данилова...

— С чего бы он мой... ой, простите, — смущенно умолкая под недовольным взглядом нашего доброго мента.

— И вот, я понимаю, что он знаком с семейством Костылевых куда ближе, чем признается. Самое время надавить на него, но два новых трупа путают все карты. Приходится срочно разрабатывать новые версии, причем убийство вашего безобидного пьянчужки-дворника совершенно не хочет согласовываться с остальными убийствами, словно кусочек картона из другого паззла. Потом вы, Марина, становитесь жертвой нападения, и я, признаться, какое-то время примеряю вас на роль убийцы, — Хучик ловит мой ошарашенный взгляд и поясняет. — Хотя для убийцы вы слишком бестолково действовали. Пока вы лежите в больнице, приходят результаты вскрытия трупа Дениса Костылева. У него под ногтями обнаруживаются мельчайшие частицы кожи и волосы собственного отца. Это обстоятельство наводит на определенные мысли, но как улика особой ценности не имеет. Все же они жили в одной квартире, и мало ли что Костылев может придумать в оправдание.

— Элементарно: попросил сыночка почесать ему спинку.

— Почему нет? — соглашается Хучик, — по-моему, это достаточно убедительно. Параллельно я роюсь в вашем, Марина, прошлом в поисках мотива, общаюсь с учителями и одноклассниками покойного Дениса — тоже тишина. Потом вы немного оживляете расследование тем, что вытаскиваете из рукава записку вашей покойной подруги. Мы снова берем в разработку персонал школы, но бестолку. Что у нас дальше? Покушение на Данилова. Мы обнаруживаем в колодце скелет, и я окончательно вычеркиваю вас из списка подозреваемых. Кстати, мы выяснили, что преступник проник на дачу, дождался Данилова и выстелил в него через окно. Потом покинул дачу, обыскал жертву, забрал телефон и ушел. И тут возникает целых два резонных вопроса. Во-первых, почему бы не вклеить Данилову контрольный в голову, и, во-вторых, зачем вообще все так усложнять?..

Хучик делает драматическую паузу, а я тем временем пытаюсь понять загадочную ментовскую логику насчет исключения меня из подозреваемых. У меня же тогда как раз мотив появился...

— Тут, знаете, несколько факторов, — отвечает следак, когда я решаюсь задать уточняющий вопрос. — Во-первых, мы провели баллистическую экспертизу, ну, знаете, рассчитали траекторию пули... Вы не прошли из-за роста. Потом, я очень внимательно следил за вашей реакцией на скелет. Я убедился, что вы не знали насчет него, а, значит, мотив для убийства появился у вас уже после покушения. К тому же ваше алиби подтвердила мать этой несчастной Гали. Вадим потом пересказывал, как она орала, у меня даже полковник пришел послушать... Ну ладно, о чем это я? В общем, без вас картина была однозначной. Интуиция подсказывала, что Дениса Костылева убил Костылев-старший, но брать его было, мягко говоря, не с чем.

Хучик делает паузу на глоток чая, и я завистливо вздыхаю — а мне тогда интуиция ничего подобного не подсказывала. Эта дамочка в принципе предпочитает молчать и лишь изредка высказывается в духе «все мы задним умом крепки».

— После того, как все ниточки обрываются у меня в руках, остается одно — поехать к Костылеву, чье алиби в день нападения на Данилова подтверждают несколько человек, поговорить с ним и попытаться поймать на противоречиях. И тут выясняется, что в вашу светлую голову тоже пришла эта идея. Сначала мне очень хочется посадить на пятнадцать суток... директора вашей школы. Который уволил вас с работы и обеспечил тем самым

неограниченным запасом свободного времени для всяких глупостей. Но нет худа без добра. Когда вы уходите, Ярослав Костылев проговаривается, что знает о вашей «детективной» деятельности. Еще он допускает несколько мелких, но досадных оговорок, что побуждает меня еще раз проверить его «стоцентное» алиби. Оно разваливается по кусочкам, но чтобы взять Костылева в клещи, необходимы показания хотя бы пары свидетелей. Лучший кандидат на эту должность лежит в реанимации и нормально допросить его не удастся. К тому же Данилов — тот еще фрукт. Он тоже пытался что-то расследовать, наверно, от вас набрался, — по выражению лица Хучика сразу понятно, что он думает обо всех наших «расследованиях». — Но вы, Марина, хотя бы не отказывается идти на контакт. А из Данилова каждое слово нужно клещами вытаскивать. Что, к сожалению, совершенно невозможно, — заявляет он в духе испанского инквизитора, сожалеющего о былых временах. — На следующий день выясняется, что вас занесло...

Противное дребезжание дверного звонка прерывает сию пафосную речь. А жаль, хотелось бы дослушать, куда там меня занесло.

Вздыхаю и иду открывать. Федор Иванович следует за мной — похоже, он допускает, что по ту сторону двери может находиться какая-нибудь опасность вроде кровожадного Ярослава Костылева. Ну, или ему просто интересно, кто это ходит ко мне вечерами.

Бесшумно подкравшись к двери, заглядываю в глазок. Ну е-мое! На лестничной клетке стоит и пошатывается бывший муж собственной алкогольной персоной. Кажется, я даже сквозь дверь ощущаю, как от него разит.

— Там Петька, — шепчу я. — Нажрался как свин. Что будем делать? Есть два варианта: открыть и спросить, что ему надо, или притвориться, что нас нет дома.

Хучик раздумывает недолго:

— Петька в смысле ваш бывший?.. Открывайте, поговорим. У него есть все...

— Все?..

— Все, чтобы дать ему в морду, — вздыхает следак. — Я сразу об этом подумал, когда увидел ваш шрам от вилки.

Ну ничего себе, а? Похоже, что Хучик излишне вжился в роль полковника Дегтярева. Последнее, что мне нужно, так это мордобой с участием бывшего мужа и ментов (мента)!

Старательно убеждаю Хучика не маячить на горизонте и подождать на кухне, сую ему в руки кошку и иду открывать.

Пока мы с ментом совещаемся, Петька убеждается в неэффективности звонка и принимается пинать несчастную дверь, сопровождая это громкими нецензурными воплями. Содержание этих воплей мне давно известно — как и непонятная уверенность бывшего мужа в том, что чем громче орешь, тем быстрее откроют.

Выбираю паузу между ударами и открываю дверь:

— Чего орешь? Убавь децибелы, сейчас соседи набегут.

На самом деле это маловероятно, несчастные обитатели прилегающих квартир крайне редко вмешиваются в наши конфликты. Максимум, что они могут сделать — позвонить участковому, который придет и проведет со мной профилактическую беседу (он почему-то всегда ко мне приходит, а Петьку игнорирует, как будто тот недееспособный).

Тем не менее, бывший муж затыкается. Думаете, он беспокоится о соседях? Как бы ни так! Он просто прикидывает, с какого наезда начать конструктивную беседу.

— Т-ты, шлюха, — Петька хватается за дверь и обдает меня неземным миксом из перегара, «свежака» и дивного амбре нечищенных со времен нашего развода зубов. — х-ш-шлюха... при живом... ик... муже... бл\* подзаборная...

— Говори, зачем пришел, и убирайся, — бормочу я, даже не пытаюсь вникнуть в суть претензий. — Чеши к себе, соседей разбудишь.

Хотя про соседей это я зря. В нашем подъезде в ночную смену пока вроде никто не работает, да и дети у всех уже школьного возраста, поэтому в пол десятого никто спать не должен.

Впрочем, Петька все равно не обращает на мою тираду никакого внимания и, покачиваясь, аки баркас на волнах, гнет свою линию:

— При живом-то муже... прошмандовка!..

Похоже, он не насколько пьян, как показалось сначала. По крайней мере, ему удастся выговорить такое длинное слово без заминок. Прош-ман-дов-ка! Целых четыре слога! Ей-богу, я в восхищении.

Все же мне требуется не меньше пяти минут, чтобы понять суть претензий.

Я выясняю, что с утра бывший муж подрабатывал грузчиком, так как быстро сообразил, что раз мерзкая уголовница-Маринка (цитата!) не дает денег, взяться им неоткуда. О том, что за любитель острых ощущений нанял его грузчиком, история умалчивает.

Так вот, потрудившись на ниве погрузки и заработав на бутылку, бывший муж решил отметить это дело с друзьями. У него их, кстати, в три раза больше, чем у меня, и далеко не все алкаши.

Находясь под градусом, Петька, естественно, принялся жаловаться на меня, в красках рассказывая про наши суды, трагический эпизод с вилкой и прочие радости нашей «семейной жизни». Друзья активно поддерживали эту тему, пока кто-то из них не сболтнул Петьке о том, что видел, как я заходила в подъезд с каким-то подозрительным мужиком. Мужик же при этом держал меня за руку и всячески осыпал комплиментами.

На этом месте я слегка озадачилась. Единственным кандидатом на должность «подозрительного мужика» является Хучик, но что-то я не припомню, чтобы он держал меня за руку! И комплименты, кстати, тоже отсутствовали — следак всю дорогу читал мне нотации, и отвлекался только на то, чтобы покритиковать книги Донцовой.



Но Петька, конечно, вообразил супружескую измену, допил, судя по запаху, всю оставшуюся водяру (ну, или что он там пил) и прилетел разбираться со мной и моим потенциальным любовником.

Какое-то время я честно пытаюсь объяснить бывшему мужу, что судимые уборщицы возраста 40+ не пользуются большим спросом на рынке любовных услуг. Но Петька не верит, орет благим матом, ломится в дверь и требует подать ему моего нового суженого.

Потом я меняю тактику и начинаю втолковывать алканавту, что после развода мне пока в принципе не до мужчин (и это чистая правда — в последнее время меня интересуют исключительно трупы, свидетели и менты). Но все разумные доводы разбиваются о глухую и немного пьяную стену.

— Где прячется этот «цензура»?! — орет бывший муж, сопровождая дикие вопли нецензурным описанием того, что он собирается сделать с моим гипотетическим мужиком. Фантазия у него, конечно, богатая, но для того, чтобы реализовать хотя бы четверть задуманного, Петьке потребуется у меня этого мужика отбить.

На самом интересном месте дверь открывается, и на лестничной клетке появляется недовольный Федор Иванович. Чем тут же подтверждает все подозрения бывшего мужа.

Немая сцена.

Мне очень хочется завопить «это не то, что ты думаешь» — но, с другой стороны, а с какой это радости я должна перед ним отчитываться?.. Мы вообще-то в разводе!

— Прощандовка!.. — верещит Петька почему-то в мой адрес. К менту он, очевидно, претензий не имеет. — Ментовская шлюха!..

— Вообще-то, ментовская шлюха — это та, которая обслуживает нескольких ментов, а у меня всего один!.. — бормочу я, не выдержав груза несправедливых обвинений.

Похоже, получилось не очень: Федор Иванович удивленно вскидывает брови, а Петька так вообще смотрит на меня, открыв рот, и явно ждет продолжения.

О, кстати! Перевожу взгляд на хладнокровного Хучика, пытаюсь сообразить, как бывший муж определил профессию «соперника». Все ясно: мента выдает его голубая рубашка. Ходил бы в свитере — проблем бы не имел. Или, наоборот, имел бы, потому, что Петька слегка побаивается представителей закона. Возможно, в противном случае Хучику уже настучали бы «в табло».

Мент тоже ведет себя довольно корректно, и, вопреки предыдущим заявлениям про «дать в морду», не спешит никого бить. Вместо этого он мирно объясняет алкашу, что я прохожу свидетелем по важному уголовному делу, и лучше ему пока от меня отвязаться.

Петька обиженно хрюкает, пускает из глаза алкоголическую слезу и поворачивается к своему явно наслаждающемуся происходящим «сопернику»:

— Уг'ловница... пр'кинь, выгнала из квартиры... ууу, ведьма! — он грозит мне кулаком, но попадает по перилам, и по подъезду разносится низкий звон.

— Квартира моей бабушки, — поясняю я. — Она не совместножитое, а персонально моя. Если что.

Хучик вздыхает, хватая дебошира за шкуру (что не так-то просто, потому, что Петька чуть выше) и начинает аккуратно конвоировать его вниз по лестнице с явным намерением выставить из подъезда. При этом он продолжает чего-то там ему говорить — и бывший муж, самое удивительное, все это слушает! И даже участвует в диалоге (правда, нецензурно).

Я закрываю рот, складываю пальцы крестиком и жду дальнейшего развития событий.

Увы, ментовского авторитета хватает всего на один пролет. Потом Петька постигает

суть происходящего, начинает орать и вырываться. При этом он угрожает показать чего-то там нам с ментом — я, если честно, к этому не прислушиваюсь.

Федор Иванович успокаивает Петьку как может — правда, стоит бывшему мужу бросить взгляд в мою сторону, весь положительный эффект сходит на нет, и алкаш снова начинает звереть. Очевидно, его мотивирует на агрессию присутствие бывшей жены в моем лице.

Пока я раздумываю, не стоит ли отойти от греха подальше, Петька решает разнообразить наш вечер пьяной дракой с участием ментов. Он бьет Хучика в ухо, но тот без труда ускользает, хватает вихляющих пьяный кулак, вытаскивает откуда-то (кажется, из кармана) наручники и пристегивает Петьку к перилам.

Быстро. Эффективно. Молча. Как будто он, натурально, в ОМОНЕ служил!

Мы с Петькой смотрим на мента с одинаковым удивлением. Я прихожу в себя раньше и ретируюсь в квартиру, не дожидаясь дальнейшей эскалации обстановки. А Петька пытается предъявлять претензии, но, во-первых, от приковывания к лестнице он вовсе не протрезвел, а, во-вторых, Федору Ивановичу бесполезно что-то там предъявлять, уж я-то знаю!

Пробегаюсь по квартире и, слегка успокоившись, высовываюсь из-за двери. Картина маслом: бывший муж мрачно звенит наручником и пьяно матерится, а Хучик стоит в трех шагах от него и разговаривает с кем-то по телефону.

— ...до выяснения личности! — говорит мент. Потом переводит взгляд на меня и поясняет. — Сейчас приедут, заберут в обезьянник. До выяснения личности.

— Э-э... — испуганно булькает бывший муж, тыкая пальцем в меня.

— Сказано, до выяснения личности!.. — рывкает Хучик, и я торопливо открещиваюсь:

— Понятия не имею, кто это. Какой-то подозрительный тип...

Я замолкаю под недовольным взглядом. Двумя недовольными взглядами!.. Прежде, чем Петька успевает вновь перейти на русский матерный, Федор Иванович жестом отправляет меня назад, в квартиру.

Тихонечко прикрываю дверь, подсматривая в щелку. В самом деле, это же моя квартира и моя дверь, хочу подсматриваю, хочу нет!

Следующие полчаса я наблюдаю за медленно трезвеющим бывшим мужем и читающим тому нотации Хучиком. Потом приезжают менты, Федор Иванович снимает наручники, передает дебошира в их цепкие руки и возвращается допивать чай.

— У нас сейчас так просто в обезьянник не посадить, — рассказывает Хучик, поглощая бутерброд с колбасой. — Ну ладно, составят административный протокол по ст. 20.20 КОАП РФ, — поймав мой удивленный взгляд, он разъясняет, — появление в общественном месте в нетрезвом виде.

— И давно в моей квартире общественное место? — уточняю я с легким ужасом. Хотя с таким количеством посетителей...

— Не приставайте, Мариночка, — шурится следак. — И, знаете, давайте серьезно. Этот субъект, ваш бывший муж, будет таскаться за вами, пока не помрет или не сядет в тюрьму. Я, знаете, навидался таких семей. Удивительно, что вам вообще удалось развестись.

— Да я сама удивляюсь, — бормочу я, прикидывая, как бы перевести тему от бывшего мужа к расследованию. Когда, интересно, у Хучика закончится запал на нотации? Пинками к светлому будущему, тоже мне!

— Так что, Марина, вам лучше продать квартиру и переехать, — резюмирует Хучик, не обнаружив на моем лице признаков энтузиазма. — Вы только не делайте этого, пока идет следствие, хорошо? Подождите хотя бы до обвинительного заключения. Кстати, на чем мы

остановились?..

Я радостно подсакиваю: наконец-то! Про бывшего мужа мне надоело слушать еще в прошлом году, а гениальный совет с переездом мне вообще выдают в шестой раз. Ну, Хучик, по крайней мере, не требует делать это немедленно.

— Мы говорили про нападение на этого гнус... на Данилова, — говорю я, пока он не передумал обсуждать трупы. А то мало ли, решит добавить про Петьку, а у меня и без того передоз.

— Да, точно, — соглашается Федор Иванович. — Данилова ранят, но опрос свидетелей не дает результата, а улик слишком мало, чтобы выстроить версию. И вот, подарок судьбы: бестолковую Марину заносит на дачу к Данилову. Мы опрашиваем эту вашу Людмилу и узнаем, что ее любовник действительно что-то скрывал.

— Надеюсь, у нее не будет проблем? — смущенно уточняю я у мента.

После сегодняшнего визита в больницу мне жалко коварную отравительницу почти до слез. Мало того, что бедняга по уши влюблена в гадкого физика, что само по себе повод для огорчения — да еще и, похоже, она у него не одна!

Федор Иванович пожимает плечами:

— Только если вы захотите написать на нее заявление.

— Нет-нет, у нее и без того стресс! Да и побольше, чем у меня!..

— Я так и подумал, — с удовольствием отмечает следак. — В общем, Данилов раскололся. Под протокол. Он рассказал, что действительно не успел рассмотреть, кто его подстрелил, но зато успел пообщаться с Денисом Костылевым незадолго до его смерти. Мальчик был ужасно зол на отца и в то же время боялся возвращаться домой. Рассказать подробности он не успел — его выкинули из окна, пока ваш физик думал, что делать с новой проблемой. Убийцу Дениса он, кстати, не видел и вообще, говорит, подумал на суицид. Но когда результаты экспертизы по поводу смерти школьника стали достоянием широкой общественности, Данилов решил провести собственное расследование.

— Но зачем?..

— Не знаю, наверно, на вас насмотрелся. Так вот, Данилов просмотрел журнал посещений с вахты и не увидел там Костылева-старшего. Ну и, вы знаете, как это бывает: «я знаю его столько лет, он не мог»! Они знакомы с девяностых, — поясняет следак. — Так вот, Данилов утверждает, что начал подозревать Костылева только после смерти уборщицы. Как там ее зовут? Забыл. В общем, он понял, что уборщица могла провести Костылева в школу, не записав его в журнал. Кстати, он говорит, что вы очень помогли ему с запиской.

— По такой логике она могла привести в школу кого угодно, не обязательно Костылева, — торопливо говорю я. Еще не хватало, чтобы Федор Иванович снова начал пилить меня за записку!

— Мне кажется, Костылев себя выдал, — задумчиво говорит Хучик. — Только не знаю, чем именно. Упакуем — спрошу. А господин Данилов, в свою очередь, возбудил у него подозрения. Но он не хотел рисковать и отправил к нему сообщника. Собственно, только по этой причине он до сих пор жив — похоже, сообщник не смог довести дело до конца. Мариночка, не смотрите на меня так, я знаю, что это не вы. У нас есть несколько версий, но я, с вашего позволения, оставляю эту информацию при себе. Да, кстати! Нападение на вас и убийство школьного дворника с семейкой Костылевых не связаны, следствие по этим делам еще продолжается, и я не могу ничего рассказывать. Всему свое время.

Хучик замолкает и оправляет в рот последний кусок колбасы.

— Федор Иванович? А как же героическое описание захвата преступника и предъявления ему обвинения?

— Запланировано на завтра, — коварно улыбается Хучик. — Поэтому я и приехал. Хочу попросить вас не выходить из дома, чтобы ничего не сорвать. А то я заметил, вы любите случайно оказываться в местах совершения преступлений, совсем как ваша Даша Васильева. Так что сидите дома, заодно и простуду подлечите.

От такой трогательной заботы о моем драгоценном здоровье я снова начинаю чихать.

— Будьте здоровы! Вот, видите! Сидите дома, пока я не позвоню и не скажу, что все в порядке. Уверю вас, дальше не будет ничего интересного: дело раскрыто, убийца найден, а вопрос задержания это дело полиции.

Звучит логично, и я киваю. Но Хучик на этом не успокаивается:

— На всякий случай я поставлю у вашего дома наружное наблюдение. Постарайтесь не обращаться на него внимание. Костылев не знает, где вы живете, но риск все равно слишком велик.

Вот так все и заканчивается.

Хучик допивает третью кружку чая и сдержанно прощается, пожелав мне скорейшего выздоровления. Киваю. Вслед тут же летит новое пожелание: поменьше путаться под ногами у правоохранительных органов. Вот тут я уже не могу удержаться от возмущенного фырканья — к вящему удовольствию Хучика.

Следак бодро направляется к выходу, и я едва успеваю спросить, а как он вообще узнал про мою поездку в больницу.

Хучик смеется, заявляя, что у него везде свои люди, но потом все же решает удовлетворить мое любопытство:

— Все просто: в той же палате лежит один заслуженный ФСБ-шник, его неудачно ранили из травмата. Хотя нет, вы правы, наверно, все же удачно. Нет-нет, там вовсе не так интересно, можно сказать, бытовуха. Простите, я не могу разглашать, — поясняет следак в ответ на мой удивленный взгляд. — И вот, мы попросили его присматривать за Даниловым: кто к нему ходит, о чем разговаривает. И нам полезно, и он развлекается.

Я тут же вспоминаю бодрого мужика с хищным прищуром. Гляди-ка, и вправду мент! Интересно, сложно ли было Хучику пристроить его в нужную палату. Хотя не думаю. Уверена, что врачи и сами не прочь сгруппировать пациентов по типу ранений.

Хучик уходит, я укладываюсь в постель и достаю книжку. Но Эллери Куин не идет — мысли постоянно возвращаются к нашему делу. Пусть следак и уверяет, что дело раскрыто, для меня там все равно много белых пятен. Надеюсь, пойманный Костылев сможет пролить на них свет.

Хотя это вовсе не гарантировано. Во-первых, Костылев может не расколоться, а, во-вторых, жизнь это не увлекательный детектив, а Хучик это не Дегтярев, чтобы рассказывать мне тайны следствия. И я должна радоваться, что он в принципе что-то мне разболтал.

На этой позитивной ноте я засыпаю, потом на какое-то время вынырываю из дремы от фырканья кошки, желающей обмотаться вокруг моей шеи, но вскоре опять погружаюсь в сон.

Утром начинается со звонка в дверь.

Выбираюсь из-под одеяла, лениво потягиваюсь и бросаю взгляд на часы. Маленькая стрелка указывает на цифру «два», а большая с укором колеблется в районе «шестерки». Это же сколько я проспала? Так, легла сразу после ухода мента, чуть позже десяти, встала в полтретьего, значит... математические способности упорно не хотят просыпаться, в голове вертится какое-то сумасшедшее количество часов, не то пятнадцать, не то шестнадцать.

Одеваюсь и сонно плетусь к двери. В голове мелькает мысль, что нужно было сначала посмотреть в глазок, вдруг меня жаждет увидеть какой-нибудь Ярослав Костылев, или, что хуже, дорогой бывший муж. Торможу у глазка и..

— Чего застряла? — раздраженно спрашивают из-за двери. Распахиваю створку и обнаруживаю злую, заснеженную Катюку в ее любимом коричневом пальто и с коробкой конфет под мышкой.

— О, привет! А я думала... то есть не думала, — бормочу я, пропуская ее в прихожую. — Я вообще спать хочу. Наверно, из-за простуды.

— Только не говори, что опять перепутала меня с бывшим мужем, — фыркает подруга, скидывая промокшие сапожки. — Хорошо тебе, дома сидишь. На улице такая мерзость...

— Да, я вижу. Ты похожа на сугроб.

Катюка отправляется в ванную, а я иду ставить чайник, параллельно прикидывая, как бы поделикатней узнать, что ей нужно. Катерина не любитель бескорыстных визитов: обычно она или пытается перехватить денежку до зарплаты, или просит посидеть с ее восьмилетним сыном, пока она устраивает личную жизнь.

С деньгами получается редко — к концу месяца я сама сижу на «бомжатине» — а посидеть с сыном я соглашаюсь. Подруга не слишком придирчива при выборе «принца», и те кадры, которые попадают в ее любовные сети, детям лучше не показывать.

Правда, на этот раз Катюка не спешит меня о чем-то просить. Она устраивается на кухне, стаскивает прозрачную пленочку с коробки конфет и не особо жизнерадостно сообщает, что поругалась с очередным кавалером. Три чахлые гвоздики она бросила в его наглую физиономию, а конфетки пожалела, прихватила с собой. Правда, на полпути Катерина вспомнила, что у сынишки болит зуб, а сама она столько не съест. Так что ей сам Бог велел сходить в гости к Марине, которая обожает шоколад.

Сочувственно улыбаюсь — в этом вся Катюка. Она никогда не отказывается от того, что само плывет ей в руки, и в результате тратит кучу времени на попытки пристроить куда-нибудь то самое... плывущее.

М-да. Конечно, я не избалована элитным бельгийским шоколадом, но помадка это все-таки чересчур. Хуже может только кондитерская плитка эконом-класса, не тающая во рту и распространяющая тонкий аромат нефти.

— Кать, без обид, но твой бывший полнейший жмот.

Подруга кивает, но не спешит вдаваться в подробности. Катюка в принципе легко вычеркивает из своей жизни неудавшихся кавалеров на руку и сердце. А я вот никак не вычеркну злосчастного Петьку — всплывает и всплывает, зараза.

Печально вздыхаю и начинаю расспрашивать Катюку про школу.

Та радуется новой теме для разговора и спешно пересказывает все новости: мое

увольнение не особо помогло стремительно падающему авторитету школы — паникующие родители продолжают забирать детей из этого криминогенного заведения. Первые ласточки потянулись уже после смерти Дениса Костылева, а после нападения на физика кто-то распустил слух, что в школе завелся маньяк.

Интересуюсь у Катьки, кто мог сочинить этот бред.

— Тыфу на тебя, какой бред, — она тихо фыркает и берет в руки пустую сахарницу. — Совсем одичала. Где сахар?

Вспоминаю, что вчера сахар был, но я поленилась его пересыпать и накладывала в чай так, из пакета.

— Сейчас наберу, — вылезая из-за стола и начинаю рыться в кухонных шкафчиках. Помню, он лежал где-то здесь. Или там. Или... еще где-то. Память услужливо подсказывает, что я бестолочь. Спасибо, но данная информация и так мне известна.

Пока я обыскиваю кухню в поисках сахара, Катька развивает тему о школьном маньяке:

— Девятиклассника выкинули из окна, дворника пырнули ножом, уборщицу тоже пырнули, правда, не насмерть, учителя подстрелили... чем не маньяк? зуб даю, следующий — директор! — кровожадно заявляет Катька.

Мне отчего-то взбредает в голову влезть с уточнениями:

— А что ты Гальку не посчитала?

— Так у нее же сердечный приступ!

— А вот и нет! Федор Иванович... ну, помнишь, который из Следственного комитета? Маленький, круглый, голубоглазый, волос почти нет, одна седина. Так вот, он говорил, что Гальку отравили. Подсыпали ей какое-то сильнодействующее лекарство.

От избытка чувств Катька опрокидывает кружку:

— Точно маньяк!..

Ее изрядно разбавленный молоком чай разливается по столу. Хватаю кухонное полотенце, начинаю вытирать; Катька вскакивает и с руганью убирает на мойку конфеты и пустую сахарницу. В процессе она задевает локтем мою чашку и та падает, да так неудачно, что по полу разливается горячая лужа с лимонным ароматом. Печально поднимаю с пола отвалившуюся ручку — ну вот, опять полы мыть!

Катька виновато вжимает голову в плечи:

— Ну че, я-то причем... это ты так поставила, она бы все равно кокнулась...

Секунд двадцать, не меньше, обдумываю это замысловатое извинение — на первый взгляд кажется, что меня еще и обозвали криворукой, но в этом вся Катька. На нее нельзя обижаться. С улыбкой просвещаю подругу, что на самом деле в этом происшествии виноваты советские строители, которые пожалели квадратных метров для нашей кухни, после чего иду в ванную за большой тряпкой.

Катька с ногами забирается на табуретку и продолжает рассказывать: на прошлой неделе Бориса Семеновича увезли на «Скорой» с гипертоническим кризом, но вчера наш неугомонный директор снова появился на рабочем месте и продолжил руководить школой с присущим ему энтузиазмом. Катька подозревает, что он сбежал из больницы, радея о благе вверенного ему учебного заведения, ведь после гипертонического криза так быстро не отпускают.

— Я думаю, это и есть маньяк, — заговорщически сообщает подруга.

Мне очень хочется рассказать Катьке, кто на самом деле совершил эти убийства, но нельзя, Хучик не одобрит. Особенно если при задержании случится какая-нибудь накладка и

Костылеву удастся сбежать.

А жаль. Я бы с удовольствием успокоила Катю — а то она явно видит себя следующей жертвой выдуманного маньяка. Хотя по-моему это логично — если не знать о ситуации с Костылевым, можно подумать, что убийца специализируется на уборщицах.

Пока я размышляю о маньяках, Катя ворчит, что я кулема, и как можно жалеть человека, который тебя уволил. Пытаюсь объяснить, что на самом деле Борис Семенович не плохой, просто нервный и слишком сильно печется о благополучии школы. А я... как говорится, лес рубят — щепки летят. Ну и ладно. Специалисты моей «эксклюзивной» профессии требуются везде, вот вылечу простуду и вплотную займусь работой.

Какое-то время мы обсуждаем состояние рынка труда уборщиц, потом переходим на женские мелочи, и вот наконец Катя заявляет, что ей пора. Старательно изображаю на лице огорчение. За последний час подруга совсем утомила своим пессимистичным настроением и постоянным брюзжанием в адрес несовершенного мира. Наверно, я просто отвыкла от ее общества.

В прихожей Катя с огорчением обнаруживает, что сапоги до сих пор влажные. Радужно предлагаю засунуть газету. Подруга отмахивается, уверяя, что добежит до дома и без самодельных стелек. Все равно, если на улице до сих пор идет утренний снег с дождем (а с чего бы ему перестать идти?), она промокнет меньше, чем через минуту.

Сочувственно поддерживаю разговор:

— Ага, только вышел, уже весь в грязи.

Катя подозрительно щурится:

— Ой, не надо ля-ля! Это ты везде грязь найдешь, а я хожу аккуратно!

Демонстрирую ей чуть заметные бурые пятнышки на рукаве пальто. Катя приходит в ужас и начинает перебирать всех встречных водителей, пытаюсь сообразить, кто ее так обрызгал.

— Да ладно, сейчас даже шпроты отстирываются.

Последняя фраза возвращает подруге почти утерянный оптимизм:

— Скажи: Катя, дура, запарила нить, — хихикает она.

Растягиваю губы в улыбке и открываю дверь. Запарила, конечно, но если сказать, то она обидится.

— Пока! Заходи.

— Зайду как-нибудь, — откликается Катя, исчезая из зоны видимости вместе со своим дурным настроением, мокрыми сапогами и заляпанным грязью пальто.

Скрываю вздох облегчения и отправляюсь на кухню перемыть полы после чая и Каткиных депрессивных флюидов. Запала хватает на пять минут. Еще полчаса я хожу нога за ногу, борясь с желанием забросить стихийную уборку и лечь на диван с книгой.

Потом звонит Хучик.

— Не знаю, как вам сказать, — начинает следак. — В общем, мы отзывает наружное наблюдение, так что можете сходить погулять. Предупреждаю ваши вопросы: нет, мы его не взяли. Костылев застрелился.

— Как?!

— Надеюсь, это не риторический вопрос, — хмыкает мент. — Взял пистолет, засунул в рот и нажал на курок. Что интересно, по Валентину Данилову, скорее всего, стреляли из этого же оружия. Полное соответствие установит экспертиза.

— Федор Иванович, а когда... это случилось?

— Утром, — судя по голосу, Хучик морщится. — Мы опоздали часа на три. Ну что ж, поздравляю, дело закрыто.

Мент обещает зайти ко мне вечером, но как-то не слишком уверенно. Напоследок он сообщает, что его ребята заметили, как в подъезд шмыгнула какая-то мелкая подозрительная бабенка.

— В коричневом пальто? Тогда это Катька, моя подружка. Вы ее знаете, она тоже работает уборщицей в нашей... в моей бывшей школе. Но вы не волнуйтесь, мы просто попили чаю и немного посплетничали, не про убийства.

Хучик успокаивается и снова обещает заехать.

После этого звонка и чай уже как-то не пьется, и вообще на душе становится невесело. С одной стороны, все сложилось неплохо, а гнусный убийца нашел тот же конец, что и его несчастные жертвы. С другой — мы уже никогда не узнаем всех подробностей этого кровавого дела, не заполним белые пятна в рассказанной Хучиком истории и...

Размышления о белых пятнах в кровавой истории прерывает дверной звонок. Вот кто там опять! Надеюсь, за дверью не прячется внезапно воскресший Ярослав Костылев. Или, скажем, Костылев-зомби с дырочкой в голове...

Но нет, в квартиру снова вваливается недовольная Катька:

— Еще раз привет. Я не забыла у тебя зонтик?

— Да вроде нет...

Она волчьим взглядом оглядывает прихожую и, как и я за секунду до этого, обнаруживает отсутствие каких-нибудь подозрительных зонтов.

Прикрыв глаза, вспоминаю: звонок, в дверь бочком проскальзывает Катька в своем потертом коричневом пальто. На голове у нее вязаная шапка, на ногах — коричневые сапожки длиной до середины икры, на плече сумка, в руках коробка конфет.

— Честно говоря, не припомню никаких зонтиков...

Катька жалобно шмыгает носом:

— Может, на кухне? На, поддержи, — она сует мне шуршащий пакет с какой-то стеклянной бутылкой, скидывает сапожки и бросается на кухню. — Вот блин!..

Действительно, блин. На кухне нет никаких зонтов. Может, Катька забыла его у своего кавалера, любителя бюджетной «Палитры» и утренних походов в кино?

Подруга неопределенно пожимает плечами, забирает пакет и зачем-то ставит на стол бутылку водки. Неслабую такую, поллитровую, если не больше. Снимает крышечку:

— Хочешь?

— Я? Ты это мне? — оглядываюсь, и, не обнаружив на кухне других кандидатов, перевожу недоуменный взгляд на Катьку. — Ты что, забыла, что я не пью? Аллергия.

Катька кивает и тычет в меня чекушку. Ах, нет, чекушка это же четверть литра, а тут половина.

Не суть.

Проблема не в водке, а в том, что мне почему-то не нравится Катькина кривая ухмылка.

Я открываю рот, чтобы спросить ее, в чем проблема — а Катька не медлит, она хватается кухонный нож и тычет мне в ребра.

— Ай! Ты рехнулась?! — пытаюсь отшатнуться от этой маньячки, но она хватается за шиворот и снова прижимает нож к ребрам.

— Пей, солнышко, — ласково произносит «подружка». — Пей или узнаешь, почему пирожки по четыре копейки.



Никогда не понимала этот дикий анахронизм, но сейчас Катька явно имеет в виду, что если я не выпью пятьсот грамм водки, то получу «перо под ребро». С другой стороны, мой несчастный, непривычный к злоупотреблению алкоголем организм может эти поллитра не пережить. Наверно, на это как раз и рассчитывает моя бывшая коллега. А что? Смерть от водки — почти не криминал, и даже Хучик, наверно, не успел изучить меня так хорошо, чтобы знать — я не беру в рот спиртного ни при каких обстоятельствах. Мой максимум это однопроцентный кефир (говорят, в нем тоже есть пару градусов алкоголя). Вполне ожидаемо становится не по себе, и в пустой голове вертится нелепая мысль о том, что когда тебя хочет прибить единственная подруга, это не столько детектив, сколько банальное «мыло».

Впрочем, меня немного оправдывает тот факт, что изначально подруг было две, но одна погибла при загадочных обстоятельствах. А интересно...

— ...как ты собираешься закалывать меня этим ножом? Он же тупой, как мой бывший муж. Я даже не помню, когда его точили в последний раз. В смысле нож.

Катька демонически шмыгает носом:

— Заколю, не бойсь. Тупым ножом тоже можно, только больнее, — она толкает меня на стул и доброжелательно добавляет. — Пей водку, умрешь безболезненно. Вот щас нажрешься и даже не почувствуешь свой отек Квинке.

— Зашибись перспективы...

Осторожно, чтобы не поймать еще пару царапин, усаживаюсь за стол и ощущаю какой-то предмет в кармане домашних штанов. Похоже на телефон. Кажется, я машинально сунула его в карман после беседы с Хучиком...

Кстати.

Тихонько нащупываю кнопку звонка. У старых моделей там специальные рисочки, очень удобно.

Вот только гудок на исходящем вызове слишком громкий. Зараза!

Катька с матюками отнимает телефон, сбрасывает и, вижу, с трудом удерживается от желания отвесить моей скромной персоне воспитательных пинков. Экс-подруга явно не хочет портить побоями потенциальный труп.

Философски пожимаю плечами:

— А ты как думала, в сказку попала?..

Тут Катька срывается, начинает визжать, отвешивает мне оплеуху и тычет в зубы горлышко от бутылки. Не рискую противоречить — в таком состоянии она реально прирежет и не заметит — делаю глоток и захлебываюсь тошнотворной обжигающей жижей.

Прокашлявшись, глубокомысленно замечаю:

— Ты, Кать, хотя бы пустырник попей. Убийца это очень нервная работа. Или у тебя это хобби?..

Катька широко распахивает глаза, начинает нервно смеяться, параллельно задвигая какие-то невнятные объяснения, что это все ради сынишки. Угу, десять раз. Ребенку в любом случае лучше жить в бедности, а не в детдоме, в который он попадет, когда Катька сядет в тюрьму. А если не сядет, то мама-убийца — тоже не самый лучший вариант.

После второго глотка я начинаю ощущать неотвратимое влияние алкоголя. С одной стороны это вроде расслабленность, с другой — стало сложнее сосредоточиться, в том числе на собственном спасении.

После третьего глотка голова начинает слегка кружиться, и сразу же вспоминается, что я не закусываю, и что на непривыкший к алкоголю организм водка действует сильнее. А

если с учетом недолеченной простуды — еще сильнее. Типа одно лезвие бреет чисто, второе — еще чище. Боюсь, совсем скоро я буду находиться в нетранспортабельном состоянии, и Катерине придется самостоятельно вливать омерзительное пойло в мою бессознательную тушку.

Пока это не произошло, хотелось бы уточнить пару моментов. Бывает, у преступников появляется желание обсудить свои кровавые преступления, а несчастная жертва успевает сбежать... или к жертве успевают приехать менты.

В любом случае мне не помешает притвориться пьянее, чем есть на самом деле — может, экс-подруга расслабится и... см. выше.

— Слышь, Кать! Может, расскажешь, из каких соображений ты всех поубивала?...

Вот оно, тлетворное влияние этилового спирта! Простая фраза «из каких соображений» уже дается с трудом и почему-то вызывает у Катьки легкий ступор:

— Кого?.. — от неожиданности маньяческая подруга опускает руку с ножом. Тут-то бы и воспользоваться моментом, но я, как и водится в истории, торможу и вместо того, чтобы изображать Джеймса Бонда, начинаю послушно перечислять Катькиных жертв.

— Всех: Дениса Костылева, его сестру, бедного дворника Павлыча, Гальку, потом Ярослава Костылева, хотя говорят, что он застрелился, потом физика и меня, правда, еще не совсем...

С каждым именем Катькины глазки все больше расширяются:

— Рехнулась?! Я не мясник!..

Торопливо собираю в кучку разбегающиеся мозги:

— Ладно, допустим, что деток прикончил сам Костылев. Но дворник и Галька точно на тебе!..

— Я. Не. Убивала. Дворника, — чеканит бывшая подруга и снова сует мне бутылку.

Глотаю, отфыркиваюсь, вытираю выступившие слезы и снова гну свою линию. Бывших уборщиц просто так не заткнуть! Особенно когда они уже слегка пьяные...

— Но Галька-то на тебе! Не отпирайся!.. Ее могла убить только ты! Галька заметила, что Костылев бродит по школе и позвонила ему из учительской! Потом она написала тебе записку, чтобы ты задержалась после уроков, и поделилась своими подозрениями. Но к тому времени тебе уже позвонил Костылев и ты запаслась сердечным средством. Подсыпала его в Галькину чашку, подождала, пока бедняга выпьет, и ушла по каким-то делам! Мы гадали, почему дверь оказалась закрыта на щеколду — наверно, именно ты и велела Гале ее закрыть! Я, мол, сейчас отойду, а ты посиди. Менты рассказали, что эта сердечная гадость очень быстрого... ммм... действия. Думаю, ты дождалась, когда Гальке станет плохо, выключила свет на щитке и ушла...

Бледная Катька залепляет мне новую пощечину — наверно, ее стоит расценивать как признание?

От этой мысли становится весело, и я начинаю тихонько хихикать.

— Ты ничего не курила? — мрачно вопрошает экс-подруга. — Давай, еще два глоточка, и я от тебя отстану.

А, впрочем, почему бы и нет? Помирать, так с музыкой! Еще никогда не загибалась от алкогольного отравления. Катька, конечно, надеется на отек Квинке... хрен ей, а не отек. Перебьется.

Храбро подношу бутылку к губам, мимоходом отмечая, что координация движений уже не та. То есть я и раньше не отличалась газельной... газелиной... в общем, грацией газели, а

тут вообще чуть не уронила злополучный бутыль.

— Держи прямо, пьянь, — бухтит Катька, и от этой фразы становится жутко обидно. Вообще-то я не брала в рот ничего алкогольного больше двадцати лет, да и до этого не особо бухала. Если бы не «подружка» с ножом наперевес, я бы еще с полсотни лет не пила. А она: пьянь. Обидно.

Ловлю себя на низком, мелочном желании вцепиться Катьке в волосы. Хм... Стоит ли отказывать себе в такой малости, если я имею все шансы поймать в живот нож, когда Катька поймет, что я не планирую задыхаться после водяры?..

Увы. Мне не удастся реализовать сие благородное намерение — звонит телефон. Катька берет аппарат в руки и демонически шипит:

— Он перезванивает!.. Кстати, кто это? Подписан как «Мопсик»!

— Мой кавалер!

На самом деле это свежепереименованный Хучик, но Катьке лучше об этом не знать. Может, она разрешит взять трубку и сказать ему пару слов. А то кавалеры, они народ приставучий, если просто сбросить вызов, могут и не отстать. Или приехать, если решат, что с «прекрасной дамой» в лице экс-уборщицы что-то случилось.

Катерина явно думает так же. Она приставляет нож к моей шее:

— Бери трубку и без глупостей!

О как! «Без глупостей!». Очень хочется попросить ее убавить градус пафоса — в конце концов, тварь я дрожащая или право имею?.. Право, чтобы меня убили без идиотских мелодрам.

Хотя сейчас явно не время качать права, моя психанутая подружка не в настроении дискутировать по поводу прав и свобод жертв кровавых преступлений. Свободной рукой она нажимает на зеленую кнопку, сует мне телефон и кивает.

— Д-добрый вечер, милый, — торопливо говорю я.

— Добрый день, Марина. Звонили? — с некоторым удивлением вопрошает Хучик. Очень хочется плюнуть на Катьку и завопить, что мне нужна помощь, но тупой нож у горла как-то не вдохновляет. Придется импровизировать.

— Нет, дорогой, я случайно тебя набрала. Не волнуйся. Все в порядке.

— Точно в порядке?.. Мне кажется, у вас что-то с голосом, — бубнит мент.

А мне вот кажется, что у него что-то с мозгами. Подумал бы головой, с какой это стати мне ему «тыкать»?!. Если я два с лишним месяца торжественно именовала его «Федор Иванович», а сейчас неожиданно перешла на «милый» и «дорогой», значит, дело нечисто!

И все-таки хорошо, что Катька не знает о моих взаимоотношениях с этим типом. К тому же она обожает сопливые романы (что книжные, что сериальные) и до сих пор грезит о настоящей любви. Так что мои «муси-пуси» едва ли ее насторожат...

— Нет-нет, любимый, все... хорошо. Приезжать... не нужно. Целую, — и я героически чмокаю трубку. Катька закатывает глаза, но молчит, а до Хучика наконец-то доходит.

— Так, Марина, если вам нужна помощь, скажите «котик», — торопливо произносит мент, после чего уточняет. — В любом контексте. Положите трубку, если вы дома, а если нет — тяните время, попробуем отследить звонок.

Оглядываюсь на Катьку — она могла расслышать его бормотание (гудок же в кармане расслышала!). Но нет, экс-подруга сидит и сверлит меня глазами как ни в чем не бывало.

— Ладно, кот...ик!.. до встречи!

Увы, последняя фраза немного смазывается из-за икания. Наверно, это флюиды гадкой

Катьки.

— Чего так долго? — бухтит она, опуская руку

Трагически пожимаю плечами:

— Прощалась. А... вдруг я больше его... ик!.. никогда... не увижу?..

В глазах Катьки на мгновение загорается огонек сочувствия. Какие-то доли секунды она колеблется... потом справляется с приступом милосердия, бормочет про то, что «вдруг» в моем случае неуместно и снова сует в зубы бутылку.

— Пей.

Делаю глоток, затем — еще, и еще. Реальность постепенно скатывается в большой серый ком — даже не в ком, а в моток фотопленки. Перед глазами всплывают отдельные кадры. Кажется...

Кажется, я таки реализую свою «мечту века» и хватаю Катьку за волосы. При этом я вроде бы даже ору, почему она, сволочь, прибила Костылева до того, как я успела его допросить. Подруга не знает, что возразить, и бьет меня в нос. С размаху. Рукой с зажатым ножом. По счастью, мне прилетает той стороной, где кулак. Хотя... если учесть уровень тупизны лезвия, там особо не критично.

Кажется, у меня идет носом кровь, и от этого мне очень весело. Ору про «Кровавую Мэри» и предлагаю Катьке выпить на брудершафт. Вовремя вспоминаю, что не из чего, так как водку из кружек не пьют, а единственная не разбитая рюмка из подаренного на свадьбу набора благополучно перекочевала к бывшему мужу.

Кажется, после этого я начинаю плакаться Катьке на горести жизни с алкоголиком, перечислять эпические подробности нашего с ним развода, хвастаюсь шрамом от вилки, а под конец начинаю рассказывать о вчерашнем столкновении Петьки и Хучика.

Кажется, при этом я называю Хучика Хучиком. Вслух.

Кажется, Катька не понимает, кто это, и я пытаюсь ей объяснить.

Кажется, мои объяснения никуда не годятся, благо я прерываю их на самом интересном месте и предлагаю выпить за родную полицию, которая нас бережет.

Кажется, Катька не хочет за это пить.

Кажется, я возмущаюсь до глубины души и заявляю, что если не пить за ментов, то они могут прийти и сами за себя выпить. И вообще они очень милые, дружелюбные и заботливые, довозят уборщиц до дома и кормят бомжатиной.

Кажется, Катька не совсем правильно понимает слово «бомжатиная».

Кажется, Катьке мерещится звук открывающейся двери. Возникает подозрение, что экс-подруга таки ухитрилась выпить, причем неслабо (хотя я не представляю, когда). Она, естественно, отрицает, ну да кто признается!

Кажется, я начинаю терять равновесие (особенно интересно делать это, когда сидишь). Параллельно Катька теряет терпение, хватает меня за шиворот и грозно вопрошает, сколько еще нужно водки, чтобы я начала задыхаться от аллергии.

Кажется, я безуспешно пытаюсь ответить. Язык лениво ворочается во рту, и вместо «Тебе что, жалко?» выходит какой-то невнятный бубнеж.

Кажется, к нам на кухню заваливаются менты. Вяжут руки Катьке и заявляют, что та арестована по подозрению в убийстве Ярослава Костылева и покушении на убийство меня. Впрочем, я сама это не вижу, так как безуспешно пытаюсь оторвать физиономию от столешницы.

Кажется, менты спрашивают у Катьки, зачем ей потребовалось вливать в меня водку, и

та, вся на нервах, сдает свой «гениальный» план.

Кажется, я вижу мрачного, недовольного Хучика, который отправляет меня на промывание желудка (второй раз за неделю!) и нервно, очень нервно говорит кому-то, что у меня аллергия на этанол и я вот-вот начну задыхаться. После чего ласково поясняет, что именно и в какой последовательности он оторвет у врачей, если я вдруг умру.

Кажется, я наконец отлепляю голову от стола и объясняю Хучику, что на самом деле у меня нет никакой аллергии. Просто обычно я вру про нее тем знакомым, которые не в состоянии понять, что здоровый человек может просто не хотеть пить. В моем окружении таких, к сожалению, большинство.

Кажется, Федор Иванович таки обладает сверхъестественными способностями — ему удастся расшифровать тот бред, который я задвигаю про аллергию. Мент успокаивается, хотя ему по-прежнему не нравятся потеки крови на моем лице.

Кажется, дальше надо мной изгаляются медики, сопровождая лечебные процедуры издевательскими рекомендациями больше не пить.

Кажется, в итоге я таки оказываюсь в больнице под капельницей, и Хучик, из непонятных соображений не уехавший с повязанной Катькой, рассказывает мне про Костылева. Сначала менты решили, что тот покончил собой, но потом выяснилось — все не так-то просто. К моменту смерти он уже был без сознания вследствие черепно-мозговой травмы, и при всем желании не сумел бы засунуть в рот пистолет и нажать на курок. Все это проделала чужая рука.

Кажется, все уже знают, чья.

На этой позитивной ноте Хучик уходит. Дожидаюсь, пока из меня извлекут капельницу и с чистой совестью засыпаю. И снится мне...

И снится мне какой-то совершенно не связанный с расследованием бред. В нем почему-то фигурирует Хучик, наряженный в смокинг а-ля Джеймс Бонд, с ведром в одной руке и тряпкой в другой. В зубах у него морской кортик и ворох карт. Мент играет в покер с моим бывшим мужем, чья алкогольная морда «красуется» в коричневом свадебном пиджаке. Петька постоянно мухлюет, за что каждый раз получает ведром.

Увы, мне так и не удастся узнать, для чего следаку нужна тряпка — начинается другая, менее бредовая ветка сна.

После всех драматических событий я просыпаюсь в больнице с ужасной головной болью и весьма смутными воспоминаниями о случившемся.

Помню, я как-то слышала, что иногда люди забывают о том, что было с ними во время пьянки. Ну, вроде как алкоголь убивает те клеточки мозга, на которые были записаны воспоминания. По крайней мере, это официальная версия. Галья, которая тоже периодически общалась с алкоголиками, утверждала, что на самом деле они все помнят, но вдруг про потерю памяти, потому, что им стыдно. Не знаю, не знаю, Петька точно не врал — сомневаюсь, что ему вообще известно слово «стыд». Правда, наличие у него мозга тоже под большим вопросом. Лично я данный орган ни разу не видела, а некоторые поступки бывшего мужа позволяют предположить, что думает он другим местом.

Так или иначе, из моей головы вроде ничего не исчезло, только воспоминания о «дне икс» подернуты легкой дымкой и выглядят как-то бредово. Ну, в самом деле: мерзкая Катька пристрелила Ярослава Костылева и пыталась убить меня (!), напоив водкой до отека Квинке (!!), чтобы выдать мою смерть за несчастный случай. При этом она тыкала в мои ребра моим же ножом и говорила гадости, а я в это время названивала Хучику со своими пьяными шифровками, ужас! Нормальному человеку такое в голову не придет. Впрочем, мент заявил, что привык к моим выходкам и перестал удивляться чему бы то ни было после того, как я приползла к дверям Следственного комитета с ножевым ранением. Сомнительное утешение, если честно.

В больнице я провожу целых четыре дня (из них два выходных), причем без каких-то серьезных причин. Причем в последние три меня даже не лечат, я просто лежу! Невольно закрадывается мысль, что к моему заточению причастен Хучик. Не удивлюсь, если он попросил врачей оставить меня подольше, чтобы не путалась у него под ногами.

В дальнейшем Хучик решает эту проблему куда более радикально — устраивает меня на работу!

И вот уже две недели в трудовой книжке красуется новая запись, а я, гордая и счастливая, встаю в семь утра и несусь в городскую библиотеку. Да-да, теперь я мою полы именно там. Работы, пожалуй, поменьше, зарплата почти как в школе, зато я имею почти неограниченный доступ к книгам.

К тому же у меня неожиданно появилась туманная перспектива «карьерного роста» — начальница, хорошая знакомая Хучика, обещает пристроить в библиотекарю сразу, как будет вакансия. Образование там вроде не требуется, только курсы. Впрочем, в этот вопрос я пока не вникала. Штат у нас состоит из бабулек-долгожительниц, на пенсию они не спешат, а сокращать их поголовье на манер Родиона Раскольникова, вооружившись за неимением топора подарочным изданием Достоевского, я как-то не собираюсь.

Кстати, о Достоевском. Людмила-Литература рассталась с физиком и покинула школу. В каких краях теперь обитает данная птица, мне неизвестно, а о причинах ее расставания с возлюбленным остается только догадываться. Возможно, ее утомило нытье, а, может, Литература узнала, что господин Данилов ей изменяет. Так или иначе, эта причина оказалась достаточно веской, чтобы учительница бросила работу в середине учебного года. Могу представить, что ей сказал Борис Семенович.

Он, кстати, полностью оправился от болезни и снова борется за престиж школы в своем

любимом режиме «цель оправдывает средства». Место уборщиц на вахте заняли сотрудники вневедомственной охраны. Они же теперь дежурят у запасного выхода, который давно был бельмом на глазу у директора. Процент детишек, курящих за школой, резко упал — особо отмороженные подростки теперь дымят в туалете, а остальные... не знаю. Наверно, бросают.

Физик вышел из больницы и продолжает трудиться на прежнем месте. Ну вышел и вышел — прекрасно, живи и радуйся. Так нет, его отчего-то понесло ко мне. Увы, я так и не узнала, зачем, так как в это время у меня уже сидели Хучик с Вадимом. Валентин Павлович явно постеснялся нашего следака — высокомерным тоном произнес пару ничего не значащих фраз и исчез.

Хучик недоуменно пожал плечами и предположил, что этот субъект пришел извиняться за ту историю со скелетом. Вадим же принялся горячо настаивать на том, что физик пришел умолять меня не подавать на него в полицию. Даже бутерброд отложил — Данилов ему не нравится.

Кстати, в тот день я наконец-то узнала личность нашего загадочного «стажера», именуемого Хучика «дядя Федор» и без колебаний залезающего к нему в сейф — Вадим оказался «бывшим пасынком» нашего доблестного мента. Федор Иванович был женат на его матери без малого десять лет. Теперь у нее новый брак — мама, как шутит «стажер», сменила мента на врача. Совместная дочь Хучик и Ирины, двенадцатилетняя Надюша, живет с мамой и ее новым мужем, но тоже периодически навещается в гости к менту.

— Я учусь на последнем курсе юрфака, заочка, — рассказывает Вадим, посвящая меня в «мыльносериальные» подробности своей жизни. — У нас сейчас практика. Трупов нафоткал, народ обзавидуется...

Вот тут я, кстати, согласна с Вадимом. Уверена, трупы произведут фурор. Эх, жаль, что я в свое время не пошла на юриста (это вовсе не значит, что мне нравятся убийства, просто понравилось расследовать). Работала бы сейчас в полиции, ловила бы преступников... глядишь, и в тюрьму бы не села. Хотя как знать.

Ну ладно, сделанного не воротишь, а на второе высшее у меня пока денег нет. Чисто в теории можно было бы взять кредит... то-то в банке повеселятся. Хм... пожалуй, отложим эту интересную мысль до лучших времен. Хотя Вадим говорит, что у него на курсе учится женщина в возрасте, и ничего. Нормально учится, кстати. И тоже второе высшее. В общем, надо подумать...

Федор Иванович, кстати, воспринял визит физика чуть ли не как личное оскорбление и с того для постоянно настаивает на том, чтобы я подала на реабилитацию. С ментом, ну, тем, зеленоглазым следаком, он договорился, и тот не против. А физика, говорит Хучик, все равно не посадят, прекратят дело по истечению сроков давности. Но мне, если честно, все равно не очень хочется опять в это ввязываться. Перспективы получить какую-то компенсацию за незаконное осуждение довольно туманны, зато седых волос у меня прибавится, это точно. Мне кажется, оно того не стоит.

Зараза Хучик, конечно, продолжает настаивать, но я рассчитываю на то, что вскоре ему надоест со мной возиться. По моим подсчетам, он должен забыть о бестолковой уборщице вскоре после окончания следствия. Не то чтобы я имела что-нибудь против Хучика, просто едва ли ему не дают покоя лавры полковника Дегтярева. Уверена, что когда Катьку закроют в тюрьму, а материалы уголовного дела положат на полку, следак перестанет появляться в моей жизни.

Хотя сейчас он присутствует в ней даже с избытком. На той неделе он заходил, неделю

назад заходил, а сейчас, напротив, я пришла в Следственный комитет, чтобы поучаствовать в интересном мероприятии под названием «перекрестный допрос». Сажу на скамеечке, жду, пока привезут Катьку. Из-за меня бывшую подругу посадили под стражу, хотя могли бы оставить дома, под подпиской о невыезде или под домашним арестом.

То есть не совсем из-за меня... судья колебался, но менты убедили его тем аргументом, что Катька дважды покушалась на мою жизнь, и не стоит давать ей возможность доделать начатое.

Мне, если честно, не верилось, что Катька реально могла бы... доделать это самое, начатое. Я даже попеняла Хучику за свирепость. Но теперь, когда она проходит по коридору в окружении конвойных, недобро щурит глаза и бросает: «Явилась, кумушка!», как-то даже и верится. Просто потому, что мне повезло больше, чем ей.

И мне остается только обиженно проворчать:

— А когда ты угрожала мне ножом, я тебя кумушкой не обзывала!..

Бывшая подруга не успевает ответить — ухмыляющийся конвой заводит ее в кабинет. Просачиваюсь следом, повинуюсь команде высунувшегося мента.

Озираюсь по сторонам, изучаю обстановку. Перекрестный допрос проходит в другом кабинете — в обиталище Хучика элементарно не влезло бы столько народу. Я, мент, Вадим, Катька, двое ее конвойных и государственный адвокат — молоденькая девушка с объемными формами. Последняя очень старается сохранять нейтральное доброжелательное выражение лица, но иногда сквозь маску становится видно, что она в легком шоке. Еще бы! Зеленой адвокатессе хорошо бы потренироваться на чем-нибудь мелком — кражах, угонах, мошенничествах — а не сразу переходить к нашему кровавому делу. Тут одни фотографии чего стоят!..

Устраиваясь поудобнее на жестком, неудобном стуле, я слышу, как Вадим потихоньку говорит Хучику:

— Сейчас будет шоу...

Я с ним почему-то согласна. Мы с Катькой легко превратим любое следственное действие в балаган.

Правда, сначала все идет тихо-мирно: Катерина спокойно рассказывает, как познакомилась с Костылевым — за небольшую мзду он попросил ее провести его в школу. Конечно, о цели визита он ничего не сказал. Потом, опять-таки по указке Костылева, ей пришлось подсыпать Галине сердечного средства. Сообщник уверял, что дозировка совсем небольшая, она не убьет, а всего лишь отправит уборщицу на больничную койку...

Когда Катька начинает втирать, будто бы Костылев велел ей организовать нападение на «бестолковую Марину, которая лазает по школе и явно что-то вынюхивает», я не выдерживаю:

— Ври больше! Он про меня и понятия не имел!

— Я не хотела тебя убивать! — шипит экс-подруга. — Думала, попадешь в больницу и перестанешь лезть куда не следует!

Не знаю, не знаю, мне кажется, Катька как раз и сдала меня Костылеву. После чего он и выдал ей денег на «решение проблемы».

Кстати, Хучику удалось найти тех придурков, которых «подруга» наняла для нападения на мою скромную персону. Мужики уверяют, что Катька, демонически кутаясь в коричневое пальто, показала им мое фото и попросила «почикать ее». Дословно. Про убийство вроде бы речь не шла, но если бы я истекла кровью или утонула бы в луже, школьному персоналу



пришлось бы скидываться на гроб.

Кстати, Федор Иванович полагает, что и Катьку, и Костылева устроили бы оба варианта: и с долгим больничным, и с быстрым кладбищем. Но убийство стоило бы дороже, а Катька решила съэкономить и оставить часть денег сообщника себе.

Но стоит менту заикнуться про деньги, как Катька начинает орать:

— Вы!.. Вы все хорошо устроились, обвиняете меня и не знаете, каково жить на зарплату уборщицы! Работать как проклятая и считать копейки до следующей получки!..

Она продолжает голосить о том, как тяжело приходится труженику ведра и тряпки, и постепенно Вадим, адвокатша, конвой... и даже Хучик отводят глаза.

— ...не побывать в шкуре уборщицы...

— Кхм-кхм, — деликатно напоминаю о своем присутствии. — А я, по-твоему, кто?...

Катька на мгновение осекается, присутствующие отмирают, и мне удается вставить словечко:

— Нормальные уборщицы живут на эту «нищенскую зарплату» и никого при этом не убивают!..

— Но у меня ребенок!..

— А у меня был муж-алкоголик!.. На него тоже куча затрат. Но я никого не убила, хотя могла бы.

На фразе про мужа Катьку выносит — по правде говоря, я и раньше замечала, что факт наличия у меня законного брака (пусть даже и с алкашом) вызывает у подруги легкую зависть пополам с раздражением.

Катька вскакивает со стула и переходит на визг:

— Да ты, «цензура», больная! Блаженная!.. Крыша поехала, вот тебе ничего и не надо! «В одних сапогах восьмой год, а, нет, пойду детективов куплю!». На, «цензура», на, получи свой «цензура» детектив!.. Давайте, сажайте меня в тюрьму, а ее упекуйте в психушку!..

Хучик прерывает ее монолог грозным рыком. Катерина не сразу, но затыкается, и Вадим сочувственно протягивает мне стакан с водой. Интересно, зачем? Как будто это я тут орала и брызгала слюной. Неужели я выгляжу так, словно нуждаюсь в утешении? Если это действительно так, то впечатление обманчиво, просто... просто печально, что я, тупица, могла принимать за подругу эту злобную, завистливую кикимору.

Допрос тем временем продолжается. Катька, видимо, понимает, что «косить» под несчастную овечку больше не выйдет, теряет последние тормоза и начинает откровенно жаловаться на Костылева. Причем не на то, что тот принуждал ее к преступлениям, шантажировал или не давал денег, а вовсе наоборот! На то, что он был отвратительным организатором убийств! Неумелым, трусливым и бестолковым.

За что он не брался — все выходило наперекосяк. Раз в жизни перебрал коньяка — изнасиловал дочь, хотел нормально поговорить с сыном — случайно выбросил того из окна. Зато когда решил избавиться от Данилова — не добил!.. Подкараулил на даче, отобрал телефон — и поленился сделать контрольный в голову! Разве не идиот?.. Ну а последняя выходка? Решил избавиться от сообщницы, с утра вызвал Катьку, дал денег, вручил конфеты и попытался застрелить пистолетом, не снятым с предохранителя!

Пока он разбирался с оружием, Катька пихнула его в грудь. Пуля ушла в потолок, Костылев упал и ударился головой о тумбочку, и Катерине оставалось лишь обернуть руку шарфом, засунуть пистолет ему в рот и нажать на курок. После чего Катька вздохнула, протерла от крови конфеты и зачем-то поехала ко мне. Выпила со мной чаю, обсудила

убийства, убедилась, что я ничего не подозреваю, попрощалась, ушла...

И вернулась с бутылкой водки, зараза!

— Послушай, Кать, а чего ты ко мне привязалась? Пока ты не взяла нож и не стала тыкать им в мои ребра, я, честно, ничего не подозревала. Не видела дальше своего носа.

Тут я ловлю напряженный взгляд Хучика и понимаю: менты тоже ничего не знали. То есть, может, подозревали, но явно не до такой степени, чтобы волочь Катерину в тюрьму. Она вполне могла отвертеться.

Могла бы. Только...

— Я подумала, что ты можешь вспомнить про кровь на пальто и... — она ловит мой озадаченный взгляд и невесело усмехается. — Ладно. Будем считать, что я просто перестаралась

Похоже, подруга только что поняла, что излишне увлеклась процессом устранения свидетелей. Что бестолковую, рассеянную Марину можно было оставить в живых, и тогда, тогда...

Но мы уже никогда не узнаем, что могло случиться «тогда». Зато я вполне могу вообразить свою мучительную смерть от тупого ножа или острого алкогольного отравления.

И все же Катьку снова становится жаль.

Перекрестный допрос длится еще несколько часов, и еще минимум час занимает составление протокола с диктофонной записи. Короткая истерика Катьки, не желающей подписывать собственные показания, навевающее сон бормотание адвокатши, еще парочка бюрократических процедур и все наконец-то расходятся. Катерину увозят обратно в камеру, адвокатесса уходит по каким-то своим делам, а Хучик с Вадимом идут курить и попутно провожают, вернее, выпроваживают меня.

— Ну что, Марина, вы больше не будете играть в сыщика? — лукаво улыбается мент (и как у него еще остались силы на интриги, после такой-то нервотрепки?).

Складываю руки на груди и торжественно обещаю... что ничего обещать не могу. Кто знает, что ждет нас завтра; да и в сегодняшнем дне у нас остается один неприкаемый труп — никто до сих пор не знает, кто убил дворника. Его убийство, как сказал Хучик, выделили в отдельное производство, и успехов там нет никаких.

Впрочем, я не рискую заострять на этом внимание и торопливо меняю тему:

— Катьку жалко. Не знаете, сколько ей должны дать?

Хучик сурово говорит, что не знает — это решит суд, и начинает заботливо промывать мне мозги о том, что нечего жалеть человека, который чудом тебя не убил. Возможно, он прав, но... Катьку все-таки жалко. Она не хотела становиться убийцей и садиться в тюрьму! Такого никому не пожелаешь вообще-то!

Но прежде, чем я успеваю поделиться с ментом этой замечательной мыслью, из-за соседнего дома выходит подозрительно знакомая фигура.

Выходит, замечает нас с Хучиком и тут же меняет курс. И даже рукава закатывает зачем-то.

Глядя на это героическое наступление, Федор Иванович тоже как-то нездорово оживляется. Наверно, рассчитывает повторно отправить его в обезьянник. Или чего похуже.

— Как думаете, мой бывший муж точно собирается бить мента возле Следственного комитета? — громко уточняю я у Вадима. Надо же дать Петьке возможность одуматься.

Приближающийся Петька спотыкается взглядом о довольную ментовскую физиономию, мрачно сплевывает в снег и, вполголоса бурча что-то матерное про ментовских шлюх,

разворачивается в обратном направлении. Хотелось бы надеяться, что он отстал навсегда... но нужно быть реалистом. Одно дело отстать от Хучика, и другое — отстать от меня.

Хучик философски хмыкает, провожает Петьку философским взглядом и поворачивается ко мне. Чувствую, сейчас он снова начнет выносить мне мозги насчет продажи бабушкиной квартиры и переезда в другой район. С другой стороны, если продать квартиру и взять другую немного дешевле, то можно обойтись без кредита на обучение. Заплатить за первый год и потихоньку начать копить на второй. Второе высшее у нас в городе не такое уж дорогое, особенно если заочно.

Хотя я все равно еще не готова к таким переменам.

— Федор Иванович, я пойду?..

— Идите, Марина, идите. Когда нам потребуется ваше участие, я позвоню. И вы тоже звоните, особенно, если к вам опять начнет приставать этот тип, бывший муж.

Заверяю его, что обязательно позвоню, и торопливо обхожу здание Следственного комитета. Так, дом у нас в той стороне, пройду туда немного... а через два квартала можно будет свернуть. На работе меня не ждут, я на весь день отпросилась, так что можно будет спокойно заняться своими делами.

В каком там доме жил наш покойный дворник?..

**Больше книг на сайте - [Knigoed.net](http://Knigoed.net)**